

А. ШАЛИМОВ
ТАЙНА ГРЕМЯЩЕЙ
РАСЩЕЛИНЫ

ДЕТГИЗ · 1962

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1962

А. ШАЛИМОВ

ТАЙНА
ГРЕМЯЩЕЙ
РАСЩЕЛИНЫ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1962

Рисунки Н. Кострова

Над горами Адж-Богдо в Заалтайской Гоби при загадочных обстоятельствах гибнет искусственный спутник Земли... Множество удивительных приключений приходится пережить героям повести «Тайна Гремящей расщелины», прежде чем они проникнут в недра базальтового плато и откроют поразительный источник мощных энергетических излучений.

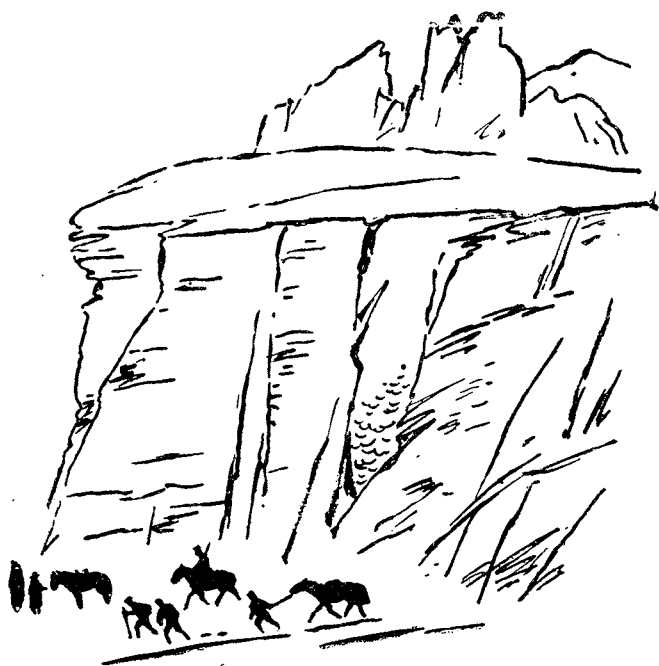
В книгу входят повести о пришельцах из неведомого мира, о поимке чудовища, дошедшего до нас из глубин тысячелетий, и невероятная история, случившаяся с крымским жителем — Митрофаном Кузьмичом Цыбулей.

«Тайна Гремящей расщелины» — третья книга геолога и писателя А. И. Шалимова.

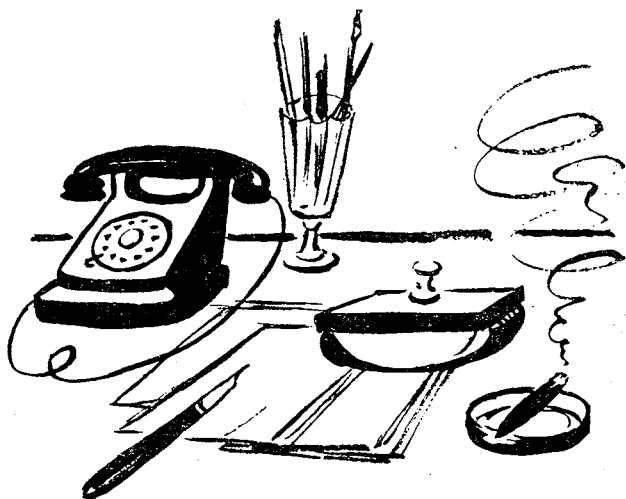
Первая — «Пульс Земли», о землетрясениях — вышла в Детгизе в 1957 году, а вторая — «Горный компас», рассказы из жизни геологов — в 1960 году.

ПЛАЙНА ТРЕМЯЩЕЙ РАСЩЕЛИНЫ

Телефон звонил тихо, но настойчиво.

Тумов отложил длинную нефритовую ручку с золотым пером — подарок монгольских друзей, хмуро покосился на поблескивающий никелем аппарат.

— Может, замолчит?

Телефон продолжал звонить.

Тумов с сожалением пробежал глазами последнюю фразу рукописи: «Можно утверждать, что источником нейтронного излучения Земли являются не ее недра, а атмосфера, где свободные нейтроны возникают под воздействием космических лучей. Следовательно...»

Телефон не унимался.

Тумов поморщился, сердито забарабанил пальцами по столу. Даже в воскресенье не хотят оставить в покое. Не мудрено, что работа над докторской диссертацией подвигается так медленно.

Резко отодвинул исписанные листки:

— Да... Игорь Николаевич Тумов у телефона... Откуда?.. Из Министерства иностранных дел?.. Гм...!

Он откинулся в кресле, пригладил рыжеватые, седеющие волосы.

— Да-да, слушаю; только, признаться, не могу понять, при чем тут я...

Голос в телефонной трубке журчал монотонно, но внятно:

— Юго-западная Монголия... Заалтайская Гоби... Хребет Адж-Богдо... сорок пять градусов северной широты... девяносто пять градусов восточной долготы...

Тумов прижал трубку плечом, взял из пепельницы недокуренную сигару, щелкнул зажигалкой, затянулся. Сквозь клубы голубоватого дыма глянул в открытое настежь окно.

Дождь прекратился. Тучи сваливались на северо-восток, за Москву. Над мокрыми крышами в лучах низкого уже солнца поблескивали окна высотных зданий.

Невидимый собеседник продолжал уговаривать.

— Ладно, — перебил Тумов, не выпуская из рта сигары. — Всё понял. Это срочно?.. Черт... Тогда пришлите машину. Пусть подъезжает к главному входу университета... Да, вот что! Я попробую захватить с собой приятеля. Мы вместе работали в тех местах... Геолог. Аркадий Михайлович Озеров. Он сейчас или в Москве, или на Камчатке... Нет, на Камчатку за ним не поеду. Только в Сокольники. Ладно... Выхожу...

Тумов положил трубку, поднялся из-за стола, с сожалением глянул на рукопись и придавил исписанные листки тяжелым пресс-папье. Подойдя к высокому книжному шкафу, снял сверху большой глобус, осторожно перенес его на письменный стол. Между экватором и полюсом в Центральной Азии нашел нужную точку, задумчиво поскреб ее толстым пальцем.

В памяти всплыли знойные волнистые равнины, красноватое солнце в бесцветном, словно насквозь пропыленном небе, черные отполированные ветрами горы. Показалось, что он слышит однообразный шум ветра над сухими горами рек. Струи горячих песчинок обжигают обветренное лицо...

Он зажмурился и тряхнул головой. Пустыня исчезла. За окном — крыши до самого горизонта, яркая зелень парков, сизая лента Москвы-реки.

Тумов вздохнул и принялся крутить телефонный диск.

На другом конце провода отозвался женский голос.

— Аркадия? — она замялась. — Он дома, но подойти не может. — А кто спрашивает?

Тумов рассердился:

— Что значит не может? Он необходим. Прошу передать ему трубку.

— Он сидит в ванне, — объяснила собеседница. — Это Игорь Николаевич?

— Я, — буркнул Тумов, недовольный, что его узнали. — Здравствуйте, Ирина Михайловна!

— Это не Ирина. Только вы могли не узнать меня...

— Простите, я хотел сказать, Людмила Михайловна, — смущенно пробормотал Тумов. — «Хорошо еще, что у Аркадия только две сестры, а не четыре», — подумал он, отирая пот со лба.

— Что передать Аркадию? — помолчав, спросили в телефоне.

— Постарайтесь передать ему трубку, — проворчал Тумов, косясь на часы: — Это важно и срочно... Нам надо ехать довольно далеко...

— У вас все срочно, — обиженно сказала собеседница. — Подождите немного.

Послышался треск, какие-то шорохи, потом хлопнула дверь и в телефоне снова зазвучал голос Людмилы.

— Провода не хватает до ванны; к следующему разу удлиним. Аркадий через полчаса выйдет...

— Пусть вылезает немедленно и одевается, — вскипел Тумов. — Через десять минут заеду за ним. Он должен быть готов, или заберу его с собой голым! Будьте здоровы.

Не дожидаясь ответа, он бросил трубку, схватил пиджак и ринулся из комнаты.

* * *

Длинный министерский «ЗИЛ» нырнул в зеленый коридор бульвара в Сокольниках и, скрипнув тормозами, замер у подъезда десятиэтажного дома. Не успел Тумов выбраться из машины, как стеклянная дверь в подъезде распахнулась. На улицу вышел невысокий худощавый человек лет тридцати пяти, в сером костюме и высоких — до колен — коричневых ботинках с толстыми шнурками. Его влажные темные волосы были гладко зачесаны назад, в зубах торчала черная изогнутая трубка; на длинном, чуть горбатым носу прочно сидели большие очки в роговой оправе. За спиной висел небольшой

рюкзак, в руках был геологический молоток с длинной рукояткой. Человек неторопливо шагнул к «ЗИЛу» и протянул руку к дверце машины.

— Куда собрался, Аркадий? — подозрительно спросил Тумов, помогая приятелю устроиться на заднем сиденье.

Озеров чуть шевельнул бровью.

— Кажется, ты сказал Люде, что мы должны немедленно ехать куда-то?

— По-видимому, но... не буквально сейчас. Может быть, ночью или завтра. Через несколько минут все будет ясно.

Озеров пожал плечами, словно желая сказать, что это не меняет дела, и откинулся на спинку сиденья.

— Можно ехать? — негромко спросил шофер.

— Да, — бросил Тумов.

— Нет, — сказал Озеров.

Он вынул изо рта трубку и указал ею на девушку в ярком платье, которая бежала к машине, размахивая косынкой.

— Вот, — сказала девушка, подбегая, — все, что успела достать. Возьмите...

Она сунула Тумову нейлоновую сетку, в которой лежали свертки, консервные банки и бутылка, запечатанная сургучом.

— Людмила Михайловна, — взмолился Тумов, — помилуйте! Мы еще... не того...

— Вы давно того, — перебила девушка. — И, между прочим, это не вам, а Аркадию. Держите и молчите. А если не сразу уедете, приезжайте вечером оба... Ну, счастливо — ни пуха ни пера...

«ЗИЛ» чуть дрогнул и, набирая скорость, покати к центру города. Тумов, закусив губы, глядел в зеркало. Там была видна Люда. Она стояла неподвижно у края тротуара, опустив до самой земли цветную косынку.

— Когда и куда ты собирался ехать этим летом? — спросил Тумов после того, как фигура девушки исчезла за поворотом.

— Послезавтра в Петропавловск-на-Камчатке.

— Так и думал...

— Надеюсь, ты вытащил меня из ванны не за тем, чтобы объявить это?

— Надейся, дружище. Пока я сам знаю очень мало...
— Приехали, — объявил шофер и затормозил машину возле мраморных ступеней, ведущих к высоким дубовым дверям.

* * *

Когда они вышли из министерства, была глубокая ночь. Уличные фонари не горели. Луна ярко освещала пустынные улицы. Прохожих не было видно. Откуда-то издалека доносились редкие гудки электровозов.

— Пошли ко мне, — сказал Тумов, — все-таки ближе.

Он перебросил за плечо рюкзак Озерова, раскурил сигару и зашагал в сторону Красной площади. Озеров не отставал, хотя рядом с массивной фигурой Тумова казался совсем маленьким. Сжимая в зубах потухшую трубку, шел рядом с приятелем и помахивал в такт шагов сеткой, набитой пакетами. Друзья молча пересекали Красную площадь, поднялись на мост через Москву-реку.

Тумов вдруг остановился.

— Есть хочешь? — спросил он и покосился на сетку.

— А ты?

— Зверски: я не ужинал.

— За мостом есть скамейка на набережной, — заметил Озеров и тоже глянул на сетку, которую держал в руке.

Они удобно расположились на гранитной скамье, еще сохранившей остатки дневного тепла. Озеров разрезал на газете булку, достал из рюкзака вилку и

ложку. Тумов ловко вскрыл карманным ножом две консервные банки, ударом широкой ладони выбил пробку из бутылки с виноградным вином.

Они черпали консервы из одной банки и по очереди запивали вином прямо из горлышка бутылки. А над ними в светлеющем небе ярко горели рубиновые звезды старинных башен.

— Завтрак это или ужин? — спросил Тумов, отодвигая пустую банку и придвигая вторую.

— Это первая трапеза нашего далекого пути, — сказал Озеров. — Признаюсь, никогда еще мне не приходилось есть холодные свиные консервы в два часа ночи на набережной возле Кремля.

— Здесь не Монголия. Разогреть не на чем. Но обещаю, что там, — Тумов указал на восток, — в самой пустейшей из пустынь у нас всегда будет охалка саксаула, чтобы разогреть консервы.

— А помнишь последнюю ночь у подножия Адж-Богдо? — спросил Озеров.

— Помню...

— И наш разговор?

— Да.

— Ты и сейчас считаешь, что был прав?

— Конечно.

— А я думаю, что мы с тобой тогда пропустили что-то необычайно важное.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что гибель американского искусственного спутника...

— Именно, Игорь! Та, проявившаяся десять лет назад загадочная радиоактивная аномалия, которую мы не смогли отыскать, и вчерашняя гибель над этим местом искусственного спутника как-то связаны между собой.

— Зеленая фантазия!

— Нет, не фантазия. Вспомни: пролетая над Адж-Богдо, самолет Исарова попал в зону такого радиоактивного излучения, что вышли из строя многие приборы, а экипаж заболел лучевой болезнью.

— Но мы с тобой, — перебил Тумов, — на следующий год исколесили Адж-Богдо и не нашли никаких следов радиоактивного излучения. Радиоактивная аномалия приснилась Исарову во время длинного перелета, а приборы перестали работать из-за недосмотра механика.

— Ну, а лучевая болезнь? Сам Исаров после перелета несколько месяцев пролежал в госпитале.

— Я не очень верю в его лучевую болезнь. Десять лет назад ее диагностика еще не была разработана. У Исарова ведь могло быть какое-нибудь другое заболевание. Не забывай, — он воевал и пережил блокаду Ленинграда.

— Что же все-таки произошло вчера над Адж-Богдо? — задумчиво сказал Озеров. — В ноте указано, что расшифровка последних показаний приборов свидетельствует, будто спутник попал в зону радиоактивного излучения и затем был уничтожен неизвестным энергетическим разрядом.

— И наши «друзья» за океаном сразу решили, что мы испробовали на спутнике новое, секретное оружие, — усмехнулся Тумов. — Вздор все это, Аркадий! На американском спутнике произошла авария приборов.

— Именно над Адж-Богдо?

— А почему бы и нет. Авария могла произойти в любом месте орбиты.

— Тогда зачем ты согласился принять участие в работе смешанной комиссии по расследованию?

— Ну, например, затем, чтобы снова увидеть места, где мы с тобой работали в молодости.

— Не верю. Для этого ты слишком занят. Скажи, — разве тебя не удивляет, что и наши геофизические обсерватории регистрировали энергетический разряд неизвестного происхождения в районе Адж-Богдо? И именно тогда, когда на высоте двух тысяч километров над этим местом перестал существовать американский искусственный спутник.

Тумов пожал плечами.

— Ты не имеешь основания не доверять бюллетеням обсерваторий.

— Если хочешь знать, — прищурился Тумов, — энергетический разряд — единственное, что меня интересует в этой истории. У меня появились некоторые мысли. Вот почему я согласился участвовать в комиссии и сосватал в нее тебя. Но разреши пока ничего не говорить. Это лишь первые предположения.

— Согласен, поспорим на месте, — спокойно сказал Озеров, заворачивая в обрывок газеты пустые консервные банки.

— Извините, товарищи, — слышался чей-то голос. — Странное место для завтрака!

— Вы хотите сказать: для ужина, — оглянулся Тумов. Милиционер приложил руку к козырьку.

— Это как вам угодно. Сейчас три ноль-ноль. Уже рассветает. Позвольте ваши документы...

— К сожалению у нас с собой только заграничные паспорта, — сказал Озеров, протягивая красную книжечку.

— Которые мы получили всего час назад, — добавил Тумов, шаря по карманам, — поэтому, понимаете, и пришлось закусить здесь...

— О, доцент Озеров, — сказал милиционер, с интересом глядя на Аркадия. — Очень приятно познакомиться. — Козырнув, он вернул паспорт.

— Вы знаете меня? — удивился Озеров.

— Конечно, то есть издали, так сказать, — пояснил милиционер. — Слышал ваши лекции по радио и выступление по телевидению насчет происхождения Земли. Интересно было...

— Благодарю, — поклонился Озеров.

— А меня вы, случайно, не знаете? — проворчал Тумов. — А то я вот никак не могу найти паспорт. Куда я его сунул?..

— Твой паспорт в заднем кармане брюк, — заметил Озеров.

— Не беспокойтесь, все в порядке, — поспешно сказал милиционер, даже не взяв в руки паспорта Тумова. — Вы извините, служба. А паспорт лучше куда-нибудь в другое место положили бы. Не ровен час!.. Потом и вам неприятности и нам работа... Счастливого пути, товарищи!

* * *

«ТУ-114» летел на восток. Уже остались позади лесистые горбы Урала; блеснул на юге голубой Арал. Неподвижные гряды тяжелых облаков закрыли далекий горизонт. Там были горы. Под крылом самолета в пыльной дымке знойного полудня плыли пески Бек-Пак-Далы.

Озеров откинулся в кресле, раскурил трубку, затаился. Рядом, похрапывал Тумов. Монотонно гудели мощные моторы. Чуть вибрировала обитая темной тканью стенка салона.

«Изменилось ли что-нибудь в тех местах за прошедшие девять лет? — думал Озеров. — А впрочем, чему меняться?» Там не было ни дорог, ни селений. Безводная пустыня замкнула все пути к далеким горам. Даже арабы не заходили со стадами на выжженные солнцем плоскогорья. Километрах в пятидесяти южнее Адж-Богдо были развалины ламаистского монастыря. Девять лет назад там жил старый монгол-охотник с мальчиком. И больше никого на сотни километров вокруг.

Американский представитель в смешанной комиссии, который прибудет завтра в Алма-Ата, вероятно, рассчитывает увидеть на пути к Адж-Богдо автомагистрали с удобными гостиницами, аэродромы и бетонированные площадки ракетных установок. Его ждет горькое разочарование.

И все-таки что же происходит в Адж-Богдо?

Если события, разделенные десятилетним промежутком, действительно связаны между собой и корни их следует искать в природных условиях Адж-Богдо, то наиболее подозрительным является молодое вулканическое плато на южном склоне. Там даже сохранились остатки вулканов — значит, извержения происходили недавно, в четвертичное или позднечетвертичное время. Правда, никаких следов современного вулканизма они с Тумовым тогда не обнаружили. Только горячие источники. У одного из таких источников стоял их лагерь. Из маршрутов приходили измученные и злые. Игорь вскоре перестал верить в загадочную аномалию Исарова.

— Аномалия, ухваченная с высоко летящего самолета, — не иголка, — сердито твердил он. — А мы ее ищем, как иголку. Нет здесь ничего — и точка.

Конечно, упоминание об иголке было преувеличением в обычной манере Игоря. Хребет Адж-Богдо протянулся на много десятков километров. Его скалистые вершины вздымались на две с лишним тысячи метров над окружающими пустынными плоскогорьями. Сеть маршрутов не могла быть густой. В некоторые долины они вообще не заглядывали, другие оказались недоступными. И все же в словах Игоря была доля правды. Хребет они исследовали достаточно, — чтобы утверждать, что крупной радиоактивной аномалии в нем нет.

Оставался еще Исаров, которому нельзя было не верить. Его самолет побывал в зоне интенсивного радиоак-

тивного излучения. Сам Исаров заплатил за это здоровьем. В чем же дело? Направленная аномалия, связанная с каким-то кратером? Таких в природе пока неизвестно. Но даже и такая аномалия должна проявиться на большей площади, и трудно было бы ее не заметить.

Озеров в глубине души всегда считал, что загадка Адж-Богдо не разрешена. Было во всей этой старой истории что-то, что заставляло его снова и снова мысленно возвращаться к ней, ворошить воспоминания, сопоставлять наблюдения и факты, искать ключ к надежной теории.

— Надежная теория, — Озеров усмехнулся уголками губ. Прежде он был твердо уверен, что из некоторого количества наблюдений ее вывести не трудно.

А вот в случае Адж-Богдо — ничего. Никакого удовлетворительного объяснения. Никакой разумной мысли. Фактов мало? Может быть. А может, что-нибудь другое?.. Если гибель искусственного спутника над Адж-Богдо не простая случайность, связанная с самой аппаратурой спутника, то ведь это повторение истории с самолетом Исарова. Только теперь весь процесс проявился гораздо более энергично. Именно более энергично... Что же это — новый, еще не известный науке тип вулканического извержения — извержение лучей, энергии? А почему бы и нет? Существуют же извержения грязи, пепла, паров, вулканических бомб, лавы... Почему из недр Земли не может извергаться энергия в виде, например, потока каких-то лучей? Итак, извержение энергии... Оно не оставляет видимых следов; может быть, происходит в очень короткий отрезок времени. Если это так, то что за сила энергетической вспышки! Спутник был уничтожен в двух тысячах километрах от поверхности Земли...

Озеров вдруг хватил себя по лбу.

Какая мысль! Если за этими рассуждениями кроется доля истины, что за блистательное подтверждение гипотезы, над которой он работает много лет. Еще в кандидатской диссертации он высказал предположение, что энергия земных недр — это ядерная энергия — энергия ядерного синтеза, в результате которого из атомов более легких элементов возникают элементы более тяжелые. Эти ядерные превращения вещества происходят в глубинах Земли. На поверхность Земли доносятся только их

отзвуки — вулканическая деятельность, горообразование и множество других, пока еще непонятных явлений.

Он развил эту мысль в ряде более поздних работ. Вначале ее приняли в штыки, бранили и критиковали с позиции классической геологии, затем о ней вспоминали с ироническими усмешками, потом, с легкой руки одного из корифеев, она попала в учебники в раздел «прочие гипотезы», который обычно набирался петитом.

Озеров прекрасно понимал, в чем слабость его гипотезы: она была построена на общих рассуждениях, на чистой логике. Доказать своих предположений он не мог ни полевыми исследованиями, ни лабораторными опытами. Его гипотеза превосходно объясняла многое, объясняла лучше, чем гипотезы, ставшие классическими. И классические гипотезы были так же недоказуемы, как его ядерная. Однако к ним привыкли, их повторяли как молитву, не особенно вдумываясь в смысл, а от него требовали доказательств — доказательств того, что в глубинах Земли идут ядерные реакции синтеза тяжелых элементов. Этих доказательств до сих пор у него не было. Но, может быть, доказательства удастся найти в Адж-Богдо? Энергетические разряды, периодически извергаемые из глубин Земли, — что может быть лучшим доказательством ядерных реакций, идущих в земных недрах!

Озеров принялся трясти Тумова.

— А, уже садимся, — встрепенулся геофизик.

— Еще нет. Но послушай, что мне пришло в голову. — Он кратко рассказал о своих соображениях.

— Зеленая фантазия! — зевнул Тумов. — Лучистая энергия поступает на Землю только из космического пространства. Извне... И зачем разбудил? Теперь не засну... — Он сокрушенно покачал головой, закрыл глаза и через минуту снова начал похрапывать.

Озеров некоторое время глядел в окно, потом сунул в карман потухшую трубку, достал записную книжку в кожаной оправе и принялся писать мелким, угловатым, похожим на клинопись почерком.

* * *

Мистер Алоиз Пигастрер был высок и лыс. Седые брови нервно подрагивали на сухом лице, когда он говорил и улыбался.

Улыбался он по каждому поводу. При этом ярко бле-

стели золотые зубы, а глаза оставались настороженными и внимательно буравили собеседника.

Озеров и Тумов познакомились с американцем на алма-атинском аэродроме, перед посадкой в самолет, который должен был доставить их в монгольский город Кобдо. Местные власти сделали все возможное, чтобы комиссия экспертов могла быстрее оказаться в районе работ.

Мистер Пигастер не успел даже осмотреть Алма-Ату. Его пересадили из одного самолета в другой, и вот они уже летят над снеговыми хребтами Джунгарского Ала-Тау.

Услышав, что Тумов свободно говорит по-английски, Пигастер обрадованно хлопнул Игоря по плечу, уселся с ним рядом и болтал всю дорогу.

Тумов вскоре узнал, что американец впервые в Советском Союзе, что он совсем не знает русского языка, но исколесил Индию, Тибет, Гималаи и владеет чуть ли не всеми языками народов Центральной Азии. По специальности он геофизик, астроном и математик. Сам управляет автомашиной и самолетом, а в молодости увлекался гипнозом и спиритизмом.

— Правительство Монголии хорошо делает, что дает возможность осмотреть место катастрофы, — заявил он. — Политики даже в Азии с годами становятся умнее и стараются не раздувать конфликтов.

— Какой конфликт? — возразил Игорь. — Неужели вы думаете, что гибель вашего спутника — дело человеческих рук?

— А неужели вы думаете иначе? — блеснул зубами Пигастер.

— Разумеется. Либо авария приборов, либо природное явление.

— Авария приборов исключена. Все приборы работали блестяще, мистер Тумов.

— Ну а, например, столкновение с метеоритом? — прищурился Игорь.

— Исключено. Скажу вам по секрету: наш спутник был снабжен специальным предохраняющим устройством, которое превращало встречные метеориты в пар.

— Это не секрет, — заметил Игорь. — Но предохраняющее устройство могло отказать...

— Невероятно. И вообще вероятность встречи с метеоритом совершенно ничтожна.

— Согласен. Однако она существует. Мы с вами запустили уже не один десяток искусственных спутников. И вот, наконец, эта ничтожная вероятность осуществилась.

— О, мистер Тумов, наш последний спутник — это целая летающая лаборатория. Там все было предусмотрено. В таком спутнике могли бы лететь несколько человек... Приборы были рассчитаны на многолетнюю работу.

— И все же ваш спутник погиб из-за какой-то непредвиденной случайности, — решительно заявил Тумов.

— Случайности — да, — ослепительно улыбнулся американец, — непредвиденной — нет.

— Простите, не понимаю.

— Или не хотите понять, дорогой мистер Тумов... Возможно, что никто не намеревался сознательно уничтожить нашу летающую лабораторию. Это произошло случайно, например при испытании какого-то нового оружия. Как это у вас говорится: целился в корову, а попал в ворону.

— У нас говорят не совсем так, но это не имеет значения, — заметил Тумов. — Меня интересует другое: неужели вы сами, мистер Пигастер, верите в высказанное вами предположение?

— Это официальная точка зрения государственного департамента. — В первый раз слова Пигастера не сопровождались улыбкой. — Я американец, сэр.

— Но вы и ученый, если не ошибаюсь. Вы представляете, что значит «случайно попасть» в спутник, летящий с космической скоростью на высоте двух тысяч километров над поверхностью Земли. Какое оружие могло воплотить такую задачу?

— Этого я не знаю, но хотел бы узнать.

— Путем осмотра места, над которым произошла катастрофа?

— А почему бы и нет?

— Потому, что если всерьез придерживаться вашей официальной точки зрения, то «оружие», уничтожившее спутник, можно искать где угодно, в любой точке планеты или... даже за ее пределами, что гораздо вероятнее.

— Не совсем так, мистер Тумов, — снова блеснул зубами Пигастер, — не совсем так. Я уже имел удовольствие объяснить вам, что наш спутник — это целая летающая лаборатория. Там были сотни приборов, непрерывно передающих показания по радио. Анализ последних показаний приборов свидетельствует, что спутник получил удар по вертикали снизу. Удар был вызван не снарядом и не волной взрыва, а скорее каким-то мощным излучением, например потоком нейтронов.

— Какая ерунда! — вскричал Тумов. — Мощный поток нейтронов, источником которого является Земля!

— Я сказал, например, потоком нейтронов, — ласково улыбнулся Пигастер. — Это могли быть не нейтроны, а какие-то другие частицы. Если удастся найти остатки спутника...

— Уцелевшие после падения с высоты двух тысяч километров?

— Конструкция спутника предусматривала и такую возможность. Отдельные контейнеры могли достигнуть поверхности Земли.

— Если бы удалось найти хоть один болт с вашего спутника, это было бы замечательно, — задумчиво сказал Тумов. — Тогда многое прояснилось бы. Боюсь только, что это невыполнимая задача. Легче найти иголку, сброшенную в джунгли с самолета.

— Все же попробуем найти, — снова заулыбался Пигастер. — И вдруг найдем не иголку, а что-нибудь более крупное! Это было бы еще замечательнее.

— Вы подразумеваете источник нейтронного излучения? — вмешался в разговор Озеров. Он задал вопрос по-французски, постеснявшись продемонстрировать перед американцем свое, как он сам считал, очень плохое английское произношение.

Пигастер и Тумов повернулись к сидящему позади них Озерову. В глазах американца блеснула настороженность. В вопросе ему почудилась ловушка. Впрочем, он быстро нашелся.

— Источник едва ли, — сказал он, также переходя на французский, — скорее какие-нибудь следы. Лучевая установка такой мощности — сложное сооружение. Следы в пустыне должны остаться. Если мне разрешат беспрепятственно передвигаться по всему району...

— Можете не сомневаться в этом, — вставил Тумов.

— Тогда что-нибудь найдем, — с поклоном закончил Пигастер.

— По-моему, надо искать не «следы», а сам источник излучения, — твердо сказал Озеров. — Я тоже склонен думать, что он там где-то существует.

Озеров сделал длинную паузу.

Американец удивленно приподнял брови и, чуть прищурившись, ждал.

— Но это природный источник излучения, а не искусственный, — заключил Озеров.

— Ах вот что, — разочарованно усмехнулся Пигастер. — Интересно, очень интересно... Три головы, три точки зрения, — продолжал он по-английски, обращаясь к одному Тумову, и, помолчав, спросил совсем тихо: — Мистер Озеров, случайно, не писатель?

— Что вы, он геолог, — немного обиделся за приятеля Тумов. — Довольно известный геолог.

— Ах, этот Озеров, — снова изумился Пигастер. — Автор ядерной гипотезы Земли? О-о!.. Россия выдвинула в комиссию ведущих ученых. О-о, мне выпала большая честь... О-о-о! — Он умолк и потом добавил, как бы про себя: — Интересно, очень, очень интересно... О-кей.

Самолет уже шел на посадку. На горбатых, покрытых пятнами зелени склонах виднелись беспорядочно разбросанные желтые и белые домики. Это был город Кобдо — центр одного из западных аймаков¹ Монгольской Народной Республики.

* * *

— Вы можете ехать немедленно, господа, — вежливо сказал за завтраком Зундуйн Очир — представитель монгольского Министерства иностранных дел.

Он встретил экспертов на аэродроме, проводил их в гостиницу и теперь сидел вместе с ними в маленьком застекленном павильоне ресторана.

Дымился горячий плов, приправленный яблоками, алычой и тонко нарезанными ломтиками моркови. Айран, монгольский сыр и густой крепкий чай дополняли несложное меню.

---

¹ А й м а к — район.

— Мне поручено сопровождать вас до Тонхила, — продолжал Очир. — Это в четырехстах километрах отсюда, у подножия Алтая. Там вы встретите нашего геолога Батсура с караваном машин, лошадей и верблюдов. Батсур — член комиссии экспертов. Он поедет с вами на Адж-Богдо. Мы хотим попробовать провести машины через перевал Тамч-Даба в Монгольском Алтае. Там проходил старый караванный путь в Китай, но им давно перестали пользоваться. Дорога заброшена...

Озеров с сомнением покачал головой.

— Едва ли машины пройдут через Тамч-Даба.

— Подразделение саперов уже ремонтирует дорогу на северном склоне Алтая, — объяснил Очир. — Они получили приказ обеспечить спуск вашего каравана в Барун-Хурай — обширную впадину, расположенную между Монгольским Алтаем и Джунгарской Гоби. Дальше все будет зависеть только от вас. Машины доставят экспедицию к подножию северного склона Адж-Богдо. Начнете работать. Через несколько дней прибудут лошади и верблюды, тогда сможете исследовать центральную часть Адж-Богдо. Работы рассчитаны на месяц. Если окажется необходимым, срок может быть продлен по желанию одного из экспертов.

Разговор велся по-русски. Мистер Пигастер неторопливо жевал плов, запивал чаем, равнодушно поглядывал в окно. Там по узкой мощеной улице караван навьюченных верблюдов осторожно пробирался мимо стоящих у подъездов легковых и грузовых машин.

Верблюды вытягивали длинные шеи и протяжно ревели; гортанно покрикивали смуглые погонщики, одетые в яркие халаты и высокие войлочные шапки. За плоскими желтыми крышами виднелись поросшие лесом склоны невысоких гор, а над ними яркое синее небо.

— Прошу извинения, господа, — обратился по-английски к Тумову Пигастер. — Когда и как мы можем двигаться дальше? Мы должны спешить. Очень спешить...

— Предлагают хоть сейчас, — сказал Тумов. — Но мне кажется, нам следует передохнуть и выехать завтра утром.

— На чем мы полетим? — прищурился Пигастер.

— А мы не полетим, — пояснил Тумов, наливая себе холодного айрана. — Мы поедем на грузовиках, потом

на верблюдах, потом на лошадях и, в заключение, пойдем пешком.

— Вы, конечно, шутите.

— Даже в мыслях не имел...

— Тогда я протестую, господа, категорически протестую. Это перечеркивает все планы. Нужны самолеты, вертолеты, вездеходы. Да, господа, если у вас их нет, Америка может доставить все это через два — три дня.

— Я в отчаянии, мистер Пигастер, что вас так устраивает способ передвижения, — вмешался по-английски Очир. — Я в отчаянии и от того, что ваши американские самолеты и вертолеты, которые, бесспорно, очень хороши, будут здесь в Гоби так же беспомощны, как и наши. Гостеприимство не позволяет нам идти на риск. Мы не можем позволить, чтобы хоть один волос упал с головы кого-либо из членов высокой комиссии.

Тумов чуть заметно подмигнул Озерову, поглядывая на лысину Пигастера.

— Там, на далеком юге, — продолжал Очир, — лежит пустыня, окружающая пустынные безлюдные горы. Там нет поселков, нет даже стойбищ, нет складов горючего, нет аэродромов. Постоянные ветра и бураны необычайно затрудняют посадку самолетов и делают невозможным использование вертолетов.

— Самолеты и вертолеты летают даже в Антарктике, — заметил Пигастер.

— Летают и здесь, когда нет иного выхода, — спокойно сказал Очир. — Конечно, можно было бы подыскать посадочную площадку и оборудовать ее для приема экспедиции. Но на это потребуются еще недели. И даже добравшись самолетом к подножию Адж-Богдо, все равно придется ждать там прибытия лошадей. А на машинах комиссия доберется за пять — шесть дней. В наших краях машина и лошадь надежнее самых новейших самолетов, господа.

— Решено, — громко объявил Тумов. — Едем на машинах. Голосую! Кто за?

Пигастер ослепительно улыбнулся.

— Вижу, что остался в меньшинстве. Свой протест сегодня вечером вручу в письменном виде.

* * *

Шестой день пробивался караван машин на юго-восток, к подножию далекого Адж-Богдо. С помощью саперов были пройдены крутые уступы Тамч-Даба, хотя мистер Пигастер на каждом привале твердил, что перевала они не возьмут и только напрасно теряют драгоценное время. Когда цепочка машин поднялась на перевал и путешественники увидели красно-оранжевое солнце, выплывающее из-за пыльной мглы бескрайних пустынь, Тумов сказал американцу:

— Ну вот, все в порядке. Осталась меньшая половина.

— Надо еще спуститься, — сухо заметил Пигастер, кутаясь в меховую куртку. — Интересно, какая здесь высота, мистер Тумов?

— Пустяки. Всего две тысячи семьсот пятьдесят метров над уровнем моря. Ровно на километр ниже, чем гребень Адж-Богдо.

Пигастер покачал головой, но ничего не сказал. После отъезда из Кобдо он улыбался все реже.

К вечеру машины спустились с перевала.

Впереди лежали желтые плато Барун-Хурая. Далеко на юго-востоке, за грядой невысоких возвышенностей, которые едва проступали на горизонте, была Заалтайская Гоби. Обжигающий ветер гнул к самой земле пучки высохшей травы. Пыльные смерчи поднимались высоко в воздух на пустынных увалах и исчезали, как призраки. Низкое солнце тускло светило сквозь пыльную завесу. Невидимый песок колот лицо и скрипел на зубах.

Из кабины первой машины вылез молодой круглолицый монгол в ватнике и фетровой шляпе с ремешком у подбородка — геолог Батсур, доцент улан-баторского университета; пригибаясь на ветру, подошел к Озерову.

— Где-то здесь должно быть стойбище аратов, — начал он, стараясь перекрычать свист ветра. — Станем на ночлег возле них...

— Араты здесь за перевалом, — удивился Озеров, — с каких пор?

— Пробуют осваивать пустыню, — усмехнулся Батсур. — Уже несколько лет приходят со стадами к подножию южного склона хребта, но туда, — он указал на юг, — далеко не заходят. Жмутся к горам. А там, в Гоби, кое-где есть хорошие пастбища. Боятся чего-то. Не хотят идти на юг... Это стойбище последнее; больше людей не встретим.

Машины покатались дальше по сухому руслу потока, стекающего ранней весной с южного склона хребта. Русло, сложенное мелкой галькой, напоминало широкую проселочную дорогу и подобно проселку причудливо извивалось среди невысоких красноватых и черных скал. Местами в защищенных от ветра уголках попадались чахлые кусты остролистного тамариска. Редкие метелки эфедры покачивались на склонах. Уже темнело, когда впереди у подножия невысокого плато заблестели огни костров.

Прибытие каравана машин вызвало переполох в стойбище аратов. Отовсюду — из войлочных юрт, от костров, из-за ближайших холмов к машинам шли и бежали мужчины, женщины, дети в ватных халатах и островерхих меховых шапках; махали руками, переговаривались на ходу, кричали, показывали на машины и на покрытые снегом скалистые гребни недалеких гор.

Батсур заговорил с аратами. Шум утих. Пастухи слушали внимательно. Многие удивленно и даже недоверчиво покачивали головами.

Когда Батсур умолк, вперед выступил высокий седобородый старик в красном, расшитом серебром халате, зеленых сапогах с загнутыми вверх длинными носками и в войлочной шапке, отороченной лисьим мехом. Пронзительный взгляд старика обежал гостей, задержался на мгновение на лице Озерова. Коснувшись коричневыми руками бороды, старик заговорил высоким гортанным голосом.

Батсур переводил.

— В отборной крупе нет сора, у старого человека нет лживых слов. Араты приветствуют дорогих гостей, прибывших в Гоби из далеких краев. Араты склоняются перед великим искусством смелых наездников, проводивших железных коней, — Батсур хлопнул рукой по кузову ближайшей машины, — через заоблачные выси Большого перевала. Двадцать зим назад араты подума-

ли бы, что железные кони спустились с неба, ибо пути для железных коней через горы нет. Теперь араты думают иначе. Они читают газеты и слушают радио. Они знают, что человек все может. Он может найти воду в Гоби, может спасти стада от зимних буранов, может провести железных коней там, где раньше спешивались самые отважные наездники. Когда-нибудь человек обуздает и злые силы громовых духов, обитающих на юге. Просторы Гоби перестанут пугать мирных пастухов. Араты уже многому научились от своих старших друзей, живущих на севере и на западе. Они будут учиться и

далее. Счастлив познающий сладость и плоды учения. Араты горды тем, что среди искусных наездников, которые вели железных коней через Большой перевал, есть и монголы. Оставайтесь у нас и отдохайте, пока вам не наскучит наше гостеприимство. Отдаем вам самые лучшие юрты, самые мягкие кошмы, самые теплые одеяла. Юноши выбирают в стадах самых жирных баранов. Толстый Цыбик, которому известны все тайны запахов жареного мяса, уже точит ножи. Оставайтесь и будьте так же счастливы, как счастливы араты, приветствующие дорогих гостей.

Старик замолчал, опять коснулся бороды и, подойдя к гостям, медленно и торжественно обнял каждого.

Когда очередь дошла до Озерова, старик похлопал его по плечу и на ломаном русском языке сказал:

— Ты был Гоби — старый Батоцирын помнит тебя. Ты был Юсун-Булак, там, — старик показал на север. — Это было давно; много зим прошло.

— Я не помню тебя, отец, — ответил Озеров, обнимая старика, — но я завидую твоей памяти — памяти степного орла. Я был в Юсун-Булаке, перед поездкой в Гоби, девять лет назад.

— Кто был Гоби и снова вернулся, тот найдет счастье, — сказал старый Баточирын.

— Если пришел без плохой мысли, — добавил он, обнимая Пигастера, стоящего возле Озерова.

Араты снова заговорили шумно и приветливо, окружили гостей, обнимали, жали руки.

Долго не гасли в эту ночь костры в стойбище пастухов. Ветер стих, улеглась пыль. Неподвижный воздух был холоден и сух. В черном небе над пустыней ярко искрились звезды. Приятным теплом тянуло от костров, в которых, потрескивая, горели сухие ветви саксаула и караганы.

Батсур, лежа на кошке между Озеровым и Тумовым, вполголоса говорил.

— Наш американец прицепился к старому Баточирыну, как колючка к лошадиной гриве. Больше часа говорят. О чем бы?

— Третий способ изучения местности и обстановки, — усмехнулся Тумов, — расспросы местного населения.

— Хорошо он говорит по-монгольски? — спросил Озеров.

— Лучше меня, — засмеялся Батсур. — В общем понять можно.

— Любопытный тип, — вполголоса заметил Озеров, поглядывая в сторону соседнего костра, где седобородый Баточирын, наклонив голову, внимательно слушал улыбающегося Пигастера.

— Разведчик! — процедил сквозь зубы Тумов.

— Не только, — возразил Озеров, — он и ученый. Мне попадались его работы по земным токам и магнетизму. Ты тоже должен их знать.

— Ерунда. Ни одной путной мысли. Фантазия...

— У тебя — все фантазия, — спокойно заметил Озеров. — А, между прочим, в самых фантастических представлениях есть зерно истины. Вот, например, сегодня, приветствуя нас, Баточирын сказал о громовых духах, обитающих на юге Гоби. Это, конечно, какая-то легенда. Но мне очень хотелось бы узнать о ней подробнее. Ты обратил внимание на эти слова?

— Нет, — сказал Тумов. — Пока он говорил, я старался вспомнить, куда положил контрольные таблицы для измерительных приборов.

— Вспомнил?

— Нет.

— А ты не мог оставить их в Москве?

— Не думаю, — протянул Тумов не очень уверенно.

— Это скандал, если таблиц не окажется, — покачал головой Озеров. — Надо завтра же проверить... А вы, Батсур, знаете легенду, о которой говорил Баточирын? — продолжал он, помолчав.

— Не знаю, — тряхнул головой молодой монгол. — В Гоби много легенд. Здесь о каждой долине, о каждой скале существуют легенды. Завтра спрошу Баточирына.

* * *

На следующее утро Озерова разбудили свист и вой ветра. Юрта дрожала от сильных порывов. В воздухе снова было полно тонкой песчаной пыли. Выбравшись из спального мешка, Озеров увидел вокруг страшный беспорядок. Вьючные чемоданы были раскрыты, содержимое раскидано по полу. Среди вороха одежды, книг, инструментов и разного походного снаряжения мрачно копался Тумов.

— Таблицы? — спросил Озеров.

Тумов молча кивнул.

Войлочная завеса у двери приподнялась, пропустив Батсура.

— Ветер разыгрался, — объявил он, снимая пылезащитные очки. — Придется ждать. Пути не видно.

Постепенно в юрте собрались все участники экспедиции. Последним пришел мистер Пигастер со своим секретарем — бледным молчаливым молодым человеком.

Завтракали молча. Торопливо глотали плов, запивали кислым молоком. Первыми поднялись и вышли шоферы, за ними радисты. Когда стали расходиться коллекторы, Озеров попросил их упаковать чемоданы, распотрошенные Тумовым.

— А что вы искали, Аркадий Михайлович? — спросил Жора, коллектор Тумова, собирая раскиданное по войлочному полу имущество.

— Игорь Николаевич искал контрольные таблицы.
— Так они не здесь! — крикнул Жора. — Кто-то их засунул в ящик с лекарствами. Я еще думал, — зачем они там?

Тумов открыл было рот, чтобы прочитать Жоре нотацию, но, поймав насмешливый взгляд Озерова, махнул рукой и промолчал.

После полудня ветер стал утихать. Решено было двигаться дальше. Нагруженные машины выстроились в походную колонну.

— Говорили с Баточирыном? — спросил Озеров у Батсура.

— Говорил. Смеется. Сказал: «Идите спокойно. Грозовые духи вас не тронут: уснули надолго».

— А легенду рассказал?

— Не хотел. Говорил: «Непонятные вопросы задаете. Вчера чужеземец, который разговаривает на нашем языке, спрашивал про большие машины с военными людьми. Откуда в Гоби большие машины? Ты теперь спрашиваешь про старую легенду. Зачем вам это?» Рассердился и не хотел со мной говорить. Сказал: «Надо баранов посмотреть» — и ушел.

Озеров задумчиво посасывал трубку.

— Уснули надолго, — повторил он. — Интересно! Надо обязательно узнать про эту легенду, Батсур.

— Теперь не скажет, — засмеялся молодой монгол. — У нас старики упрямые.

Проводить экспедицию собралось все стойбище. Араты шумно желали удачи, жали руки. Девушки протягивали отъезжающим пиалы с айраном и кумысом.

Озеров оглядывался по сторонам, но старого Баточирына не видел.

— Уехал к стадам, — сказал Батсур, заметив вопросительный взгляд геолога. Придется эту легенду самим разгадывать...

* * *

Уже две недели работала экспедиция на северных склонах Адж-Богдо. Когда пришли лошади и верблюды, начались маршруты в глубокие ущелья, пересекающие горный массив. Машины колесили по предгорьям. Пешие группы штурмовали черные скалы.

Пигастер был неутомим. С утра до ночи, в зной и

в бураны, носился он на маленьком газике по предгорным плато, въезжал на крутые склоны, петлял среди скал. Дважды он заблудился и не вернулся на ночь в лагерь. Однако оба раза на другой день ухитрился, одному ему известным способом, найти правильную дорогу.

Когда газик заезжал в лабиринт скал, из которых, казалось, не было выхода, Пигаcтер отстранял шофера-монгола и сам брался за баранку. И каждый раз благополучно выводил машину на более или менее ровное место.

Шоферы прозвали его «летающим шайтаном», но слушались беспрекословно. Если бы Пигаcтер велел съехать с отвесного обрыва, они без колебаний выполнили бы его распоряжение.

Своего помощника Пигаcтер редко брал в эти поездки. Чаще он отправлял его в пешие маршруты в глубь гор вместе с Озеровым или Тумовым.

Озеров методически, шаг за шагом, составлял геологическую карту Адж-Богдо. Однако здесь, на северном склоне, его предположения не находили подтверждений. Горы были сложены древними песчаниками и сланцами. Не попадалось никаких следов молодого вулканизма, никаких значительных аномалий. Батсур во время одного из маршрутов нашел месторождение свинца, но многие сотни километров, отделяющие Адж-Богдо от поселков и дорог, лишали эту находку практического значения еще на долгие годы.

Экспедиция уже трижды меняла лагерь, постепенно перемещаясь с северо-запада на юго-восток. Вскоре предстоял переход на южные склоны массива.

Пигаcтер в начале работ обещал награду тому, кто найдет хоть какие-нибудь остатки контейнеров погибшего искусственного спутника. Рабочие, шоферы и радисты исходили сотни квадратных километров предгорных равнин. Однако ни на склонах Адж-Богдо, ни на пустынных плато, окаймляющих массив, ничего не удалось найти.

В середине июля наступила сильная жара. Безветренные дни были особенно тяжелыми. Раскаленный воздух обжигал кожу. Моторы отказывались работать. Легкие дышали с трудом. Пройдя всего несколько километров, обессиленные люди падали в тени скал. Нужна была

немалая выдержка, чтобы заставить себя снова выйти под лучи палящего солнца.

Из всего состава экспедиции, казалось, только Озеров не страдал от жары.

В самые жаркие часы дня он мог лазать по открытым склонам, отбивал образцы, делал зарисовки, подолгу записывал свои наблюдения. Официально, с момента выезда из Тонхила, экспедицию возглавлял Тумов, его заместителем считался Батсур. Фактически всем командовал Озеров. Тумов и Батсур ничего не делали без согласования с ним; его советы принимались без возражений. Младшие научные сотрудники во всех спорных случаях обращались к Озерову; его мнение считалось окончательным и никем не оспаривалось.

Работы шли полным ходом, несмотря на дневной зной, жажду и усталость. Однако поиски были безрезультатными. Ни наземных причин катастрофы, ни остатков искусственного спутника экспедиция не находила.

Однажды поздно вечером Тумов, Озеров и Пигастер, только что возвратившиеся из маршрутов, ужинали в палатке Батсура.

Ночь была тихая, но холодная. После дневного зноя температура быстро спадала, на рассвете она нередко опускалась до нуля.

— Пора переходить на южный склон массива, — сказал Тумов, протягивая миску за второй порцией жареного мяса. — Как твое мнение, Аркадий?

— Согласен, — помолчав, ответил Озеров.

— А вы что думаете, мистер Пигастер?

— Я готов.

— Значит, ничего, никаких следов, — заметил Тумов, поглядывая исподлобья на своих собеседников.

— Остается еще южный склон, — улыбнулся Пигастер.

— А ваши предположения не поколебались?

— Отчасти, — Пигастер забарабанил пальцами по пластмассовой плите походного столика. — Отчасти, мистер Тумов. Впрочем, неизвестно, что мы найдем на южном склоне.

— Край еще более дикий, чем здесь. Тут побывало несколько исследователей, там были только мы с Озеровым.

— Но там ближе до китайской границы, — возразил Пигастер. — Там могут быть дороги; можем встретить людей. Встретили же мы пастухов на южном склоне Монгольского Алтая.

— Напрасные ожидания!

— Девять лет назад там жил отшельник-охотник, — сказал Озеров. — Но это значительно южнее, километрах в пятидесяти от Адж-Богдо.

— О, надо обязательно навестить его, — оживился Пигастер.

— Если он еще жив, — процедил Тумов.

— С ним был мальчик, — продолжал Озеров. — Они жили в развалинах покинутого ламаистского монастыря. Монахи ушли в Китай, а этот охотник, вероятно, остался сторожем монастырских владений.

— Почему ушли монахи? — заинтересовался Пигастер, обращаясь к Батсуру. — Ваше правительство изгнало их?

— Наше правительство не преследует монахов. А о существовании монастыря к югу от Адж-Богдо едва ли знали в Улан-Баторе. Этот монастырь покинут давно.

— Да, — подтвердил Озеров, — он был покинут лет за пятнадцать до нашего первого приезда в эти места. Старик-охотник рассказывал, что монахи ушли после сильного землетрясения.

— Неужели этот человек провел в полном одиночестве пятнадцать лет? — с сомнением спросил Пигастер.

— Вероятно, он иногда уходил к людям, — сказал Озеров. — Иначе откуда у него взялся бы мальчик, которому на вид было не более восьми лет.

— А может, там вблизи все-таки есть стойбища? — снова улыбнулся Пигастер.

— Стойбищ там нет, — возразил Батсур. — К югу от Адж-Богдо сейчас простирается безводная пустыня. Несколько десятков лет назад вода там еще была. На старом караванном пути в Китай есть высохшие источники и колодцы. Но вся местность между Монгольским Алтаем и Китайским Тянь-Шанем испытывает сильные поднятия. Грунтовые воды уходят на глубину, источники исчезают. Монахи покинули монастырь не потому, что испугались землетрясения. Монастырь они могли отстроить. Пропала вода, был заброшен старый караванный путь, и

люди перестали посещать монастырь. Доходов не стало. Монахи ушли...

— Возможно, — сказал Озеров, — однако землетрясение, разрушившее монастырь, было очень сильным. Постройки старинные. Они насчитывали не одну сотню лет. Разрушено почти все. Даже помещения, высеченные в скалах, пострадали. Восстановить все это было бы нелегко. Здесь временами происходят сильнейшие землетрясения, сопровождающие рост горных хребтов. Плоские плато на вершинах высоких гор — свидетели той недавней эпохи, когда здесь были бескрайние равнины. Сейчас остатки древних равнин приподняты на три — четыре километра над уровнем моря. На глазах человека происходит перестройка земной коры. Древний континент — платформа — превращается в свою противоположность — горную область. Если этот процесс будет продолжаться, он может завершиться грандиозными обрушениями. В Центральную Азию возвратится море, и лишь вершины высочайших хребтов останутся над водой, наподобие островов современных океанов.

— Мрачные прогнозы, — усмехнулся Пигастрер. — К счастью, это, по-видимому, произойдет не слишком скоро.

— Нашему поколению можно не опасаться, — кивнул Тумов.

— Господин Батсур, — обратился Пигастрер к молодому монголу. — Вы, конечно, коммунист. Вы мечтаете когда-нибудь построить среди этих пустынь и пустынных гор царство божие, в котором все будут одинаково богаты и одинаково счастливы; этакую благословенную страну, в которой у каждого пастуха будет пластмассовая юрта, газовая плита, электрическая бритва и еще там что-нибудь. А вот господин Озеров говорит, что пройдет некоторое время, и сюда возвратится море. Значит, все, что вы собираетесь построить, рано или поздно утонет. Стоит ли тратить силы и молодость для грядущих поколений, которые все равно обречены?

Узкие глаза молодого геолога еще более сузились.

— Вы примитивно представляете себе будущее, мистер Пигастрер, — сказал Батсур. — Коммунизм — это не газовая плита и не электрическая бритва в юрте арата. Коммунизм будет великим содружеством умных, свободных и счастливых людей. Всех людей целой планеты,

мистер Пигастер... Мой отец говорил: «Будешь ждать счастья с неба, днем попадешь в волчью яму». Араты не будут ждать счастья. Они его построят сами. И они уже начали строить. Вы нашли здесь еще не тронутую человеком пустыню и полагаете, что дальше электрической бритвы у народов Гоби мечта не идет?... А мы хотим напоить влагой эти пески, создать тут сады и плантации, заполнить водой русла высохших рек, построить города, курорты и станции отправления космических кораблей... Мы хотим, чтобы монгольские юноши и девушки, потомки нынешних аратов, могли слушать лекции в международных университетах всех континентов Земли. Хотим подчинить себе могучую и пока еще непокорную природу. А когда придет время изменений, о которых говорил товарищ Озеров, что ж, если человек коммунистической эпохи не сможет их предотвратить, он переселится из угрожаемого района в другой: из Гоби — на запад Северной Америки, из штата Нью-Йорк — в отвоеванную у моря Атлантиду. Ведь он будет полноправным хозяином всей планеты.

Тумов многозначительно кашлянул.

— Вы прекрасно рассказали, мистер Батсур, — ослепительно улыбнулся Пигастер. — Это так величественно и заманчиво, что... даже мне хотелось бы поверить вам. Но мне невольно пришло на ум любимое изречение мистера Тумова. — Позвольте, как это вы говорите, мистер Тумов? Ах да, — зеленая фантазия... Именно — зеленая фантазия! Зеленая, как те плантации, которые вы хотите вырастить. Только вы не обижайтесь на меня, дорогой мистер Батсур. Что делать? У каждого своя слабость. Я верю в господа бога, вы — в сады и рощи, которые пастухи вырастят у подножия Адж-Богдо, а мистер Озеров — в природный источник мощного нейтронного излучения, уничтоживший спутник. Не будем брать друг друга за свои слабости.

— Отец учил меня уважать слабости ближних, — поклонился Батсур. — Дорог тысяча, правда одна...

* * *

Переброску лагеря на южный склон Адж-Богдо было решено осуществить по двум маршрутам. Колонна машин вместе с караваном верблюдов и большинством лошадей

обогнет массив с юго-востока. Пешая группа с несколькими вьючными лошадьми попытается перевалить Адж-Богдо по ущелью, которое называли Черной расщелиной. Караван машин поведет Тумов. В пешей группе пойдут: Озеров, Батсур, Жора и двое рабочих. В последний момент к пешей группе решил присоединиться и мистер Пигастер.

На рассвете, когда за черными зубцами Адж-Богдо чуть начал розоветь восток, а ущербная луна еще ярко светила в темном небе, маленький караван покинул лагерь.

В лагере уже никто не спал. Рабочие снимали палатки, грузили снаряжение на автомашины. С восходом солнца автоколонна также должна была выступить в длительный и трудный маршрут вокруг гор. Когда маленькая группа смельчаков проходила мимо машин, рабочие прерывали погрузку и молча провожали взглядами темные фигуры, упрямо шагающие навстречу ветру. Никто не промолвил ни слова, но все знали, что путь этой шестерки будет нелегким. Еще ни один человек не переваливал через черные скалы Адж-Богдо.

Тумов проводил караван до ворот ущелья, молча пожал всем руки.

— Вперед, — скомандовал Озеров.

Батсур, Жора, Пигастер и двое монголов-рабочих, ведущие в поводу навьюченных низкорослых лошадок, один за другим исчезли в темной пасти ущелья.

Тумов положил широкую ладонь на плечо друга, чуть наклонился и внимательно глянул с высоты своего огромного роста в спокойное лицо Озерова.

— Ну-ну, не тревожься, старина, — тихо сказал Аркадий, — все будет в порядке. Завтра вечером встретимся.

— Значит, у восточного подножия вулканического плато, — охрипшим голосом пробормотал Тумов. — Осторожнее наверху. . . В случае чего лучше вернитесь. Радируй, и я пошлю назад одну из машин.

— Пройдем, — сказал Озеров. — Ну, счастливо!

— В добрый час, Аркадий.

Тумов подождал, пока маленькая фигурка Озерова исчезла за поворотом ущелья, и тихо побрел к лагерю. Восток разгорался все ярче. Над черными горами и бескрайними желтыми плато вставало солнце.

В первый день караван Озерова прошел около 20 километров по извилистому коридору Черной расщелины. Постепенно поднимались все выше. Путь в тени высоких скал оказался менее мучительным, чем маршруты по раскаленным плато предгорий. Временами навстречу каравану из верховьев ущелья начинал дуть довольно сильный ветер. Его порывы угоняли зной. Дышать становилось легче. Люди быстрее карабкались по осыпям и скалам, настойчивее тянули за собой лошадей.

Во время коротких привалов Батсур и Жора измеряли прибором радиоактивность пород. Озеров торопливо записывал наблюдения в полевой дневник.

Наконец ущелье начало расширяться, склоны стали положе, появились кустики чахлой зелени. Караван вышел в верховья долины. Впереди уступами громоздились черно-коричневые скалы главного гребня. Где-то среди них завтра предстояло проложить путь в долины южного склона. На западе из-за скал поднимался ослепительно белый пик.

— Мунх-Цаст-Ула, — сказал Озеров. — Высочайшая вершина Адж-Богдо. Более трех тысяч семисот метров над уровнем моря.

— Мрамор? — поинтересовался мистер Пигастер, доставая из кожаного футляра полевой бинокль.

— Нет, снег.

— О-кей; значит, там есть вода.

— Да, — ответил Озеров, — но там нет перевала.

— Еще вопрос, найдем ли его здесь, — улыбнулся Пигастер, поглядывая на черный гребень, запиравший верховья долины.

На ночлег стали у подножия водораздельного гребня. Воды не было. Лошадей стреножили и пустили щипать чахлую, пожелтевшую траву. На примусе вскипятили чай и разогрели консервы.

Озеров вдруг вспомнил завтрак в три часа утра на набережной Москвы-реки. Игорь сказал тогда, что в Гоби всегда найдется охалка саксаула, чтобы разогреть консервы. А вот здесь, в этой пустынной долине, не было и охалки саксаула. Ни деревца, ни кустика, лишь пучки

сухой колючей травы на почерневших от солнца и ветров склонах.

«Как-то дела у Игоря? Куда они сумели добраться сегодня?» — думал Озеров, раскладывая спальный мешок на бурой каменистой почве.

Рядом Жора крутил рукоятки радиостанции. В наушниках были слышны шорохи и треск. Радист Тумова не отзывался.

— Еще едут; не стали на ночлег, — объявил Жора, откладывая наушники.

Быстро темнело.

Ужинали в полумраке. Обжигаясь, тянули обветренными губами горячий чай. Ледяной ветер задувал с близкого перевала, заставлял приподнимать воротники ватных курток, нахлобучивать поглубже шляпы и шапки. Здесь, на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, переход от дневной жары к ночному холоду был необычайно резок.

Ужин подходил к концу, когда один из рабочих — Жамбал — крикнул что-то громко и испуганно.

Батсур вскочил.

— Где?

Жамбал, растерянно шевеля губами, указал под ноги на темную каменистую почву.

Батсур включил электрический фонарь, принялся внимательно разглядывать камни и сухую траву.

— Что там? — спросил Озеров.

— Жамбал говорит, что видел каракурта.

— На такой высоте, — усомнился Аркадий, — едва ли.

— Надо проверить. Угроза слишком серьезная.

— Конечно.

Обыскали лагерь, перетрясли спальные мешки, седла и рюкзаки, но ничего не нашли.

— Померещилось ему, — заметил Озеров, снова усаживаясь на брезент.

— Нет, нет, — крутил головой Жамбал, — моя честный слово говорит. Моя каракурт видел... Плохо будет. Идти надо другое место... Здесь ночевал нельзя...

— Куда пойдем? — возразил Батсур. — Ночь, темно. Будем спать на кошмах. На кошму каракурт не полезет.

— Моя боится, — твердил Жамбал. — Моя очень боится. Моя старый бабушка один каракурт кусал. Бабушка сразу помирал.

— Что случилось? — поинтересовался мистер Пига-стер.

— Есть подозрение, что в лагерь забрался ядовитый паук: каракурт, или черная вдова. Его укус считается смертельным.

— О-кей, — усмехнулся Пигастер. — Настоящий яд. Сильно действует. Но не стойкий. В консервированном виде долго не сохраняется. Эти пауки есть там, далеко, в пустыне. Здесь их нет, — продолжал он, переходя на монгольский язык, — нет...

— Я видел, — упрямо повторил Жамбал, — здесь... Идти надо...

Пигастер нахмурился и посветил вокруг карманным фонариком.

Батсур расстелил рядом с брезентом кошму из грубого войлока. Американец торопливо перебрался на нее и сел, поджав под себя ноги.

— Здесь теплее, — пояснил он и погасил фонарь.

Батсур легонько подтолкнул Озерова локтем.

— Однажды паук сыграл скверную шутку с одним журналистом, — сказал Аркадий, попыхивая трубкой. — Журналисту пришлось ночевать в полевом стане. Дело было в Туркмении на окраине пустыни. Там водились каракурты... Журналист был не из робких, но каракуров боялся смертельно. Он решил не спать всю ночь, однако перед рассветом задремал. Проснулся от ощущения, что по руке кто-то ползет. Он открыл глаза и увидел на своем мизинце небольшого черного паука. Парень чуть не сошел с ума от страха. Он лежал, боясь пошевелиться, ни жив ни мертв и с замирающим сердцем ждал, когда паук сползет с пальца. А паук все сидел и сидел и не думал никуда уползать. У журналиста затекла рука и онемело тело... Проснулся его сосед, увидел черного паука, тоже перетрусил и посоветовал быстрым движением стряхнуть каракурта. Журналист шевельнул рукой, но недостаточно резко. Паук свалился, но успел укусить его в палец. Подняли тревогу, и колхозный кузнец предложил журналисту единственный путь к спасению: немедленно отрубить укушенный палец. Бедняге пришлось согласиться. Операцию произвел кузнец. Журналист не успел даже сообразить, что происходит, как одним пальцем у него стало меньше. Увидев кровь, он потерял сознание. Когда его привели в чувство, кузнец стоял ря-

дом и со смущенной миной пробовал извиняться. Журналист начал было бормотать слова благодарности, но кузнец, сокрушенно покачивая головой, объяснил, что паука уже поймали ребяташки. Он оказался совсем не каракуртом, а безобидным крестовиком...

— О чем рассказывал Аркадий Михайлович? — тихо спросил Жора у Батсура.

Батсур, посмеиваясь, повторил по-русски историю о крестовике, принятом за каракурта.

— А вы знаете, что эти пауки чрезвычайно быстро размножаются? — слышался из темноты нервный голос Пигастера. — Каждая самка каракурта откладывает осенью свыше тысячи яиц. Яички она помещает в сплетенные из паутины коконы. Весной молодые пауки вылезают из коконов, выпускают длинные паутиновые нити, и на этих нитях весенние ветры разносят их на большие расстояния. А осенью каждая молоденькая самка снова оставляет тысячеголовое потомство. Каракурты могли бы быстро завоевать пустыни, если бы не птицы... Скверно, если тут действительно гнездятся эти пауки, — заключил американец. — По одному они обычно не встречаются.

— Клянусь усами главного ламы, — сказал Батсур, — мне начало казаться, будто что-то ползает по спине под ватником.

— Русские в таком случае говорят, мороз побежал по коже, — невесело усмехнулся Пигастер.

— Батсур, быстро расстегни и сбрось ватник, — приказал Озеров и осветил молодого монгола ярким снопом света карманного фонаря.

Побледневший Батсур пробежал пальцами по пуговицам ватной куртки и почти незаметным движением плеч сбросил ее на брезент.

Жора и Жамбал громко вскрикнули.

На белой рубашке Батсура между лопаток сидел большой бархатно-черный паук.

— Не шевелиться, — прошептал Озеров. Легким движением руки он смахнул паука на брезент и раздавил записной книжкой.

— Спасибо, дорогой, — просто сказал Батсур и погладила Аркадия по плечу.

— Гм, значит, рабочий не ошибся, — процедил сквозь зубы мистер Пигастер, разглядывая раздавленное

насекомое. — Проклятая страна. — Голос американца дрогнул.

Снова тщательно осмотрели площадку лагеря и обнаружили еще одного каракурта, который быстро пробежал между камнями и скрылся в темноте.

Больше никого не нашли.

Посоветовавшись, решили не менять места лагеря.

— Чтобы не ломать ног в темноте, — сказал Озеров.

Жамбал, что-то бормоча по-монгольски, окружил место ночлега кольцом из вьючных веревок.

— Каракурт такой веревка не любит, — объяснил он Жоре. — Может, не придет...

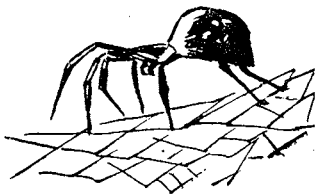
— А если перепрыгнет?

— Если перепрыгнет, тогда, может, придет...

В эту ночь мистер Пигастер тоже не сомкнул глаз.

* * *

На следующее утро начали подъем на перевал. Об инциденте с каракуртами никто уже не вспо-

минал. Только Жора во время одного из кратких привалов тихо сказал Батсуру:

— А наш мистер сегодня не улыбается. Наверно, ему везде чудятся каракурты. Даже не присел ни на одном привале.

— Ты, Жора, смелый парень, — похвалил Батсур. — Сегодня днем ничего не боишься, правда?..

Жора покраснел, но смолчал.

Этот Батсур видит людей насквозь. Как он догадался, что Жора вчера перетрусил? А, откровенно говоря, перетрусил Жора здорово. Кто знает, сколько таких каракуртов гнезилось в верховьях ущелья, где стоял лагерь! Проснешься, а черный паук сидит на тебе. У Жоры противно дрожали пальцы, когда он настраивал передатчик. В шорохе и тресках ничего нельзя было разобрать.

Жора так и не сумел установить радиосвязи с автоколонной. Вероятно, в этом были виноваты каракурты. Хуже, что не удалось наладить связь и сегодня утром. В наушниках трещало, как во время сильнейшей грозы. По-видимому, была какая-то неисправность в приемнике, но какая, Жора не знал.

— Скажут еще, что ничего не понимаю в радио, — испугался Жора.

Он даже вспотел под спокойным взглядом Озерова, терпеливо ожидавшего установления связи, и соврал, что автоколонна не отзывается.

— Может, местные помехи, — мрачно размышлял он, шагая возле Батсура. — Но откуда?

Батсур с улыбкой приглядывался к хмурой физиономии Жоры. Потом хлопнул его по плечу.

— Не расстраивайся, богатырь. И не сердись. От гнева стареешь, от смеха молодеешь. Смейся, — все хорошо будет.

В полдень маленький караван достиг перевала. Это произошло как-то неожиданно. Люди упрямо карабкались вверх с уступа на уступ. С трудом вытаскивали отяжелевшие ноги из горячих осыпей, с шуршанием ползущих вниз по крутым склонам. Тянули и подталкивали выбивающихся из сил лошадей. Смотрели только, куда поставить ногу при следующем шаге. Никто не глядел вверх.

И вдруг горячий ветер Джунгарской Гоби пахнул

в потные лица, сорвал и унес вниз широкополую шляпу Озерова. Скалы расступились. Подъем кончился. Путешественники стояли на узкой седловине, зажатой среди высоких обрывов. Коричневые скалы гигантскими ступенями спускались далеко вниз к плоским котловинам и плато великой пограничной пустыни. Желтые пески терялись в знойной дымке, а над ними, замыкая южный горизонт, висела в воздухе волнистая белая нить — не то облака, не то снега далеких гор.

— Тянь-Шань, — сказал Озеров, — самые восточные цепи Китайского Тянь-Шаня. Между ними и нами около двухсот километров безводных песков и такыров¹ Джунгарии.

— А где китайская граница? — кашлянув, спросил мистер Пигастер.

— Внизу в пустыне, километрах в семидесяти отсюда.

— И никто ее не стережет, — добавил Батсур, — и никого не интересует, где она точно проходит. Там, — Батсур указал на юг, — живут друзья. Но они далеко. Их поселения на другой стороне пустыни, у подножия Небесных гор. Наши народы разделяет не граница, а великая пустыня.

— А что это за черное плоскогорье у подножия Адж-Богдо, все иссеченное трещинами? — хмуро перебил Пигастер, двумя руками придерживая шляпу, которую ветер так и рвал с головы.

— Вот это и есть вулканическое плато, открытое девять лет назад, — объяснил Озеров. — Отсюда виден его восточный край. Плато очень велико. Оно протягивается далеко на северо-запад. Это единственный известный в настоящее время центр молодого вулканизма в юго-западной Монголии. Где-то над этим плато произошла авария вашего спутника.

— Проехать туда на машине нельзя? — поинтересовался американец.

— Можно кое-где пройти пешком. Большинство расщелин недоступно. Там пригодился бы вертолет, если бы не чудовищные ветры, постоянно дующие из Джунгарии.

Караван двинулся вниз, к восточной окраине вулканического плато.

---

¹ Та к ы р ы — плоские блюдцеобразные впадины с глинистым дном; тип глинистой пустыни.

Во время перехода через Адж-Богдо не удалось сделать новых открытий. Приборы не регистрировали никаких признаков аномалий. Настороженный взгляд Озерова не заметил ничего, что давало бы хоть малейшую поддержку его гипотезе.

Оставалось вулканическое плато. Караван уже несколько часов пробирался вдоль его восточного края. Плоскогорье круто обрывалось в каменистой предгорной равнине. Причудливые карнизы нависали над головами путешественников. Зубцы и колонны, высеченные вихрями в многосотметровой толще лав и вулканических туфов, казались развалинами огромных замков, построенных и разрушенных великанами. Глубокие ущелья уходили в глубь плато. Ветер, врываясь в них, завывал и гудел, словно в трубах чудовищных органов.

Батсур попробовал углубиться в одну из расщелин, но оказалось, что она недоступна. За первым же поворотом узкое щелевидное русло было перегорожено вертикальным обрывом высотой в несколько десятков метров.

— Как и в большинстве таких трещин, — сказал Озеров. — А радиоактивность?

— Нормальная, — пожал плечами Батсур.

— Все как девять лет назад...

— Где вы проникали в глубь плато? — спросил Батсур.

— Южнее; там есть одна расщелина, по которой можно подняться наверх. Возле нее находится горячий источник. Впрочем, далеко по вершине плато тоже не пройти. Вся поверхность иссечена глубокими трещинами.

— Отчего мог возникнуть такой странный рельеф? — недоумевал Батсур.

— Может быть, лавовое плато при подземных толчках раскололось на громадное количество кусков, — предположил Озеров.

— Нигде не видел ничего подобного.

— Признаться, я тоже, — кивнул головой Озеров.

— Словно кто-то специально долбил по этому плато огромной кувалдой. Хотел расплющить, но только расколол на куски... Весной по этим расщелинам стекает вода, — продолжал Батсур. — Смотрите, в русле есть окатанные водой гальки.

— Интересно, что эти гальки состоят не из пород самого плато, — сказал Озеров. — Вероятно, среди лав встречаются слои конгломератов. Эти конгломераты разрушаются, и гальки из них выкрашиваются. Надо обязательно взять образцы.

Уже темнело, когда караван достиг юго-восточной оконечности плато. Здесь стена обрывов круто поворачивала на северо-запад и уходила к фиолетовым гребням далеких гор.

— Удивительно, — недоумевал Батсур. — Мы прошли вдоль всего восточного края и не встретили ни наших машин, ни их следов. Я думал, они ждут нас тут.

— Да, странно, — согласился Озеров. — Странно также, что молчит их радио.

— Аркадий Михайлович, — отозвался Жора, виновато опустив глаза, — наверно, наше радио не в порядке. Послушайте, что делается в наушниках.

Озеров надел наушники, послушал, покрутил рукоятки настройки и молча передал наушники Батсуру.

Узкие глаза монгола округлились, как только он надел наушники.

— Когда это началось, Жора? — спросил Озеров, кивнув на приемник.

— Вчера вечером трещало немного, — пробормотал юноша.

— А сегодня утром?

— Сильнее, но не так, как сейчас.

— Магнитная буря? — спросил Батсур, освобождаясь от наушников.

Озеров с сомнением покачал головой.

— Жаль, что у нас нет магнитометра, — заметил Батсур.

— Проверим, как ведут себя компасы...

Все трое вытащили горные компасы и освободили стрелки. Стрелки, поколебавшись, замерли без движения.

— Никакой магнитной бури нет, — сказал Озеров, пряча компас в футляр.

Подошел Пигастрер. Он уже успел слезать на ближайшую возвышенность и осмотреть в бинокль окрестности.

Услышав о неисправности радио, Пигастрер взял наушники и скептически усмехнулся.

— Меня удивляет ваша наивность, господа, — сказал

он. — Приемник в полном порядке. Просто где-то совсем близко, под самым нашим носом работает заглушающая станция. Станция, которая заглушает иностранные передачи.

Озеров и Батсур переглянулись и не могли удержать улыбок. Жора, которому перевели слова Пигастера, невежливо фыркнул.

— Во всяком случае, очень похоже на работу такой станции, — поправился Пигастер, подрагивая седыми бровями.

Несколько раз, пока готовили ужин, Жора брался за передатчик. Треск в наушниках не утихал, но и не усиливался. Казалось, где-то совсем рядом невидимые руки разрывали бесконечные, туго натянутые полотнища. В однообразном звенящем треске не было слышно ни одной станции.

Озеров задумчиво глядел на костер, в котором горели сухие ветви караганы. Таких помех в радиосвязи не было девять лет тому назад. С чем могут быть связаны эти странные нарушения в эфире? И какую площадь они захватили?

В эту ночь Озеров спал плохо. Ему снилось, что он блуждает в холодной непроницаемой мгле. Под ногами сыпучий песок, вокруг ветер и густая тьма. Ощупью он наткнулся на какую-то стену. Она холодна и шероховата, как базальтовые обрывы плато. В ней есть отдушины и щели. Сквозь них проникает далекий оранжевый свет и доносится треск разрываемых тканей, бесконечный треск, как в наушниках радиопередатчика.

«Это сон», — подумал он и заставил себя проснуться.

Была глубокая ночь. Чуть вспыхивал догорающий костер. В черном, пронзительно холодном небе ярко искрились звезды. Ветер утих, и глубокая тишина распростерлась над пустыней. Вот рядом застонал во сне Жора и снова стало тихо.

Не вылезая из мешка, Озеров закурил трубку, лежал, прислушивался.

Жамбал, ссутулившись, неподвижно сидел у костра, обхватив руками винчестер.

«Спит», — подумал Озеров.

Он выбрался из мешка, потянулся, глянул вверх и замер.

Темно-лиловое пятно растекалось по черному небу.

Оно появилось на северо-западе над плато, расширилось дрожащими волнами, бледнело, гасло. Вот уже на месте пятна снова ярко блестят потускневшие было звезды.

«Показалось, — думал Озеров, протирая глаза. — Что это? Галлюцинация, полярное сияние?..»

Он стоял не шевелясь, не отрывая взгляда от той части неба, где появилось и исчезло багрово-лиловое пятно. Не чувствовал пронизывающего холода. И вот снова начало багроветь небо в том же самом месте. Багровое пятно разливалось среди звезд, как отблеск далекого пожара. Но это не могло быть отблеском. Светилось само небо, и сквозь красноватую вуаль продолжали мерцать звезды.

«Может, мне кажется?» — промелькнуло в голове Озерова.

Не отрывая взгляда от уже бледнеющего пятна, он принялся трясти Жамбала. Монгол вскочил, как ужаленный.

— Смотри туда, — шепнул Озеров, указывая в темное небо.

Жамбал стремительно вскинул винчестер.

— Нет, нет, не стреляй. Только смотри. Видишь что-нибудь?

Жамбал вытаращил широко открытые глаза и растерянно озираялся.

— Видишь что-нибудь на небе? — повторил Озеров, боясь оторвать взгляд от почти исчезнувшего пятна.

— Звезда вижу... Много 3-звезда, — заикаясь, проговорил Жамбал, с испугом поглядывая то на небо, то на Озерова.

— Смотри еще! — приказал Озеров. — Сейчас оно появится снова.

Жамбал вскинул винчестер.

— Нет. Только смотри, — сказал Озеров, беря у него из рук оружие.

Они долго стояли закинув головы, смотрели в черное небо. Красноватое пятно больше не появлялось.

— Ватник надень, — прошептал Жамбал, глянув на Озерова. — Мороз...

Аркадий вдруг почувствовал, что совсем околел: Торопливо засунул негнушиеся руки в рукава ватника, набросил полушубок. Взгляда он не мог отрывать от той части неба, где ярко блестел в темноте большой крест Лебеда. Временами ему казалось, что небо снова начинает краснеть, но Жамбал уверял, что ничего не видит. Багровое пятно больше не появилось.

«И все же это не была галлюцинация, — думал Озеров. — Я убежден, что видел свечение неба над плато. А вдруг это свечение и помехи в радиосвязи вызваны одним источником?»

Мысленно ругнув себя, что не подумал об этом раньше, Озеров включил радио. Ровный, звенящий треск доносился из наушников. В эфире ничего не изменилось.

Восток уже розовел. Озеров чувствовал, что уснуть он теперь не в состоянии. Необходимо было собраться с мыслями.

Вскинув за плечо винчестер, он быстро пошел по каменистому плато в сторону светлеющего горизонта. Первые порывы утреннего ветра прилетели откуда-то из бескрайних просторов Заалтайской Гоби, зашелестели пучками сухой травы. Склон, по которому поднимался Озеров, закончился небольшим уступом. Ниже тянулись темные волны спящих песков.

Озеров присел на карниз шероховатого песчаника, курил, думал.

Надо во что бы то ни стало проникнуть в глубь плато, осмотреть его расщелины. Он испытывал странное чувство, словно стоял на пороге открытия. Остается сделать еще шаг, поднять завесу — и все станет ясно.

«Спокойно, спокойно, — сказал он себе. — Не дай понести воображению».

Яркий луч света скользнул среди темных песков, потом другой. Озеров вскочил. Сердце его стремительно забилося. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что идут машины.

«Нервы сдают», — мелькнуло в голове.

Он принялся сигнализировать светом карманного фонаря. Фары машин светили все ярче. Вскоре послышался натужный гуд моторов, с трудом прокладывающих колею по сыпучим пескам.

Наконец первая машина доползла до подножия уступа и остановилась.

Озеров торопливо спустился вниз.

— Почему один среди пустыни? — было первым вопросом Тумова, когда он выпрыгнул из кабины.

— Лагерь рядом. Я пошел вам навстречу.

— А почему молчали? — заорал Тумов, так обнимая Аркадия, что у того затрещали кости. — Я одну машину назад послал за вами к старому лагерю.

— Ваше радио работало? — быстро спросил Озеров, с трудом освобождаясь из рук приятеля.

— А что ему сделается.

— Включите передатчик. Немедленно.

Радист выскочил из закрытого брезентом кузова, поставил на песок зеленый ящичек, выдвинул антенну, начал крутить рукоятки настройки. Вскоре на его лице появилось растерянное выражение.

— Ух, черт! — пробормотал он, поглядывая то на Озерова, то на Тумова, — прямо барабанные трели.

— Так, — сказал Озеров. — Значит, только возле плато. Кажется, мы напали на след, Игорь.

* * *

Лагерь поставили у горячего источника. Вскипающая пузырьками газа вода проточила в скалах коридор с глубокими котлами и ваннами. Стенки ванн были гладко отполированы быстрыми теплыми струями. Зеленоватый песок устилал дно. Можно было подолгу лежать в удобных ваннах, под тенью зубчатых карнизов, потягивая тепловатую воду, вкусом напоминающую нарзан.

— Пройдут годы, и здесь вырастет курорт; будут большие дома, электричество и киоски с мороженым, — мечтательно говорил Батсур. — Обязательно приеду сюда отдыхать.

— Пока это единственное место, ради которого стоило ехать в Гоби, — ворчал Тумов, неторопливо раздеваясь возле одной из ванн.

Уже несколько дней экспедиция обследовала южную окраину вулканического плато. Тумов, Озеров и Батсур лазали по глубоким расщелинам, поднимались на плоские вершины, колесили в лабиринте зияющих трещин. Некоторые трещины были наполовину засыпаны крупными кусками черных пористых базальтов, другие уходили на большую глубину, тянулись на километры, перекрещивались, ветвились, превращались в глубокие каньоны и зияющими расщелинами открывались на краях плато. Одни легко можно было перешагнуть, ширина других измерялась многими десятками метров.

Удалось осмотреть несколько ближайших вулканических конусов. Они также были иссечены трещинами. Жерла были засыпаны обломками. Никаких признаков выделения вулканических газов, никаких следов вулканического тепла не удалось встретить на мертвом плоскогорье.

Казалось, что вулканическая деятельность угасла здесь давно, может быть много тысячелетий назад. Геофизические приборы не отметили нигде повышенной радиоактивности пород.

Единственно, что настораживало исследователей, это бесконечный треск в наушниках радиоприемников. Он был слышен только в непосредственной близости плато, почти исчезал на расстоянии 20—25 километров от него и достигал максимума возле края базальтовых обрывов. Дальше в глубине плато его интенсивность не возрастала. словно сами базальты были источником каких-то радиоволн, которые, вопреки законам физики, распространялись не во все стороны, а направленным потоком уходили вверх. Впрочем, радисты твердили, что треск в наушниках с каждым днем слабеет. Действительно, сквозь него уже стали слышны радиопередачи Улан-Батора, Алма-Аты и Урумчи. Не появлялось больше и ночное свечение неба над плато.

Из-за этого свечения Тумов даже немного повздорил с Озеровым. Выслушав рассказ Аркадия, Тумов со свойственной ему уверенностью объявил, что пятна — фантазия, что они померещились Озерову, и добавил, что у всех глаза воспалены от солнца и постоянных ветров. Разгорелся спор: Аркадий, не выдержав, назвал Игоря близоруким слоном, который не хочет видеть дальше своего хобота. Тумов обиделся. Сутки они не разговаривали

друг с другом, а потом снова заговорили как ни в чем не бывало.

Озеров не спал еще две ночи, стараясь увидеть ночное свечение. Оно не появилось, и Аркадий перестал о нем вспоминать.

Лежа в теплой воде, Тумов мечтательно говорил Батсуру, голова которого торчала из соседней ванны:

— Еще пара деньков — и конец. Пора возвращаться. Скорей в Москву — и за работу. Надо кончать диссертацию.

— Выходит, возвращаемся ни с чем, — вздохнул Батсур.

— Как? — удивился Тумов. — Ты открыл месторождение; Аркадий составил прекрасную геологическую карту, я принимал нарзановые ванны; мистер Алоиз Пигастер убедился, что ракетных и лучевых установок здесь нет и что его спутник отправился ко всем чертям без нашего участия. Все прекрасно, как Гоби издалека.

— А почему погиб спутник?

— От неисправности одного из десяти тысяч приборов.

— А энергетический разряд в районе Адж-Богдо?

— Простое замлетрясение. Они здесь не редки. Их следы видны на каждом шагу.

— Но при нас не было.

— И хорошо, — заметил Тумов, поглядывая на нависающие карнизы.

— Однако многое остается загадочным; например, этот треск в наушниках.

— Над этим пусть ломают головы радиотехники.

— Нет, Игорь Николаевич; по-моему, это дело геологов и геофизиков.

— Уже зарылся от Аркадия, — усмехнулся Тумов. — Он тоже хочет объяснить все, что попадает на глаза, забывая о границах своей науки.

— У науки нет границ, — возразил Батсур.

— Не лови на слове, дружище, — махнул рукой Тумов. — Перечитай лучше «Гамлета». Там Горацио говорит по этому поводу неглупые слова принцу.

— Вы, вероятно, имеете в виду слова принца, обращенные к Горацио: «Есть многое, мой друг Горацио, что еще не снилось нашим мудрецам»? Однако мы живем на семьсот лет позже...

Тумов засопел.

— Победил, но не убедил, — пробормотал он, вылезая из ванны и закутываясь в мохнатую простыню. — Чтобы ты не подумал, будто я окончательно оглупел в этой Гоби, — продолжал он, усаживаясь на камне, — скажу тебе по секрету, что все так называемые загадки Адж-Богдо объясняются очень просто. Черное базальтовое плато поглощает огромное количество лучистой солнечной энергии. Оно стало своеобразным конденсатором такой энергии. Это сложный и пока почти неизученный процесс.

Породы плато, видимо, не только накапливают, они как-то преобразуют солнечную энергию, а под влиянием внешних воздействий — например, космического излучения — могут отдавать ее обратно в виде потоков частиц и волновых импульсов. Возможно, что над плато существует сплошной поток отдачи энергии, струящийся в межпланетное пространство. В этом потоке определенную роль играют и радиоволны, улавливаемые нашими приемниками и создающие поле помех вблизи плато. Не исключено даже, что этот «поток отдачи», воздействуя на какие-то приборы спутника, вывел их из строя и, в конечном итоге, привел к гибели спутника. Это плато давно мертво, как часть вулканического аппарата Земли, но оно живет как постоянно заряжающийся и разряжающийся гигантский конденсатор энергии Солнца. Процессы, происходящие при этом, надо изучить в лаборатории, а потом уже прийти с готовыми рецептами и приборами и проверить здесь.

Вы, геологи, смóтрите под ноги и пытаетесь все объяснять внутренней активностью Земли. Вы забываете, что рядом находится Солнце — источник всего живого и активного в нашей солнечной системе. Земля — пылин-ка, несущая в себе частицу солнечного тепла. Даже умерев, эта пылин-ка сохранит жизнь на своей поверхности, пока солнце будет струить в пространство потоки энергии.

— Геолог мог бы многое возразить вам, — осторожно заметил Батсур.

— Поэтому я и перестал разговаривать на такие темы с Аркадием, — сказал Тумов. — К чему бесполезные споры! Мы стоим на диаметрально противоположных позициях. Время и опыты покажут, с кем истина...

Мистер Пигастер каждый вечер твердил, что надо посетить развалины ламаистского монастыря, о котором рассказывал Озеров. Решено было поехать сразу, как только геологи закончат осмотр южной части плато.

Сам Пигастер, поколесив на газике по пустыне вдоль окраины плато и заглянув с Озеровым в несколько расщелин, потерял всякий интерес к дальнейшим маршрутам. Он не покидал лагеря, по нескольку раз в день принимал минеральные ванны, а когда спадала жара, диктовал длинные письма и отчеты своему молчаливому помощнику. Озеров и Батсур каждое утро уходили в глубь плато, забирая с собой всех коллекторов и радиометрические приборы. Возвращались они обычно затемно. В ответ на вопросительный взгляд Тумова Озеров мрачно качал головой.

Наконец Тумов объявил, что пора кончать бесполезное топтанье в лабиринте трещин.

— Хотелось бы добраться до центра плато, — возразил Озеров. — Там видны остатки еще одного вулканического аппарата. Кажется, он крупнее других.

— Хватит, — решительно заявил Тумов. — Плато исследовано достаточно. Ничего не изменится, если вы с риском для жизни доберетесь еще до нескольких потухших вулканов. Скажи откровенно, Аркадий, много нового нашел ты здесь по сравнению с тем, что мы с тобой видели девять лет назад?

— Структуру плато я представляю теперь более отчетливо, — сказал Озеров. — А что касается принципиально нового... Пожалуй, об этом сейчас говорить не стоит.

— Так вот, давайте заканчивать работу. Кажется все члены комиссии экспертов теперь согласны, что американский искусственный спутник погиб без участия человека, что при самых тщательных поисках обнаружить остатков спутника не удалось, что саму гибель скорее всего следует связывать с внезапными—космическими—причинами.

— Я скажу свое окончательное «да» по всем трем пунктам лишь после поездки к развалинам монастыря, — улыбнулся Пигастер.

— Вот и прекрасно; поезжайте туда завтра, а послезавтра подпишем протокол, и конец.

— А я не согласен с последним пунктом, — спокойно заметил Озеров.

— Можешь в приложении к протоколу написать свое особое мнение, — раздраженно бросил Тумов. — Принципиального значения это не имеет.

Озеров пожал плечами, но ничего не сказал.

На следующее утро Озеров, Батсур и Пигастер на маленьком газике выехали к развалинам монастыря.

Машину вел Батсур. Озеров по карте указывал путь. Ехали на юг вдоль сухого русла давно исчезнувшей реки. Справа и слева тянулась пустыня. Горячий воздух столбом поднимался от раскаленной земли.

Обрывы плато вскоре исчезли за желто-коричневыми увалами. Лишь гребень хребта со сверкающим белым пиком Мунх-Цаст-Улы остался единственным ориентиром в бескрайнем просторе равнин, по которому неторопливо бежал маленький газик.

Древнее русло давно потерялось в песках, пропал в синеве неба гребень Адж-Богдо, а газик бежал и бежал вперед. Горячий воздух бил в лицо, обжигал кожу.

Повстречали стадо куланов — короткогривых диких ослов. Они подпустили машину совсем близко, а затем неторопливо исчезли среди барханов.

— Край непуганых зверей, — заметил Озеров.

— Судя по поведению стада, эти куланы не видели ни машины, ни человека, — отозвался Батсур.

Озеров мельком оглянулся на Пигастера, и ему показалось, что американец с интересом прислушивается к разговору.

В полдень газик въехал в широкое каменистое ущелье, прорезанное в невысоком плато. На дне ущелья в тени крутых красноватых обрывов появилась зелень, приятно ласкающая взгляд после сурового однообразия камня и песков. Среди остролистых колючих кустарников виднелись заросли древовидной караганы, известной на севере под названием желтой акации, темно-зеленые кроны приземистого ильма.

— Скоро монастырь, — сказал Озеров.

За поворотом ущелья каменный обвал перегородил дорогу. Огромные желтые и красноватые глыбы были в беспорядке нагромождены одна на другую.

Батсур остановил газик. Путешественники вылезли, поднялись на нагромождение глыб и увидели монастырь.

Он лежал в расширении ущелья. Остатки массивных стен, сложенных из желтых тесаных камней, опоясывали развалины больших прямоугольных строений. Широкие каменные лестницы поднимались к рухнувшим порталам. Несколько старых платанов и орехов росли вокруг разрушенных зданий. В стенах ущелья над широкими кронами деревьев чернели входы в многочисленные кельи, высеченные в скалах.

Батсур громко крикнул. Многоголосое эхо повторило возглас, и снова воцарилась глубокая тишина.

— Никого, — скаазл Озеров.

— Спустимся и осмотрим развалины, — торопил Пигастер.

— Осторожнее, — предупредил Батсур. — Когда люди уходят, на их место приходят змеи.

Путешественники долго бродили по развалинам. Пигастер фотографировал остатки лепных карнизов и упавшие колонны. Батсур прислушивался, настороженно поглядывал по сторонам.

— Никогда не знаешь, кого встретишь в таком месте, — тихо сказал он Озерову.

Потом осмотрели доступные кельи. Они были пусты, а в одной устроил себе гнездо огромный орел-стервятник. Гостей он встретил свирепым шипеньем, угрожающе раскрывал клюв, изгибал голую шею и, видимо, не собирался уступить свое место без боя.

— Людей здесь давно уже не было, — заметил Озеров, когда все трое спустились на широкий двор, замощенный каменными плитами.

— А где жил старик? — спросил Пигастер.

— Не знаю. Мы разговаривали с ним на этом дворе. В свое убежище он нас не пригласил.

— Пошарим еще, — предложил американец.

Теперь решили разойтись и осматривать развалины порознь. Озеров полез на вершину плато. Пигастер углубился в руины самого большого здания. Батсур заглянул в разрушенную башню, прошелся вдоль стен, потом присел в саду возле источника.

«Богатый был монастырь, — думал он. — Граница близко. Приходили богомольцы из Китая... Источник, вероятно, считался целебным. Место укромное. Озеров прав: умирание караванного пути повредило монастырю, но едва ли оно могло остановить паломников. Что же за-

ставило монахов уйти отсюда? Землетрясения? — Батсур обвел глазами развалины. — А может, и это не главное? Надо узнать в Улан-Баторе. Странно также, почему монахи не использовали источник у вулканического плато. Они не могли не знать о нем...»

Пронзительный крик заставил Батсура вскочить на ноги. Это был голос Пигастера. Батсур одним прыжком перемахнул невысокую ограду, выхватил из кармана пистолет и бросился в лабиринт развалин. Крик повторился. Теперь он был хриплый и полузадушенный.

Батсур закусив губы неслся вперед. Он обогнул одну стену, перескочил через другую, взлетел по рассыпающимся ступеням, со всего маху ударился о выступ какого-то карниза, спрыгнул, а вернее свалился с высокой каменной террасы, прорвался через густые заросли колючего кустарника и замер.

Посреди небольшого внутреннего дворика на каменных плитах катались свившиеся в один клубок Пигастер и большой буровато-коричневый зверь. Батсур успел рассмотреть, что американец обхватил обеими руками горло зверя и силится оттолкнуть его оскаленную пасть от своего залитого кровью лица. Раздумывать было некогда, стрелять — нельзя.

Батсур прыгнул вперед, поймал рукой коричневую холку зверя, одним рывком оторвал его от Пигастера и отшвырнул в угол двора. Ошеломленный барс припал на мгновение к каменным плитам и огромным прыжком ринулся на Батсура.

Пуля встретила его в воздухе. Барс перевернулся и тяжело ударился о каменный пол у самых ног молодого монгола.

— Стреляйте еще, — умолял Пигастер.

— Не надо, — сказал Батсур, пряча пистолет и наклоняясь к американцу. — Он совершенно мертв. А что с вами?

— Кажется, я весь разорван на куски, — со стоном прошептал мистер Пигастер, косясь на лежащего рядом барса.

Осмотр раненого показал, что разорваны в основном куртка и брюки. Сам мистер Пигастер отделался несколькими неглубокими царапинами на груди и на голове. Батсур посадил американца возле стены, быстро перевязал царапины носовыми платками и кусками рубашки.

Стоять мистер Пигастер не мог. Ноги под ним подкашивались, а голова без сил падала на грудь. Все его тело дрожало, как в сильнейшей лихорадке.

Недолго думая, Батсур взвалил американца на плечи и понес к машине.

«Куда делся Озеров? — думал Батсур, пытая под тяжестью американца. — Неужели он не слышал криков и выстрела?»

Дотащив мистера Пигастера до машины, Батсур посадил его на заднее сиденье и загнал газик в тень обрыва. Затем, не обращая внимания на протесты американца,

влил ему в рот для бодрости изрядную порцию коньяку и пошел в развалины искать Озерова.

Подбитые металлическими шипами ботинки Батсура громко стучали по каменным плитам; шаги гулко отдавались в узких полутемных коридорах. Батсур громко звал Озерова. Никто не откликнулся.

«Неужели и с ним что-то случилось в этом проклятом месте? — со страхом думал монгол. — Нельзя было нам разделяться...»

Какой-то странный, шаркающий звук донесся из глубины развалин. Батсур насторожился. Это походило на медленные шаги босых ног. Кто-то шел навстречу по лабиринту развалин. Это не мог быть Озеров, у которого, так же как и у Батсура, ботинки были подкованы шипами. Тогда кто же?

Несмотря на жару, Батсур почувствовал легкий озноб. Нащупав в кармане рукоятку пистолета, монгол приоткрыл за углом. Шаги медленно приближались.

* * *

Поднявшись на край плато, Озеров и там увидел развалины. Остатки каких-то строений, сложенных из тесаного камня, были разбросаны на большой площади. Здесь не было оборонительных стен; крутые склоны плато служили надежной защитой от непрошенных гостей.

Местами чернели полузасыпанные входы в подземные убежища.

«Целый покинутый город», — думал Аркадий, бродя среди развалин.

Он прошел к северному краю плато. Оно обрывалось крутым уступом высотой в несколько десятков метров. Внизу простиралась пустыня. Тонкой ниточкой тянулся через пески и тақыры след, оставленный колесами газика. Единственный след на бескрайних песчаных равнинах. След уходил на север — туда, где в знойной дымке полудня чуть белел острый пик Мунх-Цаст-Улы.

Разглядывая обрывы плато, Озеров заметил в них несколько узких длинных щелей, явно высеченных рукой человека. Они напоминали бойницы и, по-видимому, сообщались с какими-то подземными помещениями внутри плато. Проникнуть в них со стороны обрыва было не-

возможно. Да и сами щели были слишком узки, чтобы сквозь них мог пробраться человек.

Озеров возвратился к развалинам и начал осматривать полузасыпанные входы в подземелья. Один из входов был засыпан меньше других, и Аркадию даже показалось, что кто-то расчищал его не очень давно. Крупные обломки лежали вдоль стен, песка было мало.

Озеров зажег электрический фонарь и без колебаний шагнул в подземелье. Едва ощутимый сквозняк пахнул в лицо. Видимо, подземелье имело второй вход, а может быть, сообщалось с бойницами в обрывах плато. Освещающая дорогу сильным лучом света, Аркадий уверенно пробирался вперед. Высеченный в скале коридор был настолько высок, что можно было идти не сгибаясь. Озеров миновал несколько разветвлений; ориентировался на ветер, дуновение которого становилось все явственнее. Судя по стрелке компаса, подземный коридор вел на север.

Наконец впереди забрезжил слабый свет. Озеров вышел в широкую дугообразную галерею.

В северной стене галереи находились бойницы, которые он заметил с плато. Яркие полосы дневного света проникали сквозь них в подземелье. Однако это не были оборонительные бойницы. Прорубленные в скале почти пятиметровой толщины, они имели в ширину не более двадцати сантиметров. Вертикальные стенки их были гладко отполированы. И, самое главное, в эти «бойницы» не было видно подножия обрывов и пустыни, а только небо.

Получался какой-то ребус... Ценой невероятных усилий люди прорубили щели, отполировали их края. А в эти щели не видно ничего, кроме раскинувшегося над пустыней синего неба.

И все же странные отверстия служили для наблюдения. Напротив каждой в стене коридора была высечена каменная скамья.

«Древняя обсерватория? — мелькнуло в голове Аркадия. — Едва ли! Щели позволяли вести наблюдения не выше десяти — двенадцати градусов над горизонтом. Видимость светил на такой высоте при отсутствии приборов совершенно недостаточна».

Щелей было пять. Заглянув по очереди в каждую, Озеров обнаружил, что они не совсем параллельны друг другу. Сквозь восточную щель виднелся увенчанный сне-

гами конус Мунх-Цаст-Улы, в остальные глядело только небо.

Присаживаясь по очереди на каменные скамьи, расположенные напротив щелей, Аркадий заметил ряды грубых зарубок, сделанных в стене на уровне головы наблюдателя. Больше всего зарубок было возле средней скамьи. Аркадий насчитал здесь свыше трехсот зарубок, размещенных в несколько рядов. Они, без сомнения, были сделаны в разное время. Верхние зарубки выглядели очень старыми и почти стерлись. Нижние казались свежими. Каждую пятую зарубку украшал грубый кружок.

«Ребус, — мысленно повторил Озеров. — Интересно было бы его разгадать».

Набросав в записной книжке расположение подземелий и бойниц и характер зарубок, Аркадий углубился в темный коридор и без труда выбрался на вершину плато.

Перед тем как спуститься к развалинам, он решил глянуть на машину и подошел к южному краю плато. Машины у завала не было. Озеров удивленно огляделся по сторонам. Газик стоял теперь в тени обрывов южного борта ущелья, а возле него бродила длинная фигура, с ног до головы закутанная в белое покрывало. Несколько мгновений Аркадий настороженно приглядывался. Белая фигура продолжала кружить вокруг неподвижной машины.

— Очень странно, — пробормотал геолог. — Кто бы это мог быть?

Добравшись до высеченной в обрывах лестницы, он начал быстро спускаться.

Двор монастыря был пуст. Озеров остановился в нерешительности.

«Бежать к машине или разыскать товарищей?»

Вдруг за стеной сада послышались голоса. Один голос принадлежал Батсуру, другой — гортанный и дрожащий — был незнакомым. Говорили, а вернее кричали, по-монгольски.

Озеров вскарабкался по обломкам камней на вершину стены и заглянул в сад.

Батсур, свирепо сверкая глазами, наступал на какое-то странное, закутанное в лохмотья существо. Существо испуганно пятилось и что-то бормотало, не то оправдываясь, не то угрожая.

Озеров спрыгнул со стены и окликнул Батсура.

Молодой монгол оглянулся и радостно вскрикнул. Он хотел было броситься на встречу Озерову, но, заметив, что существо в лохмотьях собирается дать тягу, поймал его за одну из тряпок и потянул за собой.

Когда Батсур подвел к Озерову своего пленника, Аркадий увидел маленького, худого, как скелет, старика. Обрывки халата едва прикрывали его обтянутые кожей ребра. Ноги были босы и покрыты струпьями. Ключья седых волос торчали на голом черепе. Морщинистое лицо было искажено злобой и страхом.

— Понимаешь, искал тебя и наткнулся на этого гно-

ма, — взволнованно заговорил Батсур. — Думал, он что-нибудь сделал с тобой.

— Он? — удивился Озеров, внимательно разглядывая старика. — Подожди, подожди. Отпусти его. Неужели это старый монастырский сторож? Старик, ты не узнаешь меня?

— Он говорит только по-монгольски, — перебил Батсур.

— Когда-то он говорил и по-русски. Посмотри на меня внимательно, старик. Я был здесь девять лет тому назад.

— Я не знаю вас, проклятые шайтаны, — хрипло пробормотал по-русски старик. — Громовые духи безжалостно покарали меня за мое неверие. Дайте мне умереть спокойно.

— Это старый сторож, — сказал Озеров. — Я узнал его. Но, боже мой, что с ним случилось!

— Он сошел с ума от одиночества и старости, — заметил Батсур.

— Нет-нет. Ты понял, что он сказал о громовых духах? Старик, девять лет тому назад с тобой жил мальчик. Где он?

В мутных глазах старика засверкали слезы.

— Все, все отняли громовые духи. Они убили его. Будьте прокляты, оставившие меня тут! Будьте прокляты и вы, не дающие мне умереть спокойно!

— По-видимому, он сошел с ума, — покачал головой Озеров. — Но его бред, без сомнения, связан с той трагедией, которая здесь разыгралась.

— А может, он слышал какую-то легенду и в больном мозгу она переплелась с действительными событиями, — предположил Батсур.

— Как бы там не было, нельзя оставлять его здесь.

— Конечно. Заберем силой. Посторожи его, а я спущусь в подземелье, где он жил. Я видел, откуда он вылез. Может, надо захватить что-нибудь из его вещей.

— Будь осторожнее, — предупредил Озеров.

— Ты — также, — откликнулся Батсур. — В развалинах поселились барсы. Один хотел попробовать на вкус нашего американца.

— Что с ним?

— С барсом? Лежит в ста метрах отсюда. Ждет, чтобы сняли шкуру.

— А Пигастер?

— Немного поцарапан. Сидит в машине.

Батсур исчез среди развалин. Озеров приглядывался к сидящему на каменных плитах старику. Голова старика ритмично покачивалась. Сухие бескровные губы тихо шептали что-то. Озеров подошел ближе, начал прислушиваться. Невнятное бормотание старика могло быть и молитвой и проклятиями.

Батсур возвратился через несколько минут.

— Там только истлевшие тряпки и битые черепки... и кости. Кажется, он питался летучими мышами и змеями. Идем, — обратился он к старику.

Старик послушно поднялся и, продолжая бормотать, пошел следом за Батсуром.

* * *

Когда они подошли к обвалу, перегородившему ущелье, старик остановился.

— Не надо! — закричал он. — Вы ведете меня к грымвым духам. Я хочу умереть здесь...

Батсур силой увлек его за собой.

Возле машины их встретил Пигастер, закутанный в простыню.

— Простите, коллега, за этот маскарад, — обратился он к Озерову. — Небольшое приключение. Рубашкой господин Батсур перевязал мне голову. Если бы не он... — губы американца дрогнули. — Я обязан вам жизнью, господин Батсур... Я...

— Пустяки, — поспешно перебил монгол. — Посмотрите лучше, кого мы привели.

— О, пленник, — поднял брови Пигастер. — Может быть, хозяин барса, который атаковал меня?

— Это старый сторож монастыря, — сказал Озеров, — но кажется...

— Надо скорее расспросить его, — оживился Пигастер. — Может быть, он знает... Ради такой встречи стоило ехать сюда и даже испытать приключение. Позвольте задать несколько вопросов вашему пленнику.

— Кажется, он безумен, — осторожно заметил Озеров.

— Тем лучше. С безумцем легче договориться. — Пигастер запахнул простыню и принялся потирать руки. —

Надеюсь, вы не станете возражать против этого маленького интервью?

Озеров пожал плечами.

— Иди сюда. — Пигастер поманил пальцем старика. — Не хочешь? О-кей!.. Если Магомет не идет к горе, гора может подойти к Магомету.

Американец, прихрамывая, добрался до сидящего на земле старика и сел напротив него.

— Во-первых, скажи, — продолжал он, — ты человек или привидение?.. Молчишь... Почему молчишь? Не знаешь?

Озеров с недоумением взглянул на Батсура.

— Коньяк! — тихо объяснил молодой монгол. — Пришлось дать вместо лекарства.

— Прошу немного помолчать, — сказал вдруг на чистом русском языке Пигастер. — Вы мешаете установить с ним контакт. Не коньяк, а гипноз...

Озеров и Батсур ошеломленно уставились друг на друга, — не ослышались ли они.

— Отвечай, призрак, — повторил по-монгольски Пигастер. — Когда ты последний раз видел в пустыне людей... или призраков, ибо это не меняет дела? Ну, говори... Говори... Я жду.

Старик, сидя со скрещенными ногами напротив Пигастера, тихо покачал головой. Глаза его были закрыты.

— Говори, — настаивал Пигастер, — громче.

— Я видел громовых духов пять зим назад, — внятно произнес старик, не открывая глаз. — В день и час их пляски я осмелился приблизиться к их убежищу. Я должен был поступить так. Искал внука... Они покарали. Отняли силы и не вернули мальчика. Я не сразу узнал о каре... Она пришла позже... Старый лама Уэрэн был прав. Он знал правду... Он велел делать зарубки...

Голос старика звучал все тише и наконец умолк.

Озеров замер, напряженно прислушиваясь. Похоже было, что старик находился в полугипнотическом состоянии.

«Если бы американцу удалось заставить его еще говорить, — думал Аркадий. — Кажется, он вошел в контакт с сумасшедшим. Как долго контакт сохранится?»

— Вздор, — громко сказал Пигастер. — Ты говоришь не о том. Я не хочу знать, что было пять зим назад.

Я хочу знать, что было после последней зимы: весной, этим летом.

— О, — застонал старик, закрывая лицо высохшими руками, — не спрашивай. Я не знаю. Не было сил... Я не видел громовых духов. Я ничего не видел... Ждал смерти... Дай умереть... спокойно...

Из-под его коричневых, похожих на костяные, пальцев по морщинистым серым щекам потекли слезы.

— Довольно, — резко сказал Батсур, — не надо его мучить. Он стар и болен...

— Не мешайте, — обиженно поджал губы Пигастер, — я должен выяснить... Могу я допросить хоть безумца, хоть призрака, если в этой проклятой пустыне нет нормальных людей? Я хочу знать, не видел ли он весной какую-нибудь... экспедицию.

— Это же сумасшедший; разве вы не убедились?..

— Именно поэтому я и добиваюсь. Он обязательно скажет правду. Не так ли, коллега? — обратился Пигастер к Озерову. — Но, может быть, вы, господа, не заинтересованы в том, чтобы узнать правду?..

— Продолжайте, — сквозь зубы бросил Аркадий.

— О-кей. Слушай меня внимательно, старик. — Пигастер не отрывал пристального взгляда от полузакрытых глаз старого монгола. — Слушай меня внимательно и отвечай. Говори только правду. Помни, боги накажут тебя за ложь. Здесь, в Гоби, были большие машины с военными людьми. Много больших машин, много людей. Пасти больших машин были нацелены туда, смотри, — Пигастер указал костлявой рукой в зенит. — Где и когда ты видел их?.. Говори правду!

Тихий смех, похожий на бульканье, послышался в ответ. Лохмотья дрогнули на полуобнаженных плечах старика.

— Говори! — угрожающе повторил Пигастер.

Старый монгол продолжал тихо смеяться.

— Говори же!

— Ты хочешь воскресить умершую легенду, чужестранец. Спроси ветер Гоби. Он мог бы рассказать тебе. Спроси эти пески. Они помнят. Они метались в пляске огненных вихрей. Спроси лучи красной звезды. Они знают о судьбе пришельцев. Следы больших машин надо искать там, где рождается солнце. Много дней пути... Старый лама Уэрэн сказал бы тебе. Он знал прошедшее

и будущее... Но он давно мертв. И Цамбын мертв. — Голос старика задрожал и прервался. — Скоро я пойду их путем... Ты хочешь воскресить умершее предание... Зачем?... Сосчитай все знаки на стенах подземелий, и ты поймешь. Они не вернуться... Они давно забыли про этот мир. Мы все обмануты... Лама Уэрэн обманул. Бойся гнева громовых духов, чужестранец.

— Но большие машины, — настаивал Пигастер, — где и когда ты видел их?

— Глупец! — яростно закричал вдруг старик. — Глупец и лжец! Ты не знаешь про умершую легенду и не узнаешь никогда. Я не прожил и девяноста зим. Сосчитай, сколько священных знаков вырублено моими дряхлыми руками. Потом сосчитай все знаки... Ты заблудишься в лабиринте тысячелетий. Все, кто знали, давно обратились в прах пустыни. Я — последний... Ты не узнаешь никогда... Ха-ха!..

— Но большие машины были здесь еще раз, совсем недавно. Не так ли? — вкрадчиво спросил Пигастер, сверля глазами старика.

Голова старого монгола бессильно упала на грудь. Казалось, он впал в забытие.

— Сеанс окончен, — разочарованно пробормотал Пигастер, вставая. — Теперь он уснет.

— Вы удовлетворены? — отрывисто спросил Батсур, не глядя на американца.

— А чем недоволен мой молодой друг? Разве на моем месте он поступил бы иначе?

— Никогда не искал подтверждения своих подозрений в бреде сумасшедшего.

— А я полагаю, что следует использовать все средства для достижения цели.

— Значит, если бы старик подтвердил то, что вы пытались ему подсказать, вы объявили бы его слова доказательством вашей гипотезы? Объявили бы, что спутник уничтожен при испытании нового оружия?

— Почему так нервно, господин Батсур? Я не говорил ничего подобного.

— Но сам метод поисков любых доказательств любыми средствами...

— Успокойся, Батсур, — тихо сказал Озеров. — Пожалуй, даже к лучшему, что беседа господина Пигастера со стариком-сторожем состоялась. Теперь сомнения гос-

подина Пигастера окончательно рассеяны. Последние месяцы и даже годы старик никого не видел. В его памяти сохранились лишь обрывки старинных легенд... Не так ли, господин Пигастер?

— Почти, — поклонился Пигастер, поправляя повязку на голове.

— Пойду сниму шкуру с барса, — объявил Батсур.

Когда он исчез среди камней завала, Пигастер, прихрамывая, подошел к Аркадию.

— Мне не хотелось, чтобы у вас возникли ложные представления о моем методе, мистер Озеров. — Американец склонился к самому лицу Аркадия и даже коснулся тонкими пальцами пуговиц его куртки. — Я не пытался подчинить старика своей воле, лишь хотел заставить его говорить. Он должен был рассказать о том, что знает. А он понес какую-то непонятную чертовщину... Может быть, он действительно никого не видел. Поймите меня правильно. Моя роль с самого начала не была легкой, а в сложившейся обстановке стала еще труднее. Официальную версию Госдепартамента приходится считать проигранной. Никто не любит проигрышей, особенно в политике. Кое-кому в Штатах мой доклад придется не по вкусу. Я вынужден буду оставить лазейку... для предположений. Намекнуть между строк... Вы понимаете? Всей Монголии я не мог осмотреть... Где-нибудь здесь что-то обязательно спрятано. Не так ли?.. А вообще надоело... Надоело наводить тень на плетень, как говорят русские. Все это, конечно, между нами, мистер Озеров. Если бы вы знали, как я завидую вам и господину Тумову! Какое счастье — заниматься тем, к чему стремится сердце, и верить, что твоя работа действительно необходима! Несколько лет назад я проводил исследования атмосферного электричества в Гренландии. Все было бы превосходно, но моего шефа интересовали также площадки для строительства аэродромов. Если подсчитать, сколько времени я уделил атмосферному электричеству... — Пигастер развел руками и вздохнул.

Озеров молча курил.

— Я очень люблю русских, — после краткого молчания продолжал американец, — особенно русских ученых. Например мистер Тумов. О, — Пигастер многозначительно поднял палец, — это настоящий большой ученый. Кон-

денсация солнечной энергии базальтовым плато — блестящая мысль. Удивительно, что русские не боятся говорить о своих открытиях до того как опубликуют их.

— Это всего рабочая гипотеза, — заметил Аркадий.

— Разумеется. Но у нас это... не принято, коллега. Умную мысль нетрудно присвоить и выдать за свою. Ах, дорогой мистер Озеров, ваша идея, без сомнения, также хороша. «Мощное нейтронное излучение земных недр». Это ново и смело. Впрочем, буду откровенен. Я не ваш единомышленник. Мне, как геофизику, ближе и понятнее взгляды мистера Тумова. Надеюсь, вы не будете в обиде на меня...

Возвратился Батсур, таща свежеснятую шкуру. Пигастер придиричиво оглядел ее и покачал головой:

— Великолепная бестия. Не барс — тигр. Хотел бы иметь такую в своем кабинете.

— Шкура — ваша, — просто сказал молодой монгол.

— О, это царский подарок. Не в силах отказаться. Я вдвойне вам обязан, мистер Батсур.

— Пора ехать, — заметил Озеров.

— А он! — Пигастер указал на монастырского сторожа. Старик сидел в тени скал и ритмически покачивал голым, похожим на восковой, черепом.

— Разумеется, возьмем с собой.

— Только придется привязать его, чтобы он на ходу не выпрыгнул из машины, — добавил Батсур.

Старик оставался совершенно безучастным. Глаза его были полужакрыты, губы чуть слышно что-то шептали. Американец брезгливо отодвинулся, когда Батсур усадил старика в машину и закутал брезентовым плащом. Газик неторопливо побежал по проложенной утром колее.

* * *

В лагерь они возвратились ночью. Пигастер за всю дорогу не произнес ни слова.

Отодвинувшись на край сиденья, он брезгливо поглядывал на своего неподвижного соседа.

Тумов ждал их. По лицу Игоря Озеров сразу понял, что в лагере что-то произошло. Пигастера и старика сдали под опеку экспедиционного врача, а Озеров и Батсур прошли в палатку Тумова.

За ужином Аркадий кратко рассказал о поездке. Ту-

мов молча слушал. Даже упоминание о том, что Пигастер заговорил по-русски, казалось, не удивило Игоря.

Когда Озеров окончил свой рассказ, Тумов молча вынул из полевой сумки какой-то предмет и положил на стол.

Это был довольно крупный плитчатый обломок прозрачного кристалла. В свете электрической лампы он заискрился радужными огоньками.

— Такой величины алмаз! — вскричал пораженный Батсур. — Откуда?

Озеров взял кристалл и принялся внимательно рассматривать.

— Если это действительно алмаз, — сказал он наконец, — то это без сомнения самый крупный алмаз, который когда-либо находили на Земле. Эта плитка весит около килограмма. Откуда она?

— Ее нашел сегодня Жора среди галек в одной из расщелин плато.

— Она совсем не окатана, — заметил Озеров. — Все ребра острые. Она была одна?

— Конечно. Такие алмазы горстями не попадают.

Озеров передал сверкающий кристалл Батсуру. Молодой геолог даже прищелкнул языком от восхищения.

— Ну? — спросил Тумов.

— Изумительный алмаз, — сказал Батсур дрогнувшим от волнения голосом.

— А ты что скажешь, Аркадий?

Озеров еще раз взял кристалл, долго разглядывал его грани и ребра в лупу, потом, тяжело вздохнув, положил на стол.

— Я не знаю, что это такое, — сказал он, — но, по моему, это не алмаз.

Тумов подскочил на стуле. Схватив одной рукой блестящую разноцветными огоньками плитку, а другой сероватую пластинку какого-то минерала, он сунул их под нос Аркадию и заорал:

— Вот это корунд — ближайший сосед алмаза по твердости, как тебе хорошо известно. Смотри! — Он провел краем блестящей плитки по пластинке корунда. На корунде осталась глубокая резкая царапина. — Видел! Не алмаз? А режет корунд, как масло...

Озеров снова взял сверкающую плитку, еще раз огля-

дел ее, царапнул по корундовой пластинке и вернул Тумову.

— Это не алмаз, — решительно повторил он. — Это вещество гораздо тверже алмаза. Еще одна загадка..

* * *

Трехдневные поиски удивительного минерала, который Тумов назвал алмазом, не дали результатов. Ни среди галек по сухим руслам расщелин, ни в зеленовато-коричневом песке не попадалось ни одной его крупинки.

Озеров первым предложил прекратить поиски.

— Надо сначала выяснить, что это такое, — твердо заявил он, — а потом уже искать. Может быть, это вещество не имеет ничего общего с породами плато.

Мистер Пигастер после возвращения в лагерь не выходил из своей палатки. Тумову он передал через секретаря, что готов подписать протокол в любой момент.

Старый монастырский сторож угасал на глазах. Врач не надеялся довести его живым даже до ближайшей больницы. Старик отказывался принимать пищу и лежал неподвижно, безучастный ко всему. На вопросы он не отвечал и не открывал глаз. Все попытки Озерова и Батсура заставить его говорить окончились неудачей. Первые дни старик еще шептал что-то, потом он уже не разжимал губ.

На четвертый день после возвращения из монастыря прекратился треск в наушниках радиопередатчиков. Радистам удалось установить связь с Тонхилом и сообщить, что в лагере экспедиции находится тяжело больной человек, которого необходимо срочно госпитализировать.

Утром была получена ответная радиограмма от Зундуйна Очира с просьбой подготовить вблизи лагеря посадочную площадку для санитарного самолета.

Тумов сразу же поехал на поиски посадочной площадки.

* * *

Озеров, сидя в палатке, задумчиво листал страницы полевых дневников. Заглянул Батсур.

— Ничего не придумал, — сказал Аркадий в ответ на вопросительный взгляд молодого геолога. — Куча разроз-

ненных наблюдений и фактов. Многие сомнительны. Не хватает чего-то самого главного. Никогда еще я не казался самому себе столь беспомощным.

— Если бы старик заговорил, — со вздохом заметил Батсур.

— Скорее всего он унесет в могилу то, что знает. И еще вопрос — знает ли он что-нибудь важное.

— А если остаться здесь на неделю, две, — предложил Батсур, испытующе поглядывая на Озерова.

— И что делать?

— Продолжать работы на плато.

Озеров с сомнением покачал головой, встал из-за стола.

— Через несколько часов прилетит самолет, — сказал Батсур.

Они вышли из палатки. Ветра не было. Сухой тяжелый зной висел над пустыней. Жаром дышало мутноватое голубовато-фиолетовое небо, жар бил от раскаленной каменистой почвы, жаром тянуло от близких черно-коричневых обрывов.

Доктор с одним из рабочих натягивали белый тент над санитарной палаткой.

— Такой жары еще не было, — сказал доктор, поднимая залитое потом лицо. — Пью и потею, потею и пью.

— Как сегодня ваш пациент? — спросил Озеров.

— Одной ногой он уже там... — На подвижном лице доктора появилась выразительная гримаса. — Второго шага не даю ему сделать уколами. Но это вопрос часов.

— Отчего, по-вашему, он умирает?

Доктор снял шляпу и вытер платком мокрую лысину.

— Я мог бы оглушить вас десятком диагнозов, среди которых на первом месте стояли старость и общее истощение, но... — он запнулся.

— Но... — повторил Озеров.

Доктор смущенно засопел.

— Я не могу сделать необходимых анализов; это только предположение, может быть чересчур смелое. Помоему, он умирает от лучевой болезни.

Озеров и Батсур переглянулись.

Тихий стон донесся из палатки. Доктор поднял марлевую завесу и шагнул в темный прямоугольник дверей. Озеров и Батсур вошли следом за ним.

Старик лежал неподвижно. Он был настолько худ, что очертания костей проступали сквозь тонкую ткань простыни. Казалось, на койке лежит скелет. Глаза старика были закрыты, но губы тихо шевелились. Доктор взял безжизненную руку, нащупал пульс. Озеров и Батсур склонились к самому лицу больного, стараясь разобрать, что шепчут бескровные губы.

— Кажется, он зовет кого-то? — тихо спросил Озеров, взглянув на Батсура.

— Тс, — прошептал молодой монгол. — Вероятно, это имя мальчика. А что, если попробовать?..

— Цамбын! — снова прошептал старик.

Батсур мягко, но решительно отстранил доктора и Аркадия от постели больного, стал на колени и положил руки на грудь старика.

— Я — Цамбын, — тихо, но внятно сказал он по-монгольски. — Я вернулся к тебе. Ты слышишь меня?

Что-то похожее на улыбку скользнуло по лицу старика.

— Ты жив... Громовые духи не убили тебя, мальчик?.. Ты спустился в пасть Гремящей расщелины и вернулся невредимым... Теперь я умру спокойно... Нашел ты священные блестящие плиты громовых духов?..

— Да... — ответил Батсур.

— Никому не говори о них, мальчик. Сохрани старую тайну Гоби от назойливых людей. Если узнают о тайне Гремящей расщелины, большие несчастья обрушатся на Гоби... Укрой то, что ты нашел. Иди в пещеры Атас-Ула... В подземном храме положи свою добычу у ног статуи Великого Ламы. Возле той блестящей плиты... Помнишь? На стене храма сделай надпись... Ты повторил подвиг. Пусть сохранится память... среди избранных... Я уйду... Ты займешь мое место... Пройдет пять зим, и ты в день пляски громовых духов... Ты должен...

Голос старика звучал все тише и наконец умолк. Некоторое время губы еще продолжали беззвучно шевелиться. Потом они дрогнули. Высохшее тело чуть шевельнулось и замерло.

Батсур прерывисто вздохнул и поднялся с колен.

Доктор подошел, склонился над постелью.

— Все, — произнес он, выпрямляясь. — Вы поняли, о чем он бредил?

— Я понял слова, но не уловил смысла, — ответил Батсур. — А ты, Аркадий?

— Я понял не все слова, но, кажется, уловил в них смысл. Что такое Атас-Ула?

— Это скалистый массив в южной части Заалтайской Гоби, километрах в двухстах к юго-востоку отсюда. Он почти не исследован.

— Придется заглянуть туда, — твердо сказал Озеров. — Если не все слышанное нами было бредом, может быть, в Атас-Ула мы найдем ключ к этой цепи тайн. Иначе придется ждать пять лет — целых пять лет, Батсур.

— Почему пять? — удивился молодой монгол.

— Скажу позже... Доктор, тело этого последнего жреца загадочных громовых духов необходимо отправить самолетом в Улан-Батор. Надо во что бы то ни стало узнать, отчего он умер. Идем, Батсур. Мы должны составить план дальнейших действий.

* * *

Самолет появился высоко в небе. Сделав несколько кругов над плато и лагерем, он пошел на посадку. Тумов, Озеров и Батсур, стоя на краю небольшого такыра, напряженно ждали.

Тумов нервно покусывал кончик потухшей сигары. Батсур затаил дыхание, не отрывая взгляда от серебристой машины, которая быстро приближалась к поверхности такыра. Плоское дно имело в поперечнике не более трехсот метров. Дальше начинались песчаные барханы.

— Почему не садится? — крикнул Батсур, видя, что самолет летит над самой поверхностью такыра. — Не успеет затормозить перед барханами!

— Проверяет посадочную площадку, — спокойно сказал Озеров. — Сейчас сделает еще круг и сядет.

— Времени нет на эти церемонии, — процедил сквозь зубы Тумов. — Ветер поднимается. Смотрите, как дымят барханы...

Летчик поднял самолет вверх и исчез за песчаными грядками. Через несколько минут самолет появился с противоположной стороны такыра и пошел прямо на посадку. Колеса коснулись ровной глинистой поверхно-

сти; самолет, подпрыгивая, пробежал через весь такыр и остановился в нескольких метрах от песчаного шлейфа одного из барханов.

Тумов и Батсур облегченно вздохнули.

Дверь кабины открылась и на землю, пошатываясь, спустился Зундуйн Очир. Следом за ним две фигуры в белых халатах уже вынимали брезентовые носилки.

— У вас тихо? — удивился Очир, пожимая руки встречающим. — Наверху ужас, что делается. Думал, не долетим.

— Здесь скоро тоже начнется буран, — успокоил Тумов. — Надо торопиться.

— Где больной?

Тумов кратко рассказал о событиях последних дней. Очир молча кивал головой.

— Все сделаю, — сказал, он, когда Тумов окончил свой рассказ. — Тело старика доставлю в клинику мед-института в Улан-Баторе. Кто из вас летит со мной? Насколько я понимаю, дела закончены.

— Спасибо, — сказал Тумов. — Я должен вернуться с караваном в Тонхил. А геологи, — Тумов кивнул на Озерова и Батсура, — хотели остаться недели на две здесь. У них появились свои интересы — чисто геологические. Если вы не будете возражать, я дам им машину и несколько рабочих.

— Пожалуйста, — улыбнулся Очир. — Наша республика от этого только выиграет. Вы можете оставаться здесь столько, сколько захотите. Командировки и полномочия будут продлены.

— Значит, решено, — сердито заявил Тумов. — Если им еще не надоела Гоби, пускай остаются. От себя теперь могу добавить, что считаю эту затею бессмысленной и опасной. Они собираются ехать дальше на юг, в совершенно неисследованную часть Заалтайской Гоби. Вам, товарищ Очир, еще придется организовывать спасательную экспедицию.

— Когда у друзей сердца едины, им не страшна даже Гоби, — серьезно сказал Очир. — Поезжайте спокойно, товарищи. Если понадобится помощь, она будет оказана.

— А вы можете сделать еще одно доброе дело, товарищ Очир, — заметил Тумов. — Захватите с собой американца. Он сыт прелестями Гоби выше головы; протокол подписал и чем скорее он отсюда исчезнет, тем лучше.

— Пожалуйста, — поклонился Очир. — Только надо попросить его быстрее собраться.

— Поедемте в лагерь, — предложил Тумов.

Озеров перекинулся несколькими словами с Батсуром и догнал Очира.

— Вы не разрешите, пока Пигастер будет собираться, воспользоваться самолетом? Мы с ним, — Озеров указал на Батсура, — хотим посмотреть с воздуха одно место. Это продлится не более получаса.

Очир нерешительно взглянул на пилота. Тот тяжело вздохнул.

— Откровенно говоря, я не уверен, сумею ли второй раз посадить машину на этом пятачке. Но если это важно, могу попробовать.

— Это очень важно, — сказал Озеров.

— Риск не такой уж большой, — усмехнулся пилот. — В крайнем случае, до смерти не убьемся. Только вам, товарищ заместитель министра, тогда придется выбираться с их караваном.

— Лети, — сказал Очир.

Озеров и Батсур бегом направились к самолету.

— Фанатики, — пробормотал Тумов.

Очир молча улыбнулся.

* * *

Через полчаса мистер Пигастер и его молчаливый секретарь уже были на посадочной площадке. Вслед за ними к такыру подъехало еще несколько машин. Проводить самолет собрались все участники экспедиции.

Очир принимал наспех написанные письма. Тумов тревожно поглядывал на небо. Самолета еще не было слышно.

Ветер задувал резкими порывами; все сильнее курились барханы. Оранжевое солнце тускло светило в пыльной желтоватой мгле.

Самолет появился неожиданно. Он прошел над самыми головами собравшихся и вскоре коснулся земли.

Озеров и Батсур вылезли из кабины. Аркадий, как всегда, был невозмутим и крепко сжимал в зубах потухшую трубку. Смуглое лицо Батсура побледнело от возбуждения.

Озеров молча пожал руку пилоту и подошел к Очиру.

— Видели все, что надо? — поинтересовался дипломат.

— Более или менее, и очень благодарен вам за это, — ответил Аркадий, раскуривая трубку.

— Грузите тело, — распорядился Тумов.

— Позвольте, господа, — слышался голос Пигастера. — В этом самолете повезут мертвеца? Тогда мы не летим. Или мы, или мертвец.

— Я в отчаянии, господин Пигастер, — начал Очир, — второй раз самолет не сможет прилететь сюда. — Я также лечу этим самолетом и позволю себе заметить...

— А я никогда не летал на катафалке, — вскипел Пигастер, — и не полечу. Не забывайте, что я представитель Соединенных Штатов.

— Господин Пигастер, — снова начал Очир, — обстоятельства складываются таким образом, что мы должны торопиться. Боюсь, что через полчаса самолет вообще не сможет подняться.

— Я сказал свое последнее слово, — отрезал американец. — А вы решайте...

Он сел на чемодан и скрестил длинные руки на груди.

Очир заколебался; вопросительно глянул на Озерова, потом на Тумова.

Молчаливый секретарь наклонился к мистеру Пигастеру и принялся шептать ему на ухо.

— Нет, — громко ответил Пигастер, — или я, или мертвец.

Рабочие-монголы, поняв, в чем дело, начали возмущенно перешептываться. Пилот озабоченно поглядывал то на небо, то на Очира.

— Может быть, врачи смогли бы произвести вскрытие здесь, на месте? — тихо спросил Озерова Очир. — Мне не хотелось бы обострять ситуацию в последний момент.

— Подождите, — так же тихо ответил Озеров. — Попробуем уговорить его... Господин Пигастер, — обратился он по-французски к американцу. — Могу я попросить вас на пару слов?

— Пожалуйста, — процедил удивленный американец, вставая с чемодана.

Они отошли в сторону.

— Господин Очир предпочтет взять мертвеца, — тихо сказал Озеров. — Он просил передать вам это. Вы можете, если хотите, вернуться в лагерь...

Пигастер ошеломленно отпрянул. У него захватило дух от негодования.

— Я, я... — начал он по-английски.

— Но я думаю, вам не следует откладывать отъезда из-за такого пустяка, — спокойно продолжал Озеров, не отрывая взгляда от глаз американца. — Обратный путь на машине долг и труден. Мой друг Батсур и я будем в отчаянии от неудобств, какие могут выпасть на вашу долю. Поэтому мы просим вас лететь. Кроме того, в Вашингтоне, по-видимому, ждут вашего личного доклада. Стоит ли испытывать терпение...

Брови Пигастера нервно подскочили и замерли. В глазах появилось выражение беспокойства.

— Как вы сказали? — переспросил он.

— Я сказал, что тело старика будет отправлено этим самолетом. И мне кажется, что у вас тоже нет оснований откладывать свой отъезд... Господин Тумов предсказывает наступление осенних буранов. Вы хорошо знаете, что такое бураны на юге Гоби.

Пигастер молча покусывал тонкие губы. Казалось, он выжидал, не скажет ли Аркадий еще что-нибудь.

Озеров, не торопясь, раскурил трубку, затянулся. Ветер свистел все злее, унося в воздух струи песка с гребней барханов.

Американец молчал. Озеров чуть заметно пожал плечами и отвернулся.

— Договаривайте, господин Озеров, — тихо заметил Пигастер. — Я не совсем понимаю, к чему вы клоните. Откройте же ваши карты или, как говорят русские, выньте камень из-за пазухи.

— Камни для меня — только геологические образцы, господин профессор. Понимаете, ваше упорство меня немного удивляет. Вы же умный человек... Вспомните наш разговор у развалин монастыря.

Пигастер испуганно заморгал и кашлянул.

— Мне показалось, что там были не просто слова, продиктованные вежливостью... или жарой, — заключил Озеров.

Лицо американца покрылось мелкими капельками пота. Однако он нашел в себе силы усмехнуться:

— Или коньяком, хотите сказать... О, этот русский коньяк...

— И опять вы не поняли, — возразил Озеров. — Я со-

всем не имел в виду той части разговора, о которой, по-видимому, думаете вы. Просто мне тогда показалось, что под маской ученого-политика я разглядел ученого-человека. Для проверки одной нашей гипотезы тело старика надо доставить в Улан-Батор. Только там можно выяснить, отчего он умер. Вот я и подумал, что человек иногда может одержать верх над политиком. Но, может быть, я ошибся.

Пигастер задумался. Он достал из кармана большой клетчатый платок и принялся отирать лицо, глядя на дымящие барханы.

— Нет, вы не ошиблись, — сказал он наконец. — И выбрали правильный путь. Я восхищаюсь вами... Вы опасный противник, или... просто очень порядочный человек. Впрочем, очень порядочные люди всегда наиболее опасны. Разумеется, я не в силах отказать в просьбе ни вам, коллега, ни вашему другу господину Батсуру.

— Благодарю. Следовательно...

— Следовательно, признаю себя побежденным. Второй раз... Однако работу с вами буду вспоминать с искренним удовольствием. Надеюсь, что смогу приветствовать вас в Америке. Но...

— Но?..

— Видите ли, коллега, как все американцы, я — человек дела. И... хотел бы поставить все-точки над и... Заключим джентльменское соглашение: вы не будете вспоминать о моих промахах, а я забуду о том, что вы передали мне от имени господина Очира. Признайтесь, это придумано вами. Господин Очир и теперь не уверен, не придется ли выгрузить из самолета монгольскую пададь.

— Если это для вас так важно, не стану разубеждать. Я готов принять джентльменское соглашение.

— Решено. Значит, мы сейчас расстанемся. И поймите меня правильно, господин Озеров: я не противник истины. Как сказал ваш монгольский приятель: дорог много, правда одна. Каждый из нас ехал сюда со своей точкой зрения. Правда оказалась за господином Тумовым. Честь ему и хвала. Можете быть уверены, что, возвратившись в Соединенные Штаты, я не погрешу против истины.

— А как же с намеками между строк?

— Неужели я болтал и об этом? — удивился Пига-

стер. — Ай-я-яй, как нехорошо!.. Однако у вас поразительная память, господин Озеров. Эти «намеки» не для огласки. Ведь каждый служит своему делу. Однако, уверяю вас, я уезжаю... немного иным, чем приехал. Убедиться в своей ошибке, — это уже много... для ученого-человека.

К ним быстро подошел Тумов. Брови его были насуплены, глаза зло сверкали. Он глубоко засунул кулаки в карманы плаща, словно опасаясь, что может пустить их в ход.

— Послушайте, — резко начал он, — через пять минут...

— О-кей, господин Тумов, — прервал Пигастер, — мы тут как раз говорили о вас. Ваша точка зрения победила. Я уезжаю вашим сторонником. Господа, — громко обратился он к присутствующим, — мой уважаемый коллега убедил меня. Я решил лететь. С сожалением покидаю ваше приятное общество. Желаю всем счастливого пути.

Перед посадкой в самолет Очир крепко пожал руку Аркадию.

— Вы губите свой талант, — шутливо заметил он, похлопывая Озерова по плечу. — Вам надо идти в дипломаты. Желаю интересных открытий на юге Гоби.

* * *

Трое суток бушевал песчаный буран у подножия плато. Ветер срывал палатки, опрокинул одну из машин. Густая ржавая мгла окутала пустыню. Исчезло солнце. Молнии сверкали в песчаных тучах; тяжелые раскаты грома перекатывались над плато, будили многоголосое эхо в глубоких расщелинах. Поднятый в воздухе песок бесконечным потоком неся над лагерем. Под горами песка оказались похороненными ящики с провиантом и бочки с горючим.

Люди забились в палатки, судорожно кашляли в непроглядной тонкой пыли. Пыль слепила глаза, раздражала и жгла горло. Нельзя было зажечь костра, примусы не горели. Буран разыгрался вскоре после отлета самолета и, казалось, усиливался с часу на час. О судьбе самолета в лагере не знали. Буря прервала радиосвязь.

Тумов, лежа на кровати в спальном мешке, сердито

уговаривал Озерова и Батсура, которые расположились прямо на кошмах на полу.

— Куда вы поедете, непутевые головы! Теперь такие бураны будут случаться все чаще. Дело идет к осени. Жить вам надоело?

— Еще один скорпион, — заметил, вместо ответа, Батсур и стукнул молотком по брезентовому полу палатки. — Даже им стало невмоготу. Так и лезут в палатку один за другим.

— Откажет мотор, — продолжал Тумов, — что будете делать одни в пустыне за сотни километров от жилья и колодцев? — Он судорожно закашлялся.

— Не трать красноречия, Игорь, — тихо сказал Озеров. — Вопрос решен: прекратится буран, и мы едем. Может, нам в руки дается неповторимый случай. Когда еще экспедиция проникнет в эти места? Мы обязаны выяснить все, что в наших силах.

— Погоня за призраком! — крикнул Тумов. — Я готов понять вас, если бы вы продолжали работу в окрестностях Адж-Богдо. Но забираться в глубь неисследованной пустыни, удаляться на сотни километров от плато, которое вы сами считаете главным объектом исследований, — это хуже, чем безумие.

— Иногда бывает полезно уйти от объекта исследований на некоторое расстояние, — заметил Озеров. — Вблизи за частностями не всегда видно главное.

— Вы едете не за этим, — перебил Тумов. — Вас увлек бред умирающего безумца. Ни один уважающий себя исследователь не стал бы тратить времени и сил на такую чепуху.

— Может быть, мы плохие исследователи, — спокойно согласился Озеров. — Мы не смогли так легко и просто решить все вопросы, как решил их ты. Дай же нам самим разобраться в своих ошибках. Возвратившись, мы, может быть, поздравим тебя с подтверждением твоей гипотезы.

— Или привезем новую, — в тон Озерову добавил Батсур.

— Но почему вы хотите искать доказательства ваших так называемых «энергетических извержений» в сотнях километров от вулканов?

— А кто тебе сказал, что мы едем искать доказательства «энергетических извержений»?

Тумов подскочил на кровати.

— Как, новая гипотеза?

— Может быть.

— Еще не легче!.. В чем она заключается?

— Тебе не терпится припечатать наши новые представления словом «фантазия», — мягко сказал Озеров. — Не выйдет, дружище. И скажу по секрету, эти новые представления мне самому еще кажутся почти фантазией. Потерпи... до нашего возвращения.

— Конечно фантазия! — упрямо крикнул Тумов. — Все фантазия! Сплошная фантазия!

— Зеленая! — добавил Батсур.

Все трое расхохотались и начали кашлять.

— Твои намерения нам ясны, — сказал Озеров. — Спасибо за заботу, но мы все-таки едем. Верно, Батсур?

— Конечно! Зачем ждать, пока рога козла дорастут до неба, а хвост верблюда до земли? Вот, кажется, и буря начинает утихать. Это хорошее предзнаменование.

* * *

Они уехали утром следующего дня. Тумов отдал им лучший вездеход. В просторный крытый кузов поместили бочки с бензином, продукты, спальные мешки, приборы. Озеров устроился в кабине рядом с шофером — суровым пожилым монголом. Батсур, Жора и Жамбал должны были ехать в кузове.

— Путь в тысячу километров всегда начинается с одного шага, — сказал Батсур и шагнул в тяжело нагруженный кузов вездехода.

Мерно заработал мощный мотор; вездеход плавно тронулся с места.

Весь лагерь собрался проводить путешественников. Зеленая машина поднялась на один увал, перевалила его, потом появилась на другом, более далеком. На мгновение вездеход задержался на гребне. Последний раз мелькнули руки в окне кабины и в дверях кузова — и вездеход исчез из глаз, словно растворился в пустыне.

Тумов с тяжелым сердцем возвратился в лагерь. Мрачные предчувствия томили его.

На другое утро караван машин, лошадей и верблюдов покинул стоянку у горячего источника и длинной цепью потянулся на северо-запад, к обжитым местам.

Лагерь стоял возле красноватых скал Атас-Ула вторую неделю. Вопреки предсказаниям Тумова, погода держалась сносная. Днем допекала жара, ночью — холод, но пыльные бури не повторялись.

Озеров и Батсур исколесили массив Атас-Ула по всем направлениям. Ничего примечательного тут не оказалось. Красноватые башни, зубцы и карнизы, изваянные ветрами в толще красноватых песчаников, были такие же, как на других массивах великой пустыни. И так же расстилались вокруг бескрайние каменистые плато, желтые волны барханов, сверкающие от солей плоские блюдца такыров.

Монастырь ютился в небольшом ущелье. Он был совершенно разрушен и, видимо, покинут очень давно. Только змеи бесшумно скользили по гладким плитам и, заслышав гулкие шаги, торопились укрыться в нагромождениях камней.

Вода единственного источника была соленой и едва годилась для питья.

— Якши вода, — посмеивался Батсур. — Суп солить не надо.

— А скоро мы поедем отсюда? — поинтересовался Жора, с отвращением отодвигая эмалированную кружку с чаем.

— Хоть завтра, богатырь. Надо только сначала найти подземелья.

— А их тут нет.

— Не торопись с выводами. Подземелья должны быть. Старик говорил даже о подземном храме.

— А если не тут?

Батсур нахмурился. Эта мысль и ему уже не раз приходила в голову. Что, если они с Озеровым не поняли названия, которое прошептал умирающий? Старик упомянул о пещерах. В одной из них должен находиться храм с большой статуей. А тут не было и признака пещер.

— Вернется Аркадий Михайлович, посоветуемся, — сказал Батсур. — Что-то долго его сегодня нет. Скоро ночь...

— Интересно, где теперь наши? — мечтательно протянул Жора. — Наверно, уже в Алма-Ата, а может, и до Москвы добрались.

— А мы все это знали бы, — в тон ему пропел Батсур, — если бы один мой знакомый проверил вовремя радиоаппаратуру.

Жора густо покраснел:

— Ей-богу, я не виноват, Батсур. Я же объяснял... Вы согласились взять меня в самый последний момент, когда все было упаковано. А радио проверял Игорь Николаевич... Наверно, это он вместо запасных батарей засунул в ящик с радиоаппаратурой свиную тушенку. Он всегда все путал и все забывал. Таблицы от приборов он мог сунуть в аптечку, мазь от ожогов — к продуктам. Когда мы стояли у базальтового плато, повар положил эту мазь в салат вместе с майонезом. И никто не догадался. Все только удивлялись, почему салат пахнет лекарством. А потом Игорь Николаевич попросил меня найти мазь от ожогов, и я нашел пустую баночку вместе с банками из-под майонеза. Игорь Николаевич не велел тогда никому говорить...

— Нельзя, богатырь, дурным словом вспоминать отсутствующих друзей, — сказал, посмеиваясь, Батсур. — Друзья плохо будут спать. И ты плохо спать будешь... Просто Игорь Николаевич немного рассеян, как все большие ученые. А я бы все-таки, на твоём месте, сразу же проверил передатчик. Тогда мы не потеряли бы связи с внешним миром. Этак нас еще разыскивать начнут, как пропавших без вести.

Заскрипел песок под неторопливыми шагами.

К костру, возле которого сидели Батсур и Жора, подошел Озеров. Он был один.

— А где Жамбал? — спросил Батсур, с беспокойством поглядывая на приятеля.

— Он остался там. — Аркадий кивнул в ту сторону, откуда пришел. — Мы нашли вход в пещеры. Это километрах в пятнадцати отсюда. Свертываем лагерь, и поехали...

* * *

Вездеход неторопливо катился по темной пустыне. Яркий свет фар вырывал из мрака мелкую рябь бугристых песков, чахлые ветви полузасохшей караганы, источенные ветром скалы. Они неожиданно появлялись, отбрасывали резкие острые тени и, словно призраки растворялись во мраке. Пересекли плоскую поверхность та-

кыра, потом русло высохшей реки. Скользнула и исчезла в темноте большая серая змея. Красноватые точки вспыхивали, словно искры, в темных песках справа и слева от машины.

«Шакалы», — подумал Батсур.

Он сидел в кабине вездехода между Озеровым и шофером-монголом.

Машину вел Аркадий. По каким-то одному ему известным признакам он ориентировался в темном лабиринте барханов и скал.

«Огибаем массив с юга, — соображал Батсур. — Значит, Аркадий был прав: пещеры находятся в западной части массива, а не на востоке, где расположены развалины монастыря. Эти развалины ввели нас в заблуждение».

Озеров затормозил вездеход:

— Сейчас будет крутой спуск и потом котловина. Там находится вход в подземелья. Я хотел, чтобы вы посмотрели это место сразу, как взойдет солнце. Хочу проверить свое впечатление.

— Что-нибудь новое?

— И да и нет.

Впереди далеко внизу вспыхнула и погасла яркая точка. Потом снова зажглась и опять погасла.

— Жамбал сигналил, — сказал Озеров. — Мы почти у цели.

Вездеход, ускоряя движение, скользнул вниз в котловину.

* * *

Спать улеглись прямо в кузове вездехода.

Жора предложил было поставить палатки, но Аркадий Михайлович как-то странно улыбнулся и сказал, что некуда вбивать колья. Жора постучал молотком в землю и убедился, что действительно под тонким, в несколько сантиметров, слоем песка находится прочная звонкая скала.

Когда Жора проснулся, в вездеходе уже никого не было. Жора торопливо выбрался наружу. Утро было удивительно тихое. Вездеход стоял в центре обширной котловины с совершенно ровным дном. Ее дальний западный край был освещен первыми лучами солнца, но на широком плоском дне еще лежала холодная синеватая

тень массива Атас-Ула. Чистое яркое небо распростерлось над покровом желтых песков.

Жамбал и шофер вездехода, сидя на корточках, разжигали примус.

— А где Батсур и Аркадий Михайлович? — спросил Жора, шуря глаза от ослепительной синевы неба.

— Туда пошел, — сказал Жамбал, махнув рукой. — Дырка скала смотреть пошел. Большой дырка. Ой-ой. Очень глубокий. Мы вчера нашел.

— А почему меня не разбудили?

— Зачем моя спрашиваешь? — удивился Жамбал. — Батсур спроси. Вон идет. . .

Озеров и Батсур неторопливо шагали по направлению к вездеходу.

— Удивительно, — произнес Батсур, подходя. — Удивительно, — повторил он и вдруг сильно хлопнул Жору по спине. — Ты понимаешь, что это значит, богатырь?

— Нет, — сказал Жора, потирая спину.

— И я не понимал, — признался Батсур. — А вот Аркадий Михайлович понял; открытие потрясающее и почти невероятное.

— Предложи другое объяснение, — сказал Озеров.

— Не могу. И, более того, думаю, что ты прав. Но все-таки не помещается в голове.

— Вы нашли подземный храм? — спросил заинтересованный Жора.

— Храм тоже должен быть, — ответил Батсур. — Пойдем его смотреть после завтрака. Не он главное.

— А что?

— То, на чем ты стоишь.

— Песок?

— Твоя догадливость, богатырь, не угонится за твоей любознательностью. . . Разгреби лапками песок и скажи, что находится под ним.

— О, — сказал Жора, разгребая песок.

— Вот именно! То же самое изрек и я пол часа назад. Что это за порода?

Жора постучал молотком по гладкой, словно отполированной поверхности темно-серого камня. Лег на живот, разгреб песок пошире, внимательно разглядывая странную породу; перебрался на другое место, копнул там, — обнаружил ту же породу.

Он ползал на четвереньках вокруг вездехода и везде под тонким слоем рыхлого песка встречал твердую, как сталь, гладкую поверхность серого камня. В ней почти не было трещин, и молоток отскакивал от нее, как от наковальни. Жора поднялся, отбежал на несколько десятков метров в сторону, копнул песок. То же самое...

— Везде так? — удивленно спросил он.

— По всей котловине, — ответил Озеров. — Местами песка немного больше. Впрочем, он, вероятно, не держится на этой гладкой поверхности. — Его систематически сдувает ветрами. Так что это, по-вашему, Жора?

— Если бы мы не находились в Гоби, я бы сказал, что это похоже на полированный бетон, а вся эта площадь напоминает... аэродром.

— Здорово! — сказал Озеров. — Вот не ожидал...

— Ай да Жора! — вскричал Батсур. — Быть тебе академиком. Поздравляю... Ну и удивил!..

— Да вы меня не поняли, — запротестовал Жора чуть не плача. — И не дали кончить. Я же сказал — если бы мы не находились в Гоби. А мы в Гоби! Каждому дурню ясно, что здесь не может быть бетона. За кого вы меня принимаете? Конечно, я понимаю, что это совсем другое... Ну что? Поверхность лавового покрова. Лава растекалась по дну котловины, и получилось такое... Чего вы смеетесь? Разве не так?

— Мы не смеемся, — серьезно сказал Озеров. — Только никогда не надо сразу отказываться от суждений, которые самому тебе кажутся наиболее справедливыми. Это немного похоже на аэродром, не правда ли?

— Да, но...

— И я так думаю. Это, конечно, не лава. Это скорее всего искусственный материал, сходный с бетоном, но гораздо более прочный. И площадка эта, может быть, служила чем-то вроде... аэродрома. Чем-то вроде... Не будем торопиться с окончательными выводами. Посмотрим, что даст осмотр подземелий...

* * *

Исследование подземелья заняло целый день. Батсур, Озеров, Жамбал и Жора медленно пробирались в лабиринте коридоров и залов. Ток свежего воздуха увлекал вперед пламя самодельного факела. Шли по направле-

нию движения воздуха. Иногда останавливались, чтобы осмотреть боковые коридоры. Все ходы и залы были высечены в массивном сером песчанике. На гладко отполированных стенах не было заметно ни надписей, ни рисунков. Высокие полукруглые своды залов поражали правильностью геометрических форм.

— Странное сооружение, — говорил Батсур. — Какими инструментами высечен этот лабиринт? — Пожалуй, это не монгольская и даже не китайская работа...

— Конечно, это гораздо более древнее сооружение, — согласился Озеров. — Вероятно, оно создавалось одновременно с площадкой, которую Жора назвал аэродромом. А монгольские монахи значительно позже превратили его в подземный храм.

— Кто же построил все это? — удивлялся Жора.

— Не торопись, богатырь. Всё узнаем! Когда три охотника едины в своих усилиях, они свяжут самого сильного льва.

— Разве в Монголии есть львы, Батсур?

— Сейчас нет, но в минувшие геологические эпохи были. Я имел в виду...

Батсур не кончил. Впереди послышался какой-то шум.

— Ветер? — предположил Озеров.

— Пожалуй, нет... Может, вода? Мы спустились довольно глубоко.

Они осторожно двинулись вперед. Шум становился все более явственным. Ток воздуха стал настолько сильным, что почти задувал факел.

И вдруг впереди забрезжил слабый свет. Коридор кончился. Они очутились в огромном круглом зале. Свет проникал откуда-то сверху и падал на каменное лицо огромного изваяния, высеченного в стене зала.

— Вот она — статуя Великого Ламы, — тихо сказал Батсур. — Какой колосс!..

Статуя имела в высоту более тридцати метров. Лама был изображен сидящим, глаза его были закрыты, огромные руки с толстыми пальцами лежали на коленях. У ног статуи из трещины в стене зала бил источник. Сильная струя воды обрывалась водопадом и исчезала в глубоком тоннеле.

Жора поспешил попробовать воду на вкус.

— Роскошная вода, — объявил он. — С самого отъезда из Алма-Ата не пил такой.

— Наверно, священный вода, — предположил Жамбал. — Возьмем с собой побольше. Чай будет ай-ай какой...

Озеров и Батсур поднялись на огромный постамент статуи и, включив электрические фонари, осматривали ворох разноцветного хлама, некогда оставленного паломниками.

— Историкам здесь найдется работа, — заметил Батсур. — Это, вероятно, один из старейших храмов Монголии и, вдобавок, заброшенный очень давно. Едва ли кто помнит о нем... Судя по этому тряпью, последние паломники были здесь лет сто назад.

— Все правильно, — прервал вдруг Озеров. — Вот кусок священной плиты громовых духов, о которой говорил умирающий сторож.

В руке Аркадия заискрился большой осколок блестящего кристалла.

— Так я думал, — продолжал Озеров. — Это то же вещество, которое Жора нашел в расщелине базальтового плато. Ты понимаешь, что это значит, Батсур?..

— Но ведь это не минерал... — вскричал молодой монгол, рассматривая переданный ему Аркадием осколок, — это...

— Конечно, это обломок какого-то прибора... Вот тебе и конденсация солнечной энергии черным базальтовым плато.

— Здесь высечена надпись, — сказал Батсур, указывая на постамент статуи.

Аркадий осветил причудливые письмена лучом электрического фонаря.

— Надо обязательно прочитать ее, Батсур. Здесь лежал осколок этого удивительного вещества. Надпись, вероятно, относится к нему.

— Это по-китайски, — пробормотал Батсур, водя пальцем по иероглифам. — Почти ничего не понимаю... Что-то о тайне Гремящей расщелины, о громовых духах Адж-Богдо. Придется перерисовать и сфотографировать. Потом переведем.

Пока Батсур копировал надпись, Озеров и Жора, помогая друг другу, взобрались на плечо Великого Ламы.

— Наверху в стене зала — такие же «бойницы», как и в подземелье монастыря, где жил старик-монгол! — крикнул сверху Аркадий. — Вероятно, все эти подземелья

некогда служили для одной цели. И, судя по ориентировке, «бойницы» были направлены... в сторону базальтового плато. Неужели и отсюда можно было наблюдать пляску громовых духов над Адж-Богдо?

— Знаешь, Аркадий, — сказал Батсур, когда Озеров спустился к подножию статуи, — по-моему, спящий Лама высечен на месте какого-то более древнего сооружения. Статуя обработана гораздо грубее, чем стены подземных тоннелей и залов, а вот кое-где на постаменте и на ногах статуи сохранились участки с более совершенной обработкой камня.

— Без сомнения, — согласился Озеров, — этот Лама сравнительно молодой, а подземелью много тысяч лет. Много тысяч, Батсур.

— Куда пойдем теперь? — спросил Жора.

Озеров и Батсур переглянулись.

— Теперь остается самое главное, — торжественно объявил Озеров. — Все исходные данные в наших руках. Старик-сторож оказался прав... Надпись Батсур расшифрует по дороге. Теперь остается возвратиться к базальтовому плато, хоть по воздуху добраться до его центрального вулкана и спуститься в жерло Гремящей расщелины. Если, конечно, туда еще можно спуститься. Мы слишком много времени потеряли на Атас-Ула. Теперь дорогá каждая минута.

* * *

Через два дня зеленый вездеход подъехал к месту старого лагеря у обрывов базальтового плато. Здесь запаслись свежей водой. Жора хотел искупаться, но Озеров не разрешил.

— На обратном пути, а сейчас некогда. Если опоздаем, «злые духи» не пустят нас в Гремящую расщелину.

Жора мрачно полез в кузов вездехода. Последние дни он перестал понимать, когда Аркадий Михайлович и Батсур говорили серьезно, а когда подтрунивали над ним. Собственно, все началось в котловине возле Атас-Ула, когда Жора ляпнул об аэродроме и о лаве... Теперь Батсур называл «аэродромом» каждый встречный такыр, а Аркадий Михайлович, говоря о подземельях Атас-Ула, именовал их не иначе, как «Подземный лабиринт у аэродрома».

Батсур всю дорогу бился над расшифровкой китайской надписи. Что-то у него не получалось. Трясаясь в кузове вездехода, он бормотал о плясках громовых духов, священных плитах и ламе. Из разговоров, которые вели на коротких привалах Батсур и Аркадий Михайлович, тоже ничего нельзя было понять. Казалось, что они оба всерьез поверили в старинную легенду, рассказанную стариком-монголом и сейчас собираются заглянуть к злым духам, обитающим в центре базальтового плато, и очень боятся опоздать.

На все вопросы Жоры Батсур неизменно отвечал:

— Потерпи, богатырь. Еще не все ясно. Пока это гипотеза...

«Хороша гипотеза!» — сердито думал Жора. Однако после промаха с аэродромом остерегался высказывать свои мысли вслух. Он поделился сомнениями с Жамбалом и молчаливым шофером. Шофер многозначительно поднял брови, сплюнул сквозь зубы и по обыкновению промолчал, а Жамбал неожиданно сказал:

— Все правильно! Надо злой дух прогонять из Гоби. Новый жизнь пришел. Зачем нам злой дух! Монахи уходил, пускай злой дух тоже уходил. Хорошо будет...

Лагерь устроили под обрывами базальтового плато, километрах в тридцати к западу от источника. На следующее утро, захватив радиометры и веревки, направились к центральному вулканическому конусу, который находился невдалеке. Летом со стороны источника к нему так и не удалось проникнуть из-за трещин. Однако конус оказался недоступен и от нового лагеря. Глубокие трещины, рассекающие покровы базальтовых лав, вскоре преградили путь исследователям.

— Здесь без вертолета не обойтись, — со злостью сказал Батсур.

— Как радиоактивность, Жора? — поинтересовался Аркадий Михайлович.

— Нормально...

— До центрального конуса около километра. До его кратера километра полтора. Пожалуй, еще рано, Батсур.

— Если излучение направленное, то пожалуй. Но до Гремящей расщелины остается каких-нибудь триста — четыреста метров. Ее влияние должно сказаться.

— Не забывай, что разряд произошел всего несколько месяцев назад.

«О чем они?» — думал Жора, с отвращением поглядывая на глубокие трещины.

— Аркадий Михайлович, — спросил он после того как Озеров и Батсур замолчали, — что вы называете Гремящей расщелиной?

— Вон то глубокое ущелье, которое подходит к центральному конусу. Мы его хорошо рассмотрели с самолета. Из этой расщелины можно проникнуть в жерло центрального вулкана. Это единственное жерло, в котором нет лавовой пробки. И над ним мы наблюдали повышение радиоактивности.

— А не попробовать ли пробраться к вулкану по самой расщелине? — неуверенно предложил Жора. — Ведь она наверно доходит до края плато...

— Это мысль, — заметил Батсур, — если, конечно, дно расщелины доступно и если мы не заблудимся в лабиринте трещин. Со дна ничего не будет видно.

— Надо попробовать, — сказал Озеров. — Теперь мы окончательно убедились, что по поверхности плато пути к центральному вулкану нет. А тем не менее, лама, который принес в подземный лабиринт у аэродрома осколок священной плиты, по-видимому, ухитрился побывать в центральном жерле. Попробуем поступить, как советует Жора.

Только к вечеру следующего дня удалось найти в обрывах плато вход в Гремящую расщелину. Он ничем не отличался от устьев иных расщелин, сотнями уходящих в глубь плато. Дно Гремящей расщелины было завалено огромными глыбами базальта. По ним и пришлось пробираться, рискуя на каждом шагу сломать ногу.

Еще несколько дней было затрачено на то, чтобы в запутанном лабиринте трещин отыскать ту главную расщелину, которая вела к каналу центрального вулкана.

Местами ширина расщелины составляла немногим более метра. Черные стены уходили вертикально вверх, и лишь узкая полоска голубого неба, где-то на недосягаемой высоте, напоминала об огромном мире, оставшемся за пределами этого тесного каменного лабиринта.

Пробираясь по дну трещины, Жора старался не думать, о том, что произойдет в случае землетрясения. Эти трещины могут также легко закрыться, как когда-то открылись. Тогда в доли секунды исследователи будут раз-

давлены и затем превратятся в окаменелости, заключенные в многосотметровой толще базальтов.

Но вот, наконец, задрожали стрелки радиометров. Очевидно, центральный канал вулкана был близок.

Жора крикнул об этом Озерову и Батсуру, которые ушли вперед. Эхо подхватило возглас и начало переключаться, то удаляясь, то снова приближаясь. Казалось, сам воздух в лабиринте трещин загудел и завыл, как в трубах чудовищных органов.

— Истина — не в громком крике, — пошутил без улыбки Батсур. — Ты разбудишь всех духов Гремящей расщелины.

Показания приборов с каждым шагом увеличивались. Жора ждал, что вот сейчас откроется жерло вулкана, но вместо этого расщелина еще раз разветвилась.

— Куда пойдем? — спросил Батсур.

Их было трое. Жамбал в этот день остался в лагере.

— Давайте поделимся, — предложил Озеров. — Вы с Жорой идете направо, а я налево. Кто попадет в тупик, вернется к разветвлению, а кто доберется до жерла, останется ждать возле него. Жерло должно быть близко.

Так и сделали. Жора и Батсур углубились в правую ветвь расщелины. Осторожно переступая с глыбы на глыбу, они прошли несколько сот метров. Стрелки приборов колебались все сильнее. Вдруг расщелина резко расширилась и Жора ахнул. У их ног раскрылась темная бездна кратера. Она вертикально уходила куда-то вниз. Там, внизу, царил непроглядная тьма.

Жора лег на край расщелины и заглянул в кратер. Ничего не видно. Жора взял камень и хотел бросить вниз, но Батсур предостерегающе поднял руку.

— Мы не знаем, что там, под нами, — серьезно сказал он.

— Будем ждать Аркадия Михайловича?

Батсур кивнул.

— Смотрите, до чего гладки стены кратера, — заметил после небольшого молчания Жора. — Словно их специально полировали.

— Не кажется тебе, что они похожи на стены залов и коридоров того подземелья в Атас-Ула? — спросил Батсур.

— Чисто внешнее сходство, — пренебрежительно махнул рукой Жора.

— Это еще вопрос, — усмехнулся Батсур.

— Почему вы не хотите со мной говорить серьезно? — обиделся Жора. — Каждому дураку ясно, что там все сделано человеческими руками, а здесь...

— А вот мне, например, далеко не ясно, человеческие ли руки создали подземелье Атас-Ула, — задумчиво сказал Батсур. — И здесь, богатырь, тоже все не так просто, как кажется... Этот кратер больше похож на огромную шахту. Завтра принесем веревки, попробуем спуститься и тогда решим.

— Мы будем спускаться туда? — спросил Жора, искоса поглядывая в темную бездну.

— Когда шакала спросили, будет ли он есть курицу, его смех разобрал. Для этого же мы сюда и добирались. Впрочем, ты можешь не спускаться, если не захочешь.

— Я как все, — мрачно сказал Жора.

Они долго сидели на краю кратера и ждали. Озерова все не было.

— Странно, — сказал, наконец, Батсур. — Аркадию пора быть здесь. Едва ли та ветвь расщелины длиннее нашей.

— А может, он тоже добрался до кратера и ждет нас, — предположил Жора.

— Придержи меня за ноги, — попросил Батсур.

Он свесился в жерло и долго оглядывал темные стены.

— В верхней части кратера больше трещин не видно, — объявил он наконец, осторожно отползая от обрыва. — Странная труба. Она совершенно круглая и напоминает канал ствола исполинской пушки. Конечно, Аркадий прав... Однако придется узнать, где он. Пошли, богатырь.

Они вернулись к разветвлению расщелины. Озерова и здесь не было.

— Очень странно, — пробормотал Батсур, и Жора понял, что его товарищ встревожен не на шутку.

Батсур написал коротенькую записку, положил на камень и придавил камнем поменьше.

— Увидит, если разойдемся, — сказал он. — Поехали дальше...

Они направились в левую расщелину. Эта расщелина оказалась настолько узкой, что местами трудно было протиснуться. В ней было почти темно. Батсур включил фонарь и медленно пробирался вперед. Жора, тяжело

дыша, лез за ним. Рюкзак пришлось снять и волочить сзади. С рюкзаком за плечами Жора уже давно застрял бы в этой каменной ловушке.

Но вот проход снова стал шире. Жора выпрямился, глянул вверх и... ничего не увидел. Вокруг была тьма. Только свет фонаря освещал узкий извилистый проход, поло́го уходящий вниз.

— Батсур, мы под землей!..

— Ты не ошибся. Теперь гляди в оба, чтобы не было разветвлений. Держись за левую стену, а я буду держаться за правую. Мы не имеем права заблудиться...

Они прошли еще несколько десятков шагов. Проход все круче уходил вниз.

— Это похоже на коридор, Батсур. Здесь ступени...

— Посмотрим потом. Надо скорее отыскать Аркадия.

Теперь они быстро спускались по широкому наклонному тоннелю. Черные стены были гладко отполированы. Пол понижался правильными ступенями. Тоннель постепенно поворачивал, очерчивая плавную дугу.

— Разветвление, Батсур.

Они остановились. От главного тоннеля влево отходил еще один, поменьше.

— Оставайся здесь, Жора. Я осмотрю боковой тоннель.

— Но...

— Ни слова. Оставайся и жди меня.

Батсур исчез. Жора сжал зубы и ждал. Время остановилось. Жоре показалось, что прошел целый час, но Батсур уверял потом, что он отсутствовал не более десяти минут.

Батсур возвратился мрачным.

— Там множество разветвлений. Это целый лабиринт. Плохо, если Аркадий повернул туда...

— Куда теперь?

— Попробуем пройти дальше главным тоннелем.

Они снова двинулись вперед. Тоннель уводил их все глубже.

— Мы спустились уже очень глубоко, Батсур.

— Ничего. До центра Земли еще далеко...

— Опять разветвление, Батсур.

Молодой монгол выругался сквозь зубы.

— Теперь я осмотрю боковой проход. Разреши мне, а ты подожди здесь.

Батсур колебался.

— Я только до первого разветвления...

— Ну хорошо, иди... Будь внимателен.

Жора возвратился через несколько минут. Он прерывисто дышал. Глаза его округлились.

— Там, там...

— Что там?

— Там нет прохода. Он завален... Но там...

— Что?

— Скелет... человека.

Батсур оставил включенный фонарь у разветвления тоннелей и направился вслед за Жорой. Пройдя несколько десятков метров, они уперлись в завал. Из-под камней были видны кости и череп.

Батсур внимательно разглядывал кости.

— Это скелет юноши. Почти ребенка... Может быть, это Цамбын — внук умершего старика-сторожа...

— Его завалило?

— Кто знает? Обвал свежий. Может быть, он произошел позже... Посмотри-ка, что показывает радиометр?

— О! Он зашкален. Стрелка отклонилась за максимальный отсчет.

— Плохо. Совсем плохо. В этих подземельях человеку нельзя долго оставаться. Вот они — злые духи базальтового плато. — Батсур указал на стрелку прибора. — Мы должны как можно скорее разыскать Аркадия. Он более неосторожен, чем я думал.

Они спускались главным тоннелем еще около часа, в боковые ответвления больше не заглядывали; только отмечали свой маршрут стрелками, которые Жора рисовал мелом на стенах тоннеля. Много раз Батсур принимался звать Озерова. Жора пронзительно свистел. Но им отвечало только далекое эхо.

— Ему надо задать хорошую взбучку, — взволнованно твердил Батсур. — Разве можно было одному уходить так далеко! Он должен был дожждаться нас.

— Зря мы сидели возле кратера, — заметил Жора.

Батсур не ответил. Тоннель, очерчивая дугу, по-прежнему вел вниз.

Батсур вдруг остановился и ударил себя по лбу.

— Так ведь это же спирали! — вскричал он. — Тоннель по спирали окружает центральный кратер. Спускаясь

по нему, мы уже несколько раз обошли жерло. Это искусственный ход в недра вулкана... Молодец Аркадий...

— Ветер, — прошептал Жора.

— Разумеется... Здесь везде превосходная вентиляция. О, это были талантливые инженеры.

— Кто?

— Те, кто построил все это...

— Но кто они?...

Тоннель вдруг повернул под прямым углом, и стены его ушли в стороны. Жора и Батсур очутились в огромном зале. Лучи их фонарей сразу же потерялись в безграничном мраке.

— Что это? — воскликнул Жора.

Батсур не отвечал. Он пристально вглядывался во тьму.

— Погаси фонарь, — вдруг сказал он Жоре.

Их окружила тьма. Нет, это была не тьма. Жора разглядел впереди неяркое зеленоватое сияние. Постепенно его глаза привыкли к темноте, и он увидел вереницы огромных пластин, мерцающих бледным, зеленовато-фиолетовым светом. Ряды пластин тянулись куда-то вдаль.

— Вот оно — сердце Гремящей расщелины, — прошептал Батсур. — Ты гений, Аркадий...

— Что же это такое? — повторил Жора.

— Это наследство людям Земли, — ответил Батсур. — Аркад-и-й! — закричал он, сложив руки рупором.

Подземелья ожили. Отраженный тысячами огромных пластин зов Батсура полетел по бесконечным залам:

— Аркадий! Аркадий! Аркадий!...

Жоре стало страшно. Подземелья словно обрадовались, услышав человеческий голос, и теперь повторяли его на разные лады:

— Аркадий! Аркадий!... дий!

Наконец эхо стихло. Батсур и Жора включили фонари и долго прислушивались. Ответа не было.

— Может, он не дошел сюда? — шепотом спросил Жора.

— Он не мог не дойти... Еще до поездки к Атас-Ула он предположил, что здесь должно существовать нечто подобное... Оставайся тут и не гаси фонаря. Я пойду искать его. Если через час не приду, возвращайся в лагерь, но фонарь оставь здесь. Иди назад со свечой. Пусть

фонарь будет маяком. Отдохнув, возвращайся сюда с Жамбалом. Захватите носилки... В глубь зала не ходите, ни в коем случае. К пластинам опасно приближаться. Если меня и Аркадия не будет, поезжайте вездеходом в Улан-Батор. Там расскажете, что видели. А сейчас ни слова... В этих залах нельзя находиться более полутора — двух часов подряд. Ни слова, Жора... Обещай, что сделаешь так, как я сказал. Дай руку!..

Батсур крепко обнял Жору и шагнул во тьму. Луч его фонаря все удалялся и удалялся и наконец превратился в тонкую блестящую иглу. Уже издали до Жоры долетел зов:

— Аркадий! Аркадий!..

Эхо подхватило его и снова понесло по залам.

Жора присел на каменный пол и ждал. Стрелки часов двигались медленно. До назначенного срока было еще далеко.

Иногда даже хорошо немного побыть одному. По крайней мере никто не увидит, что ты плачешь.

* * *

Тумов медленно шел по опустевшему бульвару в Сокольниках. Желтые листья покрывали мокрый асфальт. Ветер швырял в лицо мелкие брызги дождя. Вот и знакомый дом с большой стеклянной дверью. Отсюда полгода назад они начали свое путешествие.

Тумов тяжело вздохнул.

— Что сказать сестрам Аркадия? Что о нем думает Люда?

У него в боковом кармане лежала телеграмма Очира, полученная уже две недели тому назад. Две недели Игорь носил ее с собой. Каждое утро он обещал себе, что вечером поедет в Сокольники, и каждый вечер мало-душно искал повода, чтобы не ехать. Он уверял себя, что ждет второй телеграммы. Но в глубине души был убежден, что эта вторая телеграмма сообщит о непоправимом.

Уже две недели он боится брать телефонную трубку, забросил дела и работу и ждет... Чего?

Сегодня утром ему передали записку Людмилы. Она настоятельно просила приехать. Больше откладывать визит было нельзя.

Взявшись за ручку входной двери, он еще не был уверен, что позвонит в квартиру. Позвонив, не знал, скажет ли им о телеграмме из Улан-Батора или малодушно промолчит.

Дверь открыла Людмила. Она серьезно поздоровалась с ним и сказала:

— Проходите, пожалуйста. Раздевайтесь...

«Может, они уже знают что-нибудь?» — думал Игорь, медленно снимая одну галошу, затем другую, разматывая шарф, потихоньку принимаясь стягивать пальто.

— Да проходите, в конце концов! — слышался из комнаты резкий голос Ирины Михайловны — старшей сестры Аркадия. — Что вы там копаетесь?

— Идите скорее! — тихо сказала за его спиной Людмила. — Мы очень тревожимся.

«Не знают», — подумал Тумов и пощупал, на месте ли телеграмма.

Он прошел в комнату.

Ирина сидела на диване возле настольной лампы с зеленым абажуром. Ее узкое длинное лицо было очень бледно и, в свете лампы, казалось зеленоватым. Резкие морщины темнели вокруг рта. Тонкие губы были плотно сжаты. Она молча протянула Тумову узкую холодную руку и указала ему место напротив себя.

Игорь поспешно сел в глубокое кресло, довольный, что его лицо остается в тени. Людмила, закутавшись в большой пуховый платок, устроилась с ногами в уголке дивана, взяла на руки кошку; тихо поглаживала ее.

Воцарилось напряженное молчание.

— Ну? — спросила Ирина и закашлялась.

— Что? — растерялся Тумов.

— Сестра последнее время болеет, — торопливо пояснила Людмила и вздохнула.

— Не об этом речь, — резко сказала Ирина. — Где Аркадий?

— Я н-не знаю, — неуверенно протянул Тумов, и ему показалось, что телеграмма жжет его грудь.

— То есть как это не знаете, Игорь Николаевич? — высоким, звенящим голосом спросила Ирина. — Вы втравили его в эту поездку бог знает куда и черт знает зачем. Сами вернулись чуть не три месяца назад. От него никаких известий. Вы не показываете глаз, не считаете нуж-

ным хотя бы по телефону ясно сказать, где он и что с ним. Простите меня, но порядочные люди так не поступают. И он еще называл вас своим другом.

— Ирина, успокойся, — тихо сказала Люда. — Извините ее, Игорь Николаевич. Мы очень беспокоимся об Аркадии. Больше трех месяцев от него нет ни строчки. Вы давно возвратились и тоже молчите.

— Я все собирался, каждый день, — бормотал Тумов, не зная, куда девать глаза. — Куча дел, отчеты... Пришлось сразу ехать в командировку... Вы простите, пожалуйста; я, конечно, очень виноват, но...

— Когда вы видели его последний раз? — спросила Ирина, испытующе глядя на Тумова.

— Ровно три месяца назад, двадцать восьмого августа.

— Почему он не послал с вами письма?

— Мы разъехались в разных направлениях. Не известно было, кто первый доберется до обжитых мест.

— Почему вы разделились?

— Он хотел провести дополнительные исследования немного южнее.

— А вы?

— Я возвращался с караваном на север.

— Значит, вы бросили его и смотали монатки.

— Не совсем так... — начал было Тумов, но осекся и умолк.

Ирина прищурилась.

— Или вы... Не хочу произносить этого гадкого слова... Или вы что-то скрываете от нас. Потрудитесь объяснить, Игорь Николаевич!

— Пожалуйста, — прибавила Люда. — Все лучше такой неизвестности.

— Да поймите, я сам ничего не знаю! — почти закричал Тумов. — Ничего!.. Ну, задержался где-то. Ведь это же Гоби... Думаю, что скоро приедет... — Он чуть не подавился последними словами. — Также жду со дня на день...

— Нет, вы что-то скрываете от нас, — твердо заявила Ирина. — Что вы все время теребите карман? Что у вас в кармане? Покажите!

— Н-ничего! — холодея, протянул Тумов. — Только т-телеграмма из Улан-Б-батора... Вот, п-пожалуйста...

Ирина выхватила у него смятую телеграмму, быстро

пробежала ее и закрыла лицо руками. Людмила подняла дрожащими пальцами упавший листок. Медленно, отчетливо прочитала вслух:

— На ваш запрос сообщаю зпт отряд Озерова не вернулся Гоби тчк поиски не дали никаких... — Плечи девушки затряслись. — Продолжаем... Сообщу... — Она упала лицом в диванные подушки и громко зарыдала.

Тумов окончательно растерялся. Он тяжело встал с кресла, зацепил книги, лежащие на краю стола. Книги с грохотом посыпались на пол. Нагнулся, чтобы поднять книги, махнул рукой, не поднял и присел на диван между сестрами.

— Да поймите же, не все потеряно, — бормотал он. — Найдут... Приедет... возвратится...

— Уже возвратился! — послышался от дверей знакомый голос. — Что тут у вас происходит?

* * *

Тумов впоследствии никогда не мог восстановить в памяти последовательности событий, разыгравшихся в тот вечер. Ирина вскочила, опрокинув лампу. Жалобно звякнул зеленый абажур. В комнате воцарился мрак. В темноте слышался прерывающийся голос Ирины, громкий плач Люды, взволнованные восклицания Аркадия, поцелуи. Под ногами трещали осколки абажура. Игорь хотел обнять Аркадия и обнял Люду. И она поцеловала его в губы. Конечно, это была ошибка... Поцелуй предназначался брату... Обиженно мяукнула кошка, которой кто-то наступил на хвост. Все что-то спрашивали, и никто не слушал ответов. Потом зажглась люстра. Вероятно, сама, потому что никто ее не включал.

Ирина обнимала похудевшего, бронзоволицего Аркадия, а Люда плакала и смеялась, прижимая залитое слезами лицо к широкому плечу Тумова.

Аркадия усадили на диван. Сестры сели по бокам, крепко держа его за руки, словно боялись, что он снова исчезнет. Впрочем, Ирина сразу же хотела вскочить и бежать в кухню, но Аркадий не пустил ее. Тумов, давя широкими подошвами остатки абажура, устроился в кресле напротив дивана.

— Ну, рассказывай, — сказала Люда.

— Только коротко, — прибавила Ирина, — а то мне надо готовить ужин.

— В самом коротком варианте это выглядит так, — усмехнулся Озеров. — Три месяца колесили по Гоби, вчера возвратились в Улан-Батор. Я только успел выругать Очира, что он переполошил вас, сел в самолет и час назад приземлился во Внукове.

— Почему не телеграфировал?

— Я сам летел со скоростью телеграммы. Еще вчера утром мы были в Гоби, у подножия нашего плато.

— Вы вернулись к нему? — удивился Тумов.

— Конечно. И ты еще вернешься к нему, Игорь. Оказывается, нас искали по всей Заалтайской Гоби, а мы спокойно лазали по плато. У нас отказало радио...

— Ну вот, видите, — сказал Тумов. — Я же говорил...

— Этого вы не говорили, — прервала Люда, закрывая ему рот рукой. — Но теперь это совсем неважно.

— Еще бы ему не говорить! — заметил Озеров. — Кто подсунул нам вместо запасных батарей свиную тушенку?

— Не может быть, — изумился Тумов. — О-о! Теперь понимаю, откуда у меня оказались эти батареи... Ах, старая панама!.. Что мне с собой делать?.. Но в остальном обошлось без особых приключений?

— Более или менее...

— А скажи откровенно, Аркадий, — помолчав, спросил Тумов, — стоило там оставаться? Нашли вы что-нибудь... новое?..

— Новое? — повторил Озеров. — Нет, ничего нового не нашли. Все очень старо.

— Надо сразу было меня слушать, — удовлетворенно сказал Тумов. — Раз признался, обрадую тебя... Ты оказался прав. Помнишь блестящий минерал, который я называл алмазом? Это не алмаз. Это совершенно неизвестный минерал огромной твердости и прочности. Удивительное соединение бора, кремния и углерода. Он гораздо тверже алмаза и обладает поразительной способностью концентрировать различные виды энергии. Минералоги считают, что это осколок метеорита нового типа.

— Это не метеорит, — сказал Озеров.

— А что?

— Искусственное вещество.

— Фантазия, — протянул Тумов. — Зеленая фантазия! Ни в одной из лабораторий пока еще не создано условий, необходимых для синтеза такого соединения. Его синтез лежит далеко за пределами возможностей нашей науки.

— А я не сказал, что это вещество создано человеческими руками, — возразил Озеров. — Оно было синтезировано десятки тысяч лет назад разумными существами, наука которых уже тогда намного опередила нашу современную науку. . .

— Подожди, — перебил Тумов. — У вас там не было аварии вездехода? Ты не того? . . — он покрутил указательным пальцем около виска.

Аркадий молча достал из кармана небольшой сверток, развернул. Ярко заискрились в электрическом свете блестящие грани какого-то плоского предмета. Это была небольшая пластинка того же самого вещества, обломок которого нашел Жора возле лагеря. Но эта пластинка была тонко инкрустирована другим, еще более блестящим веществом. Узор представлял собой сложные пересекающиеся спирали. Достаточно было одного взгляда, чтобы сказать, что это обломок какого-то предмета, созданного разумными существами.

— Что же это, осколок межпланетного корабля? — шепотом спросил пораженный Тумов, осторожно касаясь пальцами блестящих граней.

— Нет, это осколок одной из пластин гигантского конденсатора, аккумулирующего энергию земных недр. Вулканическое плато Адж-Богдо — это действительно огромный конденсатор, но не солнечной энергии, как ты считал, а ядерной энергии земных недр. Оно полое внутри. Там в колоссальных подземных залах стоят бесконечные ряды таких пластин. Специальные стержни соединяют эти пластины друг с другом и с центральным вулканическим каналом. Источником энергии, по-видимому, является магматический очаг древнего вулкана, расположенный на глубине нескольких километров под плато. Как они добрались до очага, пока непонятно. Вообще во всей этой установке очень много непонятного. Потребуется десятки лет для ее изучения. Ясно одно — это самый крупный искусственный энергетический агрегат нашей планеты, оставленный нам в наследство неизвестными пришельцами из Космоса. Можно думать, что они появи-

лись в Гоби от двадцати до пятидесяти тысяч лет назад, когда в Европе и Северной Америке лежал многосотметровый ледяной покров.

В небольшой котловине у подножия Атас-Ула мы нашли полузанесенные песком остатки космопорта пришельцев. На площадке космопорта сохранились огромные конические воронки, расположенные правильными шестиугольниками. Осадочные породы внутри воронок и вблизи них несут следы обжига и остеклования. Вероятно, эти воронки выжжены струями раскаленного газа, вырывавшимися из стартовых дюз космических лайнеров. Нашли мы и специальные подземные убежища, из которых можно было безопасно наблюдать за действием энергетического агрегата, когда он выстреливал запас накопленной энергии в космос. Между прочим, одно из таких убежищ находилось в плато, к которому примыкают развалины ламаистского монастыря. Разрядка агрегата происходит раз в пять лет, в один из дней июня. В этом году энергетическим разрядом был уничтожен американский спутник, а десять лет назад, спустя несколько часов после разряда, вблизи канала, еще источавшего последние порции энергии, пролетел самолет Исарова...

Ламы, жившие в монастыре, знали об этих разрядах. Они называли их пляской громовых духов. А расщелину, ведущую к центральному каналу, окрестили Гремящей расщелиной. Так родилась одна из легенд Гоби.

Люди несколько раз проникали в Гремящую расщелину. Лет триста назад один лама принес оттуда осколок пластины конденсатора. Мы нашли этот осколок на алтаре подземного храма в Атас-Ула. Рядом была старая надпись, повествующая о подвиге ламы. Надпись удалось прочитать Батсуру. Близко к Гремящей расщелине подходил и последний сторож монастыря. Он искал пропавшего внука и попал в зону излучения. Вскрытие показало, что он умер от лучевой болезни.

— И вы, вы тоже спускались в эту страшную расщелину? — дрогнувшим голосом спросила Люда.

— Да. Мы заметили ее еще с самолета. Она достигает кратера самого крупного вулкана плато. С вершины конуса спуститься в кратер нельзя. Мы проникли туда по дну Гремящей расщелины, которая представляет собой трещину на южном склоне конуса. Мы своими глазами

видели бесконечные ряды блестящих конденсаторов, протянувшиеся на километры. Часть пластин поломана во время землетрясений, но все блестят так, словно вчера изготовлены, хотя им, должно быть, не менее двадцати тысяч лет.

— А излучение? — вскричал Тумов. — Вы побывали в поле действия конденсаторов?..

— Сейчас они почти разряжены. Выброс энергии произошел всего несколько месяцев назад. Излучение пока находится в пределах, допустимых для человеческого организма. Впрочем, если бы не Батсур, со мной могло быть плохо. Я шел без прибора и немного злоупотребил пребыванием в подземельях. Батсур вовремя вытащил меня оттуда... А теперь держись, Игорь! Наши приборы зафиксировали нейтронный поток, идущий из недр Земли вдоль канала. Интенсивность потока резко увеличивается с глубиной.

Нейтронный поток, поступающий из очага вулкана! Может ли быть лучшее доказательство ядерных реакций в земных недрах? И это не домыслы. Это показания приборов... Через месяц или два пребывание вблизи канала и конденсаторов станет опасным, а через полгода невозможным. А через четыре с половиной года жерло Гремящей расщелины снова выстрелит в Космос свой чудовищный заряд энергии. К тому времени мы опояшем ее сетью обсерваторий и наблюдательных станций, определим силу и характер энергетического выброса. Когда излучение прекратится, мы снова спустимся в глубины Гремящей расщелины и попробуем переключить ее энергию для земных целей. Подумайте, друзья мои, какие неисчерпаемые запасы энергии таятся в недрах Земли. Какие безграничные возможности открываются для энергетиков будущего! Ведь магматический очаг лавового плато Адж-Богдо — это ничтожная крупинка того, что заключено в недрах нашей планеты...

Тумов вдруг расхохотался.

Все удивленно взглянули на него. Ирина с возмущением пожала плечами.

А Тумов хохотал все громче. Его массивная фигура сотрясалась от смеха, и он тер глаза огромными кулаками.

— Что с вами, Игорь Николаевич? — тревожно спросила Люда.

— Простите меня... Я вспомнил... Что за осел!.. Подумай, Аркадий... Наш общий друг — мистер Пигастер, возвратившись домой, немедленно опубликовал под своим именем мои соображения о концентрации солнечной энергии базальтовым плато. Не догадался, у кого надо было красть... Ну, так ему, шельмецу, и надо.

— Как, — удивился Озеров, — опубликовал и без всяких ссылок на тебя?

— Без всяких. Недаром он поражался, как это мы рассказываем о своих идеях, прежде чем зарегистрировали их в бюро авторских прав. Зная русский язык, он понимал все наши разговоры и в деталях ознакомился с моей идеей.

— И так твердо стал на твою точку зрения, что решил популяризировать ее от своего имени.

— Так ему и надо! Он теперь вырвет последние остатки волос, когда узнает о ваших открытиях. Уступаю ему приоритет с «конденсатором солнечной энергии». А хорошо, что я ничего не успел напечатать. Оказывается, медлительность иногда полезна... Значит, энергетическая станция в вулкане!.. — продолжал Тумов после короткого молчания. — Поразительно! Трудно переоценить такое открытие... Трудно... А как, по-твоему, Аркадий, зачем понадобилось неизвестным пришельцам из Космоса создавать на Земле энергетическую станцию? Как они использовали эту энергию?

— Этого мы не знаем, — сказал Озеров. — Назначение установки пока остается загадочным. Мы должны его выяснить. Может быть, это своеобразный маяк в Космосе. Может быть, энергетический разряд создает канал направленного излучения, по которому с нашей планеты передается запись об условиях, царящих на поверхности Земли или в ее недрах. Спустя некоторое время эту запись принимают и расшифровывают разумные существа иной солнечной системы. Может быть, это приспособление служит или служило для каких-то таких целей, о которых мы просто не имеем понятия. Будущее покажет...

— Если я правильно поняла, — сказала Ирина, — вы с Батсуром совершили несколько крупных открытий. Я даже не знаю, что важнее: находка ли энергетической установки, или доказательство ядерных реакций в глубинах Земли, или, наконец, наличие разумных существ за пределами нашей планеты.

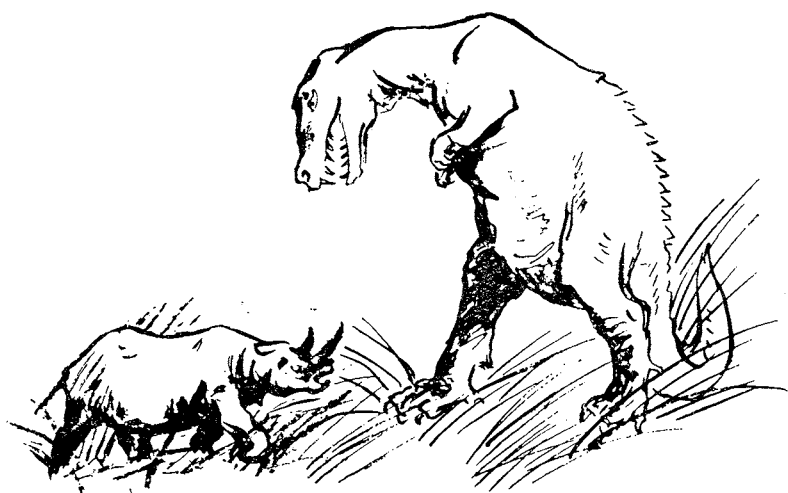
— Пока сделан лишь первый шаг на бесконечно долгом и трудном пути, — ответил Озеров. — Самое сложное — впереди. А первый шаг был сделан всеми нами — всей экспедицией, когда мы колесили вокруг Адж-Богдо и лазали по базальтовым обрывам. Мы с Батсуром лишь подвели итоги первого этапа. Теперь начинается второй этап. Ты готов к нему, Игорь?

— Буду готов через несколько часов, — мрачно сказал Тумов. — Только съезжу домой и сожгу свою неоконченную диссертацию.

ОХОТНИКИ ЗА ДИНОЗАВРАМИ

Мистер Лесли Бейз критически разглядывал фотографию.

— Если это не мошенничество, — я имею в виду ловкий фотомонтаж, — пояснил он, протягивая мне снимок, — это должно заинтересовать вас.

— Мы сделали экспертизу, — торопливо вставил секретарь.

Мистер Лесли Бейз брезгливо пожал плечами. Я молча рассматривал снимок. Чудовище имело в высоту по меньшей мере семь метров. Оно стояло на задних ногах, опираясь на массивный хвост. Колоссальная пасть с длинными коническими зубами была полуоткрыта. Передние лапы, вооруженные огромными когтями, изогнутыми, как кривые кинжалы, прижаты к груди. В маленьких круглых глазах застыла неутолимая ярость. Рядом валялись истерзанные останки носорога. Погибший гигант казался раздавленным крысенком возле готового к прыжку чудовища.

— Это, без сомнения, новый вид тираннозавра, ка-

ким-то чудом сохранившийся до наших дней, — сказал я, кладя фотографию на стол.

— Вам виднее, как назвать, — проворчал мистер Бейз. — Вы ведь профессор зоологии, не так ли?

— Палеонтологии, — поправил я.

— Это не меняет дела. Так беретесь разыскать красавчика и доставить в один из моих зверинцев?

— Задача не из легких...

— Поэтому я и обратился к вам, мистер... мистер...

— Турский, — подсказал секретарь.

— Вот именно... Мистер Турский. Вы, кажется, бывали в Центральной Африке.

Я молча кивнул.

— Где и когда?

— Я работал в верховьях Голубого Нила во время второй мировой войны. Был и в других местах...

— А потом?

— Долго рассказывать. Не хочу отнимать вашего времени. Сейчас преподаю палеонтологию позвоночных в...

— Знаю. За живого тираннозавра я вам плачу... двести тысяч долларов. За шкуру и скелет — сто тысяч. Вернетесь ни с чем — не получите ни гроша. Все публикации только через мои издательства. Ни одного интервью, ни одной фотографии на сторону. Согласны?

Я ответил, что подумаю.

— Решайте сейчас же. — В голосе мистера Лесли послышались злые нотки. — И помните: если откажетесь, — вы ничего не слышали и не видели этого снимка.

— Экспедиционные расходы?

— Назовете нужную сумму... разумеется, в границах здравого рассудка.

— Согласен.

— Договор подпишите сегодня же. Персонал экспедиции подберете в Конго. Европейцев — минимум. Никто не должен знать цели поездки. Пусть думают, что это обычная экспедиция за редкими животными. По прибытии на место скажете, что сочтете нужным. План и смету представите через неделю. Выезд через две недели.

Я попытался прервать его.

— Повторяю, ровно через две недели — и ни днем позже. Мои агенты в вашем распоряжении. С вами отправится мой человек — Перси Вуфф. Он вылетает в

Конго через три дня. Это неплохой парень. У него верный глаз и чугунные кулаки. Вы назначите его своим заместителем. Всё.

— Фотографию ящера разрешите мне взять с собой?

— Получите копию. Но помните условия...

— Это совершенно новый вид тираннозавра, — сказал я, пододвигая к себе снимок. — Надо придумать для него хорошее название, и, как только мы найдем хотя бы его зуб...

— К черту зуб! — объявил мистер Лесли Бейз. — Мне необходим целый тираннозавр. Целый! Живой или, в крайнем случае, мертвый.

— Разумеется, — согласился я. — Но, чтобы окрестить его, достаточно даже зуба. Как вам нравится видовое название *Tyrannosaurus beizi*? Недурно звучит, не правда ли?

Мистер Лесли Бейз не ожидал этого. Кажется, он был польщен. Он даже покраснел от удовольствия. Мысленно я попытался поставить себя на его место: разумеется, приятно, если твоим именем назовут самую страшную из бестий, когда-либо населявших Землю. Однако мистер Лесли Бейз снова помрачнел и забарабанил пальцами по столу. Я ожидал, что он выложит новую серию условий, ведь договор еще не был подписан. Но он с не присущим ему сомнением в голосе вдруг спросил:

— А не может ли видовое название тираннозавра быть двойным?

Я не сразу сообразил, куда он клонит, и осторожно ответил, что в отдельных случаях видовое название может состоять из двух частей.

Он просиял.

— В таком случае пусть вместе с моей фамилией в него войдет имя жены.

— Чьей жены, сударь?

— Моей, разумеется, — обиделся мистер Бейз. — Ее зовут Рита.

— Превосходно, — сказал я. — Итак, *Tyrannosaurus beizi ritas*. Решено.

Мистер Бейз вздохнул с видимым облегчением.

— Она будет в восторге. Она постоянно пилит меня, что я еще не увековечил ее имя. Я вынужден был заплатить кругленькую сумму этой старой свинье из Национальной Антарктической службы, как его...

— Поггс, — подсказал секретарь.

— Именно Поггс... Чтобы они там назвали именем жены какую-нибудь ледяную гору или пингвина. Он обещал подыскать что-нибудь подходящее. Потом позвонил и сказал, что ее именем назовут недавно открытый ледник. Я решил подарить жене на именины новую карту Антарктиды с ледником ее имени. Однако на новой карте такого ледника не оказалось. Хорошо еще, что я посмотрел карту перед тем как тащить жене. Я велел немедленно соединить меня с Поггсом, и этот мошенник заявил, что ледник моей жены в последний момент пришлось с карты убрать, так как русские утверждают, будто он не существует.

— Но с тираннозавром дело совершенно верное, — возможно серьезнее заверил я. — Достаточно иметь один зуб...

— Целого тираннозавра, — отрезал мистер Лесли Бейз.

— Зуб найти легче, — вежливо сказал я. — И сразу будет название, которое вы сможете вместе с зубом преподнести вашей супруге. А за целым тираннозавром, может быть, придется гоняться несколько лет. Кстати, мистер Бейз, я буду составлять смету на три сезона. Первый сезон — только поиски. Охота на ящера начнется во втором сезоне. Третий — резервный.

Лесли Бейз махнул рукой.

* * *

Все это было давно — много месяцев назад. Я иногда вспоминаю день, когда согласился ехать за тираннозавром, и в голову лезут ругательства: сначала родные — польские, потом — английские, затем — немецкие...

Разумеется, это была авантюра — решиться искать живого тираннозавра для мистера Лесли Бейза. Зачем я полез в эту гнусную кабалу? Ради денег? Я никогда не гонялся за ними; и, кроме того, в случае неудачи я не получаю ровно ничего. Ради возможности побывать в неисследованных районах Центральной Африки? Но Африку я знаю достаточно хорошо, и я уже не юноша, которого может увлечь романтика дальних странствий. Чтобы опубликовать еще одну монографию о рептилиях? Но мое имя и так известно в геологических кругах, а кроме

двух десятков палеонтологов, читать монографию о рептилиях никто не станет.

Конечно, заманчиво увидеть, а тем более привезти живого тираннозавра. Однако после здравого размышления я сам не очень верил в существование чудовища. В наши дни фотографии творят истинные чудеса. А эта фотография вообще взялась неизвестно откуда.

Итак, мною совершен явно неосмотрительный шаг. Впрочем, я уже сделал их немало — неосмотрительных шагов. Война окончилась давно, а я все еще странствую за границей. Жду, пока меня позовут?.. Щемит сердце, когда вспоминаю сосновые перелески Прикарпатья и вечерние туманы над тихой Вислой, довоенную Варшаву и узкие улочки старого Кракова. Я жду возвращения, мечтаю о нем... И сам откладываю его, пытаюсь завершить начатые после войны исследования. Контракт с мистером Лесли Бейзом отодвинул мое возвращение в Польшу еще на три года... На три года ли?..

Мы сменили уже не один лагерь на окраине Больших болот. Мои охотники недоумевают. Вместо того, чтобы заниматься ловлей редких животных, которые еще сохранились в этом уголке Центральной Африки, мы лазаем среди ядовитых испарений, проваливаемся по пояс и глубже в зловонную жижу, распугиваем змей и огромных болотных жаб, изнываем от нестерпимого влажного зноя, теряем последние силы от приступов жестокой болотной лихорадки. Первый сезон подходит к концу, а мы не нашли еще не только зуба, но даже и каких-либо признаков существования тираннозавра.

Надо же было случиться, что охотника, который прислал фотографию ящера мистеру Лесли Бейзу, задрал лев за несколько дней до моего приезда в Бумба.

Компаньон охотника — старый Джек Джонсон — показался мне таким же олухом, как и мой заместитель Перси Вуфф. Перси видел охотника за несколько дней до его гибели и не потрудился узнать, в каком районе Больших болот обитает ящер. А Джек Джонсон был настолько бестолков и знал так мало, что сначала я даже не счел нужным объяснять ему истинную цель экспедиции. Этих двух бездельников — Джонсона и Вуффа, в общем совершенно не похожих друг на друга, сближало одно — любовь к виски. Маленький, худой и лысый Джек Джонсон мог выпить так же много, как и здоровенный верзила

Вуфф. Самое удивительное заключалось в том, что они почти не пьянели. Джек, просидев целую ночь за столом и опорожнив с помощью Перси несколько бутылок виски, бил из своего штуцера пулями в лёт диких уток, а Перси Вуфф забирал ящик с красками и отправлялся рисовать пейзажи. И они получались нисколько ни хуже тех, которые он рисовал в редкие дни, когда бывал совершенно трезвым.

Первый сезон приближался к концу. Темные клубящиеся тучи все чаще закрывали солнце. По ночам все громче шумел дождь в густой непроницаемой листве, образующей зеленый свод над нашими палатками. Правда, ливни еще не начинались, но их приближение угадывалось и в глухих раскатах далекого грома, и в желтых испарениях, в которых вечерами тонули бескрайние болота, и в невыносимо душном зное, и в поведении животных. Надо было уходить на юг, подальше от этих гнилых мест, которые через неделю — две превратятся в непроходимые топи.

В конце концов я решил поговорить с Джеком Джонсоном начистоту. Пока ему было известно, что мы приехали изучать, фотографировать и ловить исполинских крокодилов, которые еще сохранились в некоторых местах Центральной Африки. Правда, меня интересовали и другие редкие животные, населяющие окраину Больших болот, но ими мы занимались между делом, попутно...

Джек уже несколько раз указывал следы крупных крокодилов, однако я решительно браковал их, утверждая, что пресмыкающиеся, которые оставляли эти следы, недостаточно велики и не стоит тратить на них время.

Перси Вуфф притащился вместе с Джонсоном и молча плюхнулся на выучный чемодан, стоящий возле моей палатки. Чемодан затрещал.

Перси с опаской глянул на него и перебрался на свернутый брезент.

Джек Джонсон присел на корточки и, попыхивая коротенькой черной трубкой, выжидающе поглядывал на меня.

— Скоро начнутся дожди, — сказал я, — а мы еще не встретили ничего, что могло бы оправдать затраты на экспедицию и ящики выпитого виски.

Перси Вуфф кивнул, а Джонсон вынул трубку из рта и принялся старательно выколачивать ее.

— Послушайте, Джонсон, — продолжал я, — покойный Ричардс рассказывал вам о своем последнем путешествии в эти места?

— О каких местах вы говорите, шеф?

— О тех, где мы сейчас находимся.

— Говорить-то говорил, — протянул Джонсон, продолжая выколачивать трубку. — А что именно вас интересует? Крокодилы?

— Ну, допустим, исполинские крокодилы.

— Нет, о крокодилах не говорил.

— Ну, а о каких-нибудь других крупных редких животных, которых он не встречал нигде, кроме этих мест?

— Не помню, шеф. Пожалуй, не говорил... Его последнее путешествие сюда окончилось неудачно. Оба туземца, которые сопровождали его, погибли. Если бы они не были неграми, Ричардсу могли грозить разные неприятности. Кое-кто в Бумба хотел поднять шум. Только из этого ничего не вышло. Губернатор — мужчина суровый: белых не даст в обиду.

— Это для меня новость. Вы раньше не говорили о гибели туземцев.

— Потому что вы не спрашивали...

— А теперь спрашиваю и прошу рассказать все, что вы знаете о последнем путешествии Ричардса. Почему вы не поехали с ним?

— Я заболел дизентерией.
— А потом?
— Он велел дожидаться в Бумба.
— Итак, он уехал из Бумба с двумя туземцами?..
— Он уехал из Бумба один на попутной машине, шеф. Туземцев нанял в Нгоа — той деревне, в которой мы ночевали в конце третьего дня пути. Он должен был разведать новые места для ловли редких зверей. Так велел Викланд — агент мистера Бейза в Уганде. Но Ричардс почти ничего не успел сделать. Оба туземца погибли, и он вернулся в Бумба. Мы должны были ехать с ним вместе через месяц, а тут подвернулась эта старая американка, которая приехала стрелять львов. Она наняла Ричардса на месяц. На первой же охоте лев, которого она ранила, задрал его.

— А американка? — поинтересовался я.

— Вернулась в Бумба, наняла другого охотника и опять поехала за львами.

— А вам известно, отчего погибли туземцы?

— Ричардс говорил, что их затоптал белый носорог.

— Сразу двоих?

— Как будто...

— Значит, Ричардс вам ничего не рассказывал об удивительных гигантских животных, которых он встретил во время своего последнего путешествия?

— Нет, шеф... А разве он повстречал что-нибудь такое?

— Скажите, Джонсон, а вы сами никогда не слышали об этих библейских чудовищах, которые обитают в Больших болотах?

— О библейских чудовищах не слыхал... Да я и не помню, какие чудовища описаны в библии... Разве киты?

Перси Вуфф недвусмысленно фыркнул.

Я почувствовал, что начинаю терять терпение. Сухо сказал:

— Я имею в виду животных, которых до сих пор никто не видел в Африке. Животных, которые на других континентах вымерли в минувшие геологические эпохи.

— Раз их никто не видел, так откуда известно, что они тут есть? — искренне удивился Джонсон.

— Ну, а в легендах туземцев вам ничего такого не приходилось слышать?

— Эх, начальник, — махнул рукой Джонсон, — в легендах туземцев такое наплетено... Здешним неграм вообще верить нельзя. Еще вчера один из наших парней врал, будто его отец видел на окраине болот чудовищ, похожих одновременно и на слона и на крокодила и, вдобавок, двадцатиметровой длины. Что с такого возьмешь?..

— Действительно, ничего не возьмешь, — сказал я. — А вот, что вы думаете по поводу этой фотографии? — Я протянул снимок тираннозавра, полученный от мистера Лесли Бейза.

Джонсон широко раскрыл глаза.

— Вот это дичь! — пробормотал он, и по его искреннему удивлению я понял, что он никогда не видел этого снимка. — Откуда это у вас, начальник?

— Эту фотографию сделал Ричардс, по-видимому, во время своего последнего путешествия.

— Не может быть! У Ричардса никогда не было фотографического аппарата. Да он и обращаться с ним не умел. Это не его фотография, шеф.

Перси беспокойно пошевелился на своем брезенте.

— Но фотографию прислал мистеру Бейзу Ричардс, — возразил я.

— Возможно, но это не его фотография.

— Тогда чья же?

— Не знаю, шеф. Я никогда не видел у Ричардса подобной фотографии. Человек он, правда, был скрытный, но о встрече с такой бестией, наверное, рассказал бы мне... Значит, вы на нее приехали охотиться?

— На нее тоже.

Джонсон тихонько засвистел.

— Не хотел бы я с ней повстречаться, — пробормотал он, разглядывая фотографию. — Посмотрите-ка, что осталось от белого носорога.

— Вы думаете, что это белый носорог, Джек?

— Без сомнения; поглядите на его голову.

Я взял фотографию, стал рассматривать ее в лупу и убедился, что Джонсон прав.

Это открытие заставило меня призадуматься. Туземцы, сопровождавшие Ричардса, были затоптаны белым носорогом. На снимке был тоже белый носорог, растерзанный тираннозавром. Простое ли это совпадение? Белые носороги стали в Африке большой редкостью.

Официальная статистика утверждает, что их осталось не более ста голов. Охота на них запрещена, а лицензия на отлов стоит баснословно дорого. А с другой стороны, у Ричардса не было фотоаппарата...

Задача неожиданно осложнилась, и я пожалел, что не начал этого разговора раньше.

Охотник продолжал рассматривать фотографию. Перси Вуфф дремал, прислонившись спиной к выючному чемодану.

— Интересно, куда стрелять в этого малютку, чтобы сразу положить его? — задумчиво спросил Джонсон, не отрывая взгляда от фотографии.

— Вот сюда. В случае удачного выстрела вы пробиваете сердце и перебиваете позвоночник. Но нам надо постараться добыть эту бестию живой.

Джонсон расхохотался.

— Вы шутите, начальник! Если даже удастся заманить его в западню, как справиться с ним, на чем тащить и чем кормить? Нет!.. Подстрелить — еще куда ни шло, но ловить живьем я отказываюсь. Этого и в контракте не было...

— Если нападём на след этого чудовища, — спокойно сказал я, — мы пересоставим контракт. А поймать попытаемся молодого, которого можно отсюда вывезти. Но, прежде всего, нам придется изучить повадки этих тварей. Современная наука о них почти ничего не знает. Считалось, что они вымерли около шестидесяти миллионов лет тому назад, в конце мелового периода. Однако на таком древнем континенте, как Африка, некоторые виды этих пресмыкающихся могли сохраниться до наших дней. Здесь, в центре континента, географические условия, по видимому, не испытывали резких изменений в течение многих миллионов лет. Поэтому динозавры могли пережить здесь свою эпоху. Такая находка принесла бы славу и деньги. В случае удачи вы, Джонсон, стали бы вполне обеспеченным человеком.

— А вы, шеф?

— Я написал бы о них толстую книгу с цветными иллюстрациями.

Перси Вуфф не то вздохнул, не то хрюкнул, и я понял, что он лишь притворяется спящим, а в действительности внимательно слушает наш разговор.

«Может, он только прикидывается дубиной», — подумал я.

мал я, поглядывая на широкое, пышущее здоровьем лицо Перси, безмятежное, как у спящего младенца.

— А сколько я мог бы получить? — поинтересовался Джонсон.

— Сейчас об этом говорить рано, — возразил я. — Надо сначала узнать, действительно ли тут водятся динозавры, и какие. Кстати, зверь, о котором говорил вам негр, также может оказаться динозавром, но не хищником, как тот, что изображен на фотографии, а травоядным. Например, бронтозавром или диплодоком. Расспросите вашего негра подробнее, где и когда его отец видел это животное и как оно выглядело.

— Я могу позвать негра. Он немного говорит по-английски.

— Зовите.

Через несколько минут Джонсон возвратился в сопровождении высокого молодого негра, задрапированного в кусок белой ткани, напоминающий тогу. На темных курчавых волосах негра красовалось подобие шапочки из двух свернутых страусовых перьев. Длинное темно-коричневое лицо с высоким лбом и тонкими чертами было изуродовано глубоким шрамом, наискось пересекающим лицо от виска до подбородка..

— Его зовут Квали, — пояснил Джонсон. — Он пришел позавчера с партией носильщиков и захотел остаться в лагере.

— Здравствуй, началь-

ник, — сказал Квали, касаясь ладонями груди и чуть наклонив голову. — Моя знает хороший места для охоты. Много хороший места. Моя может пух-пух... стрелять. Дай мне, пожалуйста, карабин и патроны, и моя покажет хороший места. Много лев, буйвол, слон, белый носорог...

— Мне нужен крокодил, очень большой крокодил, — сказал я. — Такой крокодил, у которого хвост был бы под тем деревом, а голова тут, где сидит большой белый человек. — Я указал на Перси Вуффа.

Перси пошевелился и поджал под себя ноги.

— Такой крокодил здесь нет, — решительно заявил Квали, и Джонсон удовлетворенно кивнул коричневой лысой головой.

— А зверь, про которого ты вчера рассказывал белому охотнику?

— О, — сказал Квали, — это не тут. Два, пять, десять, — он считал по пальцам, видимо, вспоминая английские названия цифр, — пятнадцать день идти надо... Очень плохое место... Один пойдешь, пропал... Там, — он мучительно подбирал нужные слова и не мог вспомнить или не знал их. — Там... — И он принялся что-то объяснять Джонсону на местном наречии негров банту.

Охотник внимательно слушал, время от времени с сомнением покачивая головой.

— Что он говорит?

— Он утверждает, что большие звери живут в двух неделях пути отсюда, но приближаться к местам их обитания опасно. Злые духи охраняют тот край. Их голоса вечерами звучат над болотами. Черные охотники никогда не углубляются в болота, потому что пути назад нет... Его отец видел больших зверей, когда они в страхе убежали от кого-то. Он думает, что таких великанов могли испугать только злые духи. Но злых духов его отец не видел. У больших зверей тело и ноги слона, хвост крокодила, голова и шея змеи. На спине у них торчат рога, как у носорога, только этих рогов больше и они гораздо крупнее носорожьих. Когда эти звери бежали, земля тряслась и дрожали деревья.

— Спросите, — сколько таких зверей видел его отец и когда это произошло?

— Три. Два большой, один маленький, — ответил Квали, который понял мой вопрос. — Это было давно: тогда отец был молодой, а Квали еще не родился.

— А где сейчас твой отец?

Глаза негра сощурились, и по лицу пробежала судорога. Он повернулся к Джонсону и что-то отрывисто объяснил ему.

— Его отца убили бельгийцы, — перевел Джонсон, глядя себе под ноги. — Он был расстрелян вместе с другими мужчинами их деревни несколько лет тому назад.

Воцарилось напряженное молчание.

— А ты сам был в том месте, где твой отец повстречал больших зверей? — спросил я, избегая смотреть в глаза негру.

— Нет, — сказал Квали, — но я знает туда дорога. Я... могу проводить туда белый охотник за карабин с патронами. Я довести до священный камень. Дальше останется один день пути.

— Решено, — объявил я. — Ты поведешь нашу экспедицию к священному камню. Завтра мы возвращаемся в Бумба и, как только окончится время дождей, ты поведешь нас туда, где твой отец видел чудовищ.

— Я достану карабин? — подозрительно спросил Квали.

— Хоть неграм в Конго и не полагается иметь нарезное оружие, — сказал я, — но дам тебе карабин и патроны, если укажешь следы чудовищ. Только следы...

Квали закусил губы и поглядывал на меня исподлобья.

— Не обманешь, начальник?

— Если укажешь следы, не обману.

— Да, — торжественно произнес негр, — Квали ответит экспедиция и укажет следы больших зверей.

* * *

Через неделю мы были в Бумба. Я поручил Вуффу и Джонсону погрузить на пароход редких животных, которых мы отправляли в зоологические сады мистера Лесли Бейза, а сам сел в самолет и через несколько часов уже шагал по людным улицам Леопольдвилля — столицы Бельгийского Конго.

В городе недавно были волнения. О них напоминали выбитые стекла в витринах магазинов, обилие патрулей, мрачные лица конголезцев, взволнованный шепот белых. Видимо, атмосфера оставалась накаленной и ее не мог-

ли остудить даже начавшиеся дожди. Нервное оживление царило в аэропорту. Многие бельгийцы отправляли свои семьи на родину.

Я занял номер в Гранд-отеле. Несколько дней ушло на оформление дел, связанных с новой экспедицией, на писание писем и на составление отчета для мистера Лесли Бейза. Затем я засел в центральной научной библиотеке, чтобы просмотреть новые геологические и палеонтологические журналы. В одном из них оказалась заметка известного русского палеонтолога, недавно возвратившегося из Абиссинии. В горах Сибу он обнаружил на плите песчаника верхнетретичного возраста загадочные следы, оставленные, по его мнению, новым видом крупного ящера. Опираясь на различные материалы, в том числе и на абиссинский фольклор, ученый высказывал предположение, что в неисследованных районах Центральной Африки крупные ящеры могли сохраниться до четвертичного времени, а может быть, даже и до современной эпохи.

Я вышел из библиотеки в отвратительном настроении. Связанный контрактом, я не только не имел возможности опубликовать того, что знал, но даже не мог написать письма автору статьи и поделиться с ним своими взглядами.

Погруженный в невеселые размышления, я медленно шел по центральному бульвару, не обращая внимания на дождь, который лил все сильнее и сильнее. Вдруг кто-то тронул меня за рукав. Я оглянулся. Передо мной стоял невысокий коренастый человек в прозрачном плаще из серого пластика. Из-под прозрачного капюшона глядели широко расставленные, удивительно знакомые глаза.

— Турский?.. Збышек!.. Какими судьбами?

Он отбросил капюшон, и я сразу узнал его. Это был инженер Мариан Баршак из Варшавы.

Летом 1939 года мы оба были призваны из резерва, попали в один полк. Когда Гитлер начал войну, наш полк находился под Калишем и принял на себя первый удар. После разгрома полка мы, чудом избежав плена, укрылись в Карпатах. Я работал там до войны и знал каждую тропу, каждый перевал. Горами добрались до румынской границы. Потом много месяцев провели в Румынии, весной 1940 года вместе оказались в Марселе.

Тут наши пути разошлись. Меня пригласили для проведения геологических исследований в верховьях Нила, а Мариан уехал в Лондон, чтобы вступить в формирующуюся там польскую армию...

Мы обнялись и расцеловались.

Через несколько минут мы уже сидели за столиком ресторана в Гранд-отеле.

— Почему не возвратился? — было первым вопросом Баршака.

— А ты?

— Я вернулся в сорок шестом. Служил в Возрожденном войске польском, потом перешел на дипломатическую работу. Сейчас работаю консулом демократической Польши в Конакри. Сюда прибыл в командировку. А что поделывал ты?

Я коротко рассказал о себе.

Баршак качал седеющей, коротко остриженной головой,

— Надо возвращаться, Збигнев, — сказал он, когда я кончил. — Новой Польше нужны опытные геологи. А ты торчишь в эмиграции. Неужели тебя никто не ждет у нас?

— Никто. Родные и близкие погибли во время оккупации. Я остался один. Понимаешь, совсем один, Мариан. А здесь были работы, начатые сразу после войны. Хотел закончить... Так и шли годы... Трудно возвращаться, когда тебя никто не ждет.

— Но друзья, Родина?..

— С друзьями связи прервались еще в войну. Знаешь, как все это было...

— Ты обзавелся новой семьей?

— Нет. На это тоже не хватило времени... Вот разделаюсь с экспедицией в Конго и обязательно вернусь в Польшу. Я ведь мечтаю продолжить работы в Карпатах.

— Все зависит только от тебя, Збигнев. Если хочешь, напишу в Варшаву. К приезду тебя уже будет ждать интересная работа.

Я сказал, что подумаю. Мы проговорили до поздней ночи и условились писать друг другу.

Когда мы прощались, Мариан поинтересовался, где работала моя экспедиция. Узнав, что я недавно прилетел из Экваториальной провинции, он оживился.

— Само providение послало тебя, — обрадованно сказал он. — Ты, вероятно, сможешь помочь. Мне поручили выяснить судьбу одного чешского кинооператора. Парень около года назад приехал в Конго и исчез. Он должен был отснять несколько сот метров пленки для кинохроники, а ему жара или содовая вода ударили в голову. Захотел экзотики. Отправился зачем-то в Экваториальную провинцию, и там его след затерялся. Есть сведения, что его видели в Бумба с одним охотником, а потом он как в воду канул. Местные власти начали расследование, но сейчас на них небольшая надежда. У них у самих слишком много хлопот. Откровенно говоря, не думаю, чтобы бельгийцы продержались здесь больше года. Земля горит у них под ногами... Так вот, ты не слыхал об этом кинооператоре? Его звали Мирослав Грдичка.

— Нет, не слышал о нем. А как звали охотника?

— Кажется, Ричардс.

Я подскочил на стуле.

— Ричардс?

— Ты знаешь его?

— Да... А собственно, нет... Но знаю, что месяцев пять назад его растерзал лев. Это случилось перед моим приездом в Конго.

— О гибели охотника и я слышал, — задумчиво сказал Барщак. — Но с Грдичкой их видели гораздо раньше — месяцев восемь тому назад... Ты возвратишься в Бумба?

— Еще до окончания периода дождей. И сразу выеду на север, в неисследованные районы Экваториальной провинции.

— Попробуй навести справки на месте, а потом по деревням, через которые пойдет экспедиция. Человека с киноаппаратом не могли не заметить.

— Обещаю, Мариан. Судьба этого кинооператора меня самого заинтересовала. Как узнаю что-либо, сразу извещу тебя.

В эту ночь я долго не мог заснуть. Разговор с Барщакom снова всколыхнул мысли о возвращении. Может быть, действительно в Польше я найду друзей. Исчезнет это чувство одиночества... А тираннозавр? Неужели он все-таки существует? Ричардса видели с кинооператором. Вероятно, они путешествовали вместе. Потом

Ричардс послал снимок тираннозавра мистеру Бейзу, а кинооператор исчез. А Ричардс не умел фотографировать... И были еще какие-то два туземца, которых затоптал белый носорог. И растерзанный белый носорог есть на снимке... И есть еще негр Квали, который немного говорит по-английски и обещал показать следы больших зверей. Эти звери могут оказаться динозаврами. А динозаврам полагалось бы давно перейти в ископаемое состояние. Но вот русский палеонтолог пишет, что они могли сохраниться. И я тоже так думаю, но писать об этом не могу. И негр Квали... Он хочет получить карабин. Интересно, зачем ему карабин?.. А Ричардс не умел фотографировать...

В комнате было душно. За окном шумел дождь. Я ворочался с боку на бок и забылся тяжелым сном лишь под утро.

* * *

И вот мы снова в зеленом океане джунглей. Медленно движется колонна машин. Едем по узким тропам, проложенным в непроходимой, перевитой лианами чаще; иногда напрямик, прорубаясь сквозь заросли. Каждое утро я со страхом жду, что Квали скажет:

— Машина дорѳга больше нет.

Это будет означать, что надо переложить снаряжение на носильщиков и продолжать путь пешком в знойной духоте тропического леса. Но Квали молчит. Каждое утро он усаживается рядом с шофером головной машины и мы едем дальше. Как он отыскивает путь в бесконечном зеленом лабиринте? Он ведет экспедицию на северо-запад. Я давно потерял представление, где мы находимся. Карт нет. По-видимому, мы огибаем Большие болота с севера. Уже несколько дней не попадаетея никаких признаков жилья. Только узкие, еле заметные тропы. Кто их проложил, люди или животные, я не знаю.

Иногда мы переваливаем гряды невысоких холмов, в зарослях тростника переправляемся через ручьи в небольшие речки. Машины вязнут, их приходится вытаскивать и чуть ли не на плечах выносить на сухие склоны. Зеленому океану нет конца. Видимость несколько десятков метров, а дальше — исполинские серые стволы, обвитые лианами.

Крупных животных мы не встречаем. Их отпугивает

порывистый, захлебывающийся вой перегретых моторов. Лишь время от времени беззвучно скользят по мшистому ковру стремительные и опасные, как сама смерть, змеи. Мучительно хочется выбраться из зеленого плена, увидеть небо над головой и солнечные дали саванн, увидеть знакомые созвездия; почувствовать на лице освежающие порывы ветров. Но джунгли бесконечны. Захватив караван в свою паутину, они не хотят выпустить его и тянутся день за днем.

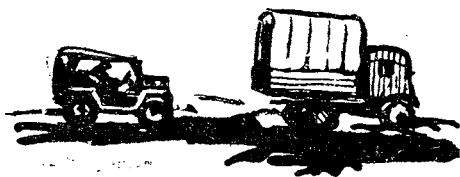
Где-то на юге течет многоводная Конго, на севере несет свои воды ее приток Убанги. Но до них много дней пути, а мы делаем за день сорок — пятьдесят километров.

Я часто думал о судьбе Мирослава Грдички. Заблудиться в этих бескрайних зарослях — значило погибнуть. Даже новейшие самолеты не могли бы помочь. Ты будешь слышать их гул над головой, но не увидишь их и они не увидят тебя. Разве что подожжешь джунгли, но тогда и сам найдешь гибель в пламени лесного пожара.

В Бумба не удалось узнать о чехе ничего нового, кроме того, что рассказал Барщак. Перси Вуфф, которому я поручил навести справки, вскоре объявил, что Грдичка вообще не появлялся в Бумба. Видимо, мой заместитель не захотел утруждать себя лишней работой. Сам я без труда выяснил, что кинооператор прожил в Бумба несколько дней в той же гостинице, в которой останавливались мы. Это было около десяти месяцев назад. Куда он отправился из Бумба, никому не было известно. Джонсон тоже ничего не знал, а может, не хотел говорить...

Старый охотник сильно изменился, помрачнел, стал молчаливым. Он хотел отказаться от участия в новой экспедиции. Уговорить его стоило большого труда. В пути он теперь всячески старался избегать разговоров и со мной и с Перси Вуффом. Я не сомневался, что между ним и Перси в мое отсутствие что-то произошло. Но что именно?..

Для меня это оставалось загадкой. Они уже не проводили вместе вечеров за бутылками виски. После ужина Джонсон торопливо исче-

зал в палатке, а Перси долго сидел один у походного стола, положив квадратный подбородок на свои огромные кулаки. Мохнатые ночные мотыльки метались вокруг фонаря, а Перси сидел неподвижно, устремив на них немигающий взгляд. Иногда мне казалось, что он прислушивается к таинственным голосам джунглей. Впрочем, как только лагерь затихал, Перси поднимался и, тяжело ступая, шел в свою палатку. Он не рисовал больше пейзажей; от его полусонного равнодушия не осталось и следа, он стал озлобленным и дерзким.

Однажды я застал его, когда он наорал на одного из рабских и уже собирался пустить в ход кулаки. Пришлось вмешаться и остановить его. Негр поспешил благо-разумно исчезнуть, а Перси бросил на меня исподлобья тяжелый взгляд, пробормотал что-то сквозь зубы и нырнул в палатку. Атмосфера явно накалялась. Я чувствовал, что каравану необходимо как можно скорее выбраться к солнцу и свету. Джунгли отравили нас своим дыханием. Если мы не вырвемся из них в ближайшие дни, мы можем сами превратиться в диких зверей. Во время очередного привала я заговорил об этом с Квали.

— Еще один день, — сказал молодой негр. — Завтра вечер будет гора, потом озеро и Большой болото. Лес кончится завтра...

К вечеру следующего дня джунгли начали редеть. Среди густой зелени крон все чаще проглядывали пятна голубого неба. Машины выбрались на сухой пологий склон. Здесь деревья росли не так густо, как внизу, и машины пошли быстрее.

Джунгли расступались, светлели, уходили в стороны. Вот всего несколько огромных деревьев осталось впереди, и за ними лежало обширное плато, поросшее густой травой и залитое неярким светом вечернего солнца.

Все вздохнули с облегчением. Даже негры, для которых джунгли были родным домом, повеселели. Я окинул взглядом караван и не мог не признаться себе, что только благодаря изумительному искусству нашего проводника и мужеству черных шоферов машины выдержали десятидневный переход. Это казалось почти чудом. Мы доставили в сохранности весь груз, даже громоздкие решетки металлических клеток и не бросили в пути ни одной машины.

По совету Квали, мы разбили лагерь на краю плато

в тени огромных раскидистых деревьев, образующих последний форпост джунглей. Рядом был источник с холодной чистой водой. Пока разгружали машины и ставили палатки, Джонсон с одним из черных воинов, которых мы наняли в качестве носильщиков, пошли посмотреть, нет ли вблизи какой-нибудь дичи. Вскоре донесся выстрел, а еще через несколько минут охотники уже тащили большую пятнистую антилопу.

Лагерь огласился восторженными криками.

Ко мне подошел повеселевший Джонсон. Глаза его блеснули.

— Рай для охотников, — сказал он. — Антилопу я подстрелил возле самого лагеря. Дальше на плато видел жирафа и стада зебр. Они даже не испугались выстрела.

— Вы не бывали в этих местах?

— Даже не подозревал о их существовании. Квали молодец. Если так пойдет дальше, вы, шеф, может быть, заполучите и вашу бестию.

— А Ричардс тут не бывал?

Джонсон отвел глаза.

— Кто его знает... Пожалуй, нет.

— Вы говорите не очень уверенно.

— Да что я — нянька Ричардсу? — вспыхнул вдруг Джонсон. — Почему я знаю, где он был, а где не был... Мы работали вместе, это правда. Но не всегда. Последний год он больше ездил один.

— А десять месяцев тому назад?..

— Я уже говорил, что не знаю, куда он тогда ездил. Не знаю!.. Ничего не знаю... — Его голос сорвался на крик.

— Почему так нервно, Джонсон?

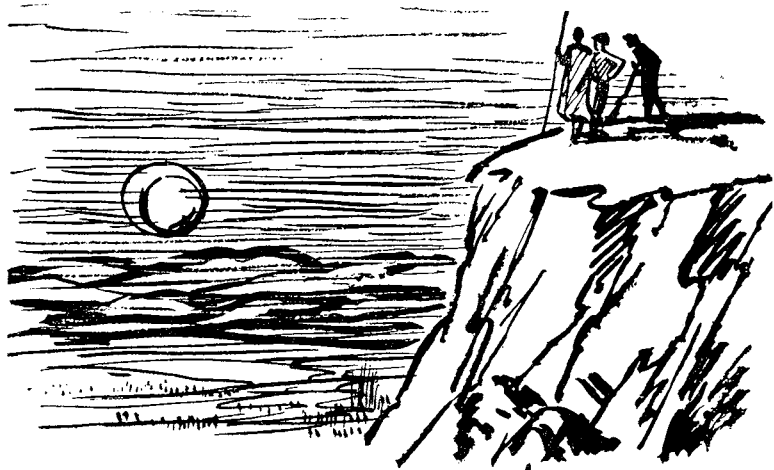
— Не люблю, когда допрашивают...

Он принялся набивать трубку. Его пальцы дрожали. Я подумал, что странное поведение старого охотника едва ли объясняется одной лишь усталостью и нервным напряжением последних дней. За всем этим что-то крылось. Но что?..

Мимо проходил Квали. Я подозвал его.

— Завтра будем отдыхать здесь, на этом плато, — сказал я ему. — Послезавтра поедем дальше. Куда Квали поведет нас теперь?

— Лагерь будет тут много дней, — ответил Квали. — Дальше дорога машина нет, Идем, покажу...

— Пойдемте посмотрим, Джек, — пригласил я старого охотника.

Джонсон вскинул за плечо свой штуцер и молча пошел следом.

Квали повел нас в сторону заходящего солнца. Неяркий оранжевый диск слепил глаза, заставляя жмуриться. Около километра мы шли по густой траве, потом ее неожиданно сменила шероховатая поверхность серого известняка. Мы сделали еще несколько шагов и очутились на краю плато.

Крутые уступы скалистого склона обрывались к обширной плоской низменности. Она тянулась к далекому, задернутому дымкой горизонту. Сначала мне показалось, что это саванны, но, приглядевшись, я понял, что внизу на многие десятки, а может быть и на сотни, километров раскинулись огромные болота.

Порыв вечернего ветра донес снизу характерный шорох тростника. В эти бескрайние, поросшие тростником пространства погружалось сейчас солнце.

— Так везде, — сказал Квали, указывая на обрывы плато. — Дорога машина нет...

Джонсон молча посасывал потухшую трубку.

— Где же священные камни? — спросил я у негра.

— Вот они. — Квали снова указал на обрывы. — Завтра спуститься, и Квали покажет.

— А куда пойдем искать следы?

— Там. — Негр указал вдоль края обрыва. — Один день пути. Большой озеро. Там...

Солнце село, и сразу же на нас надвинулась тьма. Над головой заблестели звезды.

— Надо возвращаться, — проворчал Джонсон.

— Немного ждать, — попросил Квали.

Мы присели на краю обрыва на теплых камнях. Ветер доносил снизу шорох тростников. Где-то вдалеке на плато пронзительно засмеялась гиена, и снова стало тихо.

— Немного слушать, — прошептал Квали.

Мы сидели молча, вслушивались в шорох тростников.

Наконец Квали поднялся.

— Злые духи сегодня молчать, — объявил он, и мы пошли назад, в сторону костров, ярко освещающих площадку вокруг лагеря.

* * *

На следующее утро мы поднялись с восходом солнца. Я решил, не теряя времени, осмотреть священные камни и составить план дальнейших действий. После завтрака я, Квали, Джонсон, Перси Вуфф и четверо черных воинов направились к священным камням. Негры были чем-то встревожены. Я слышал, как Квали вполголоса успокаивал и уговаривал их.

Перси захватил свой ящик с красками и насвистывал какой-то марш.

Вскоре мы очутились на краю плато. Квали огляделся и направился вдоль обрывов, на северо-запад. Мы молча следовали за ним. Солнце поднималось все выше, и жара становилась все более ощутимой. Пот заливал лицо. Я вынужден был часто останавливаться и протирать очки. Прошагав под палящими лучами тропического солнца несколько километров, мы достигли глубокой расщелины, рассекающей край плато. Квали нырнул в нее, но вскоре появился снова и знаками предложил следовать за ним. Мы спустились по расщелине к подножию обрывов. Здесь тянулись каменные осыпи, доходящие до тростниковых зарослей. Над осыпями в стене обрывов темнели входы в пещеры.

— Здесь, — сказал Квали, указывая на пещеры.

Мы подошли к одной из них. Черные воины побросали груз в тени обрывов и тревожно озирались по сторонам.

Я шагнул в глубину пещеры. Навстречу по каменистому грунту выскользнула большая серая змея и исчезла в густой траве. Стены пещеры были покрыты грубыми рисунками, сделанными красной и желтой красками.

Здесь были изображения диких животных и сцены охоты. Различная сохранность рисунков свидетельствовала, что они выполнены в разное время.

Чаще других повторялись изображения буйволов, жираф и слонов.

— Эти рисунки, по-видимому, сделаны очень давно, — решил я. — Они напоминают искусство палеолита и могли быть созданы двадцать пять — тридцать тысяч лет тому назад.

— Эти рисунки сделан недавно, — возразил Квали. — Эти рисунки сделан воины нашего племени. Вот рисунок мой отец. — Он указал на какие-то изображения в углу пещеры, которых я вначале не заметил.

Я подошел ближе. На известняковой стене красной краской были нарисованы удивительные животные, с телами слонов, хвостами крокодилов и длинными тонкими шеями с маленькими головами. Вдоль спин торчали крупные острые зубцы. Странные животные на рисунке бежали. Всего их было три: два побольше, одно — поменьше. Сомнений быть не могло. Художник изобразил на стене пещеры трех бегущих динозавров.

— Ну, каково? — спросил я Джонсона.

— Хитрое дело, — проворчал охотник, внимательно разглядывая рисунок. — Говоришь, твой отец? — обратился он к Квали. — А откуда знаешь, что это рисовал твой отец?

Квали что-то ответил на местном наречии.

Джонсон шевельнул выгоревшими на солнце бровями.

— Говорит, отец сам показал ему этот рисунок, когда его посвящали в воины, — пояснил Джонсон, кивнув на Квали.

— Как бы там ни было, — сказал я, — этот рисунок бесспорно доказывает существование динозавров в центре Африки в современную эпоху или в самом недавнем прошлом.

Я не кончил. Станный звук послышался со стороны болот. В тот же момент черные воины с воплями ринулись к нам в пещеру,

— Злые духи болот! — крикнул Квали, лицо которого приобрело сероватый оттенок.

— Тихо! — приказал я.

Наступила тишина. Мы все напряженно прислушивались, и вот снова откуда-то издали донесся тот же звук. Он напоминал одновременно шипение и свист, которые, постепенно затихая, вдруг резко сменились не то кваканьем, не то мяуканьем. Странные это были звуки. В них слышались угроза и вызов и какая-то неукротимая слепая ярость. Свист и мяуканье повторились несколько раз и вдруг резко оборвались. Мы прислушивались еще некоторое время, но над болотами воцарилась тишина. Я посмотрел на негров. Их кожа стала пепельно-серой, губы дрожали, глаза испуганно округлились. Квали выглядел взволнованным.

— Что это могло быть? — спросил я Джонсона, Старый охотник пожал плечами:

— В жизни не слышал ничего подобного.

— Это злые духи болот, — хрипло сказал Квали. — Только зачем они разговаривай утром? Квали не понимаю... Может, сердятся, зачем мы пришел...

— Видел кто-нибудь этих «злых духов»? — поинтересовался я.

— Злой дух видеть нельзя. Кто видел, — сразу умирай...

— А может быть, так кричат эти звери? — спросил я, указывая на динозавров, нарисованных на стене.

— Нет... Эти так делает, — Квали вытянул губы и зашипел.

— Как змея?

— Нет, змея тихо... Эти очень громко.

— Может, то был голос другого динозавра — хищника, — заметил я, обращаясь к Джонсону.

— Вроде вашего тираннозавра? Может, так, а может, и нет.

Я открыл полевую сумку и достал фотографию тираннозавра. Протянул ее Квали.

— Ты не слышал о таком звере?

Негр осторожно взял фотографию, стал с интересом разглядывать, потом возвратил мне:

— Квали не видел такой... Не слышал тоже.

Я попросил Вуффа перерисовать изображения животных со стены пещеры.

Мой заместитель скроил недовольную гримасу.

— А вы не уйдете отсюда?

— Ну, а если уйдем? Вы же вооружены.

— Я один тут не останусь, — объявил Перси.

— Успокойтесь. Мы никуда не денемся. Будем осматривать остальные пещеры. Могу оставить вам негров... для охраны.

Перси проворчал что-то и велел одному из носильщиков принести ящик с красками.

Мы пробыли у священных камней до вечера. Голосов «злых духов» больше не слышали. Ни единого звука не доносилось со стороны болот. Только тростник временами начинал шелестеть от порывов ветра. Джонсон устроился в тени обрывов и несколько часов следил за болотами, но он не заметил ничего подозрительного. Мы с Квали лазали по пещерам, распугивая змей, которые прятались там от дневной жары. В большинстве пещер стены были покрыты рисунками. Однако все это были изображения животных, встречающихся и поныне в Экваториальной Африке. Рисунок, сделанный отцом Квали, был единственным.

Я попытался узнать, что означают все эти рисунки, но Квали не смог объяснить. Ему не хватило слов.

— Но твой отец, Квали, видел больших зверей не здесь?

— Нет, начальник. Он видел у озера. Один день пути отсюда. Квали там не был. Завтра пойдем...

— Скажи, Квали, а за что бельгийцы убили твоего отца?

Лицо молодого негра стало мрачным и в глазах вспыхнули недобрые огоньки.

— Ты какой земля, начальник? Англичанин?

— Нет, я поляк. Есть такая страна — Польша, там далеко, — я указал на север. — Советский Союз знаешь?

Квали кивнул.

— Это рядом. Только Советский Союз — большая страна, большая, как вся Африка, а моя страна маленькая...

— Знаю, — сказал Квали, — учитель говорил. Квали учился... Один год, — пояснил он и вдруг улыбнулся. — Школа очень хорошо. Советский Союз — очень хорошо, и твой страна — хорошо. — Он глубоко вздохнул, его лицо снова стало мрачным. — Бельгийский дьявол убил мой отец. Отец заступился мой мать. Ударил бельгийский солдат. Отец расстреляли, пятнадцать другой воин Нгоа тоже... За что?..

Что я мог ответить? Я протянул ему руку, и он крепко пожал ее.

— Квали твой друг, — сказал он. — Ты хороший человек. Квали тебе помогай, начальник. — Он взял меня за большой палец правой руки и сильно потянул, а потом протянул мне свой большой палец, и я тоже подержал за него.

Мы заключили дружественный союз.

Вечером с помощью Джонсона удалось узнать у Квали, что означают рисунки в пещерах. На плато раньше происходили обряды посвящения в воинов. Бросали жребий, и каждый молодой охотник должен был убить стрелой того зверя, который выпал ему на долю. Если это удавалось, охотник рисовал на стене пещеры изображение убитого животного и становился воином. Если от восхода до заката охотник не мог подстрелить свое животное, обряд посвящения откладывался на год. Мясо убитых животных не употреблялось в пищу. Пока

охотник рисовал убитого зверя, старшие воины уносили тела животных на берег озера и оставляли там как жертву злым духам Больших болот. Раньше на этом плато обряды посвящения были особенно торжественными и происходили раз в пять лет. Потом, когда бельгийцы захватили места для охоты и запретили неграм охотиться на крупную дичь, плато стало своеобразным заповедником, куда не смогли проникнуть европейцы, и обряды посвящения происходили здесь каждый год. Квали тоже прошел здесь посвящение. Он убил льва и нарисовал его на стене пещеры возле больших зверей, изображенных отцом. Год посвящения Квали был последним годом свершения обряда на плато. Потом бельгийцы запретили неграм удаляться за пределы территорий, расположенных вблизи селений. А вскоре в деревушке, где жил Квали, разыгралась трагедия: большинство мужчин были расстреляны бельгийскими солдатами. Квали тоже хотели расстрелять. Но он отбилсЯ и бежал. Его шрам — память тех дней...

Мы сидели у костра. Над нами было черное небо и неправдоподобно яркие звезды. Легкий ветерок доносил из джунглей пряные ароматы каких-то цветов. Вдали пронзительным смехом заливались гиены.

— Смейтесь, смейтесь, — проворчал Перси Вуфф, прислушиваясь. — Смеется тот, кто смеется последним...

Когда восток начал светлеть, мы с Джонсоном взяли карабины и пошли к краю плато. Вскоре позади послышались чьи-то шаги. Нас догнал Квали с длинным копьём в руках. Я отдал ему нести свой карабин. Он схватил его жадно и бережно, погладил вороненый металл и осторожно забросил за плечо. Мы остановились на краю обрыва. Было тихо. Внизу шелестели тростники.

Я вслушивался в дыхание спящих болот и думал о том, что неведомое всегда заманчиво, что природа полна загадок и что величайшее счастье дано тем, кто, очутившись на пороге загадки, не задумается сделать следующий шаг.

* * *

Путь к озеру занял целый день. Мы вышли на рассвете. Самые жаркие часы переждали в тени обрывов, а когда зной начал спадать, снова двинулись вдоль края плато на запад. По обнаженным плитам известняка идти

было легко. Стада полосатых зебр пробегали недалеко среди густой высокой травы и, казалось, не обращали на караван никакого внимания.

Я вначале недоумевал, почему Квали предпочел пеший маршрут. Но, когда мы начали пересекать глубокие ущелья, уходящие от края обрывов далеко в глубь плато, убедился, что машины здесь действительно не прошли бы. Наконец обрывы повернули к северу.

Внизу простиралась холмистая саванна, поросшая группами высоких деревьев. Холмы доходили до самого края болот. Между крайними холмами блестело большое озеро. С севера в него впадала река, вытекающая из глубокой расщелины в обрыве плато.

— Там, — сказал Квали, указывая на озеро.

До озера оставалось еще около трех километров. Мы остановились передохнуть.

— Будем спускаться? — спросил я у Квали.

— Нет. Лагерь надо ставить на гора у реки.

— А почему не у озера?

— Нельзя. Плохо будет...

— Боишься «злых духов»?

— Нельзя, — настойчиво повторил Квали. — Моя знает...

Пришлось согласиться. Мы повернули к северу вдоль края обрывов. Носильщики, которые раньше растянулись длинной цепью, теперь сбились в кучу. На ходу они перебрасывались тревожными восклицаниями и с опаской поглядывали вниз на озеро.

Я догнал Джонсона.

— Как вы думаете, Джек, это те же болота, по окраине которых мы с вами лазали до наступления периода дождей?

— Кто их знает. Может, и те... — Джонсон помолчал, потом спросил что-то у Квали.

Негр долго объяснял, указывая на юг, на восток и рисуя пальцем круги в воздухе.

— Выходит, не совсем те, — сказал Джонсон, когда Квали замолчал, — хотя вот он уверяет, что они соединяются где-то на юге. Только дороги туда нет.

— Мы взяли теодолит. Завтра определим координаты озера и точно узнаем, где находимся, — пообещал я.

— А что толку? — заметил Джонсон. — Карты все равно нет.

— Нарисуем на глаз. А в следующий раз захватим с собой топографа.

— Вы думаете, сюда придется приезжать еще раз?

— Без сомнения, и не один.

Джонсон вздохнул. Я понял, что, несмотря на красоту окружающей местности и обилие дичи, такая перспектива ему не улыбалась.

Место для лагеря выбрали на высокой террасе вблизи водопада. Река вырывалась здесь из узкого ущелья и падала шумными пенистыми каскадами. Ниже водопада реки растекались широкими протоками. Между протоками виднелась масса мелких островов, заросших травой и кустарником. В полутора — двух километрах ниже по течению поблескивала спокойная гладь озера. По его берегам тянулись густые заросли тростника, но в дельте реки тростника было меньше, а местами желтели косы и пятна песчаных пляжей. Значит, берегом реки было легче всего добраться до озера.

Холмистая саванна по берегам озера казалась пустынной. Это нас удивило. Ведь невдалеке на плато мы только что видели стада зебр и антилоп. Пустыня была и зеркальная поверхность озера.

Пока разбивали лагерь, солнце село — и почти сразу стало темно. Мы поужинали мясом антилопы и улеглись спать. По совету Джонсона, была поставлена охрана. Черные воины должны были сменяться через два часа и всю ночь жечь большой костер.

Ночь прошла спокойно. Утром Квали рассказал, что караульные слышали голоса разных животных, но «злые духи» молчали. Впрочем, звуки с болот едва ли могли достигать лагеря. Кроме того, их заглушил бы немолкнущий гул близкого водопада.

С первыми лучами солнца мы двинулись к озеру. Настроение царило торжественное. Все было немного взволновано: ведь мы находились у цели нашего путешествия. В лагере я оставил только троих негров, остальных взяли с собой, в расчете на то, что придется «прочесывать» кустарник на островах и заросли тростника.

Черные воины были настроены уже не так панически, как вчера. Они шли охотно; некоторые улыбались и шутили. Каждый из них был вооружен длинным копьем с широким стальным лезвием и большим ножом, похожим на короткий меч. У многих были луки и колчаны со

стрелами. Некоторые воины шли почти голыми; на других были надеты белые плащи, такие же, как у Квали. Джонсон, Перси и я были вооружены десятизарядными карабинами и крупнокалиберными автоматическими пистолетами. Джонсон захватил и свой старый штуцер, которому доверял больше, чем любому новейшему оружию.

Мы спустились к берегу реки. Здесь на песчаной отмели увидели множество следов антилоп и буйволов, которые ночью приходили на водопой. Квали нашел след небольшого носорога.

Я велел разыскать брод, но черные воины, едва ступив в воду, тотчас же с воплями выскочили на берег. Река кишела крокодилами. Одного из них, который в пылу преследования выполз на песок, воины мгновенно закололи своими длинными копьями.

Джонсон указал мне на темные колоды, неподвижно лежащие на противоположном берегу реки.

— Что это? — не понял я.

— Тоже крокодилы, господин профессор, — не без ехидства ответил охотник. Он поднял свой штуцер, прицелился и выстрелил.

Одна из колод подскочила и закрутилась на месте, свиваясь в спираль и снова распрямляясь, остальные поспешно сползли к реке и исчезли в воде. Движения раненого крокодила становились все медленнее, и, наконец, он затих.

Черные воины разразились громкими торжествующими криками, а потом отплясали вокруг Джонсона стремительный танец, — подпрыгивая на согнутых ногах и ударяя в землю древками своих копий.

— Превосходный выстрел, — похвалил я. — Интересно, куда вы целились?

— Туда же, куда и попал. В глаз.

Это было почти невероятным: попасть в глаз крокодилу с расстояния добрых ста пятидесяти метров.

Я с уважением пожал руку старого охотника:

— Знал, что вы прекрасный стрелок. Но этот выстрел феноменален. Никакой тираннозавр нам уже не страшен.

— Пустяки, — сказал польщенный Джонсон.

Один Перси Вуфф был недоволен.

— Незачем было стрелять, — проворчал он. — Этак распугаете более крупную дичь.

— Более крупная дичь не испугается, — спокойно воз-

разил Джонсон. — Она еще не знает, что такое выстрел. А сегодня надо шуметь, чтобы узнать, кого скрывают прибрежные заросли. Не за куропатками приехали...

Перси пробормотал что-то сквозь зубы. Последнее время он все чаще огрызался вполголоса, шепча непонятные слова. Его былая дружба с Джонсоном окончательно разладилась.

Мы целый день лазали по прибрежным зарослям. Много раз переходили вброд мелкие протоки, «прочесали» тростники на берегу озера, но не встретили никого, кроме крокодилов и змей. На илистых берегах не попадалось следов крупных животных. Зеркальная гладь озера была спокойна. Мы возвратились в лагерь немного обескураженные.

Прошло еще несколько дней. Поиски продолжали оставаться безуспешными. Вокруг озера не было заметно ничего подозрительного, а болота были слишком далеки. Дичи на плато встречалось великое множество, но не она интересовала нас.

Посоветовавшись, мы решили разделить и продолжать поиски тремя группами, чтобы охватить большую площадь. Я взял себе в помощники Квали и еще двух черных воинов — Н'Кора и Мулу. Это были стройные, веселые парни с приплюснутыми носами и толстыми губами, очень похожие друг на друга. Оба были украшены хитроумной татуировкой, напоминавшей рисунки художников-абстракционистов. Впрочем, Н'Кора носил короткие клетчатые штаны и имел ожерелье из костей и зубов леопарда. У Мулу ни штанов, ни ожерелья не было. Все его одеяние составляла набедренная повязка.

Пока Джонсон и Перси Вуфф со своими помощниками работали к западу от реки, мы вчетвером исколесили большой кусок саванн и берега озера на юго-восток от нашего лагеря. Во время походов мы напряженно прислушивались, надеясь, что снова зазвучат странные голоса «злых духов». Теперь мы страстно желали услышать их. Но все было напрасно. Тростники молчали. Тишина царила над озером. По ночам ее нарушал лишь насмешливый хохот гиен.

Я уже несколько раз предлагал возвратиться к главному лагерю и начать поиски в болотах там, где мы впервые услышали голоса «злых духов», но Квали утверждал,

что только здесь, у озера, мы можем рассчитывать на успех.

— Ждать, начальник, надо ждать, — твердил он.

И мы продолжали свои походы в окрестностях озера и ждали.

Наступило очередное воскресенье, и Перси Вуфф и Джонсон объявили, что они остаются в лагере. Все были утомлены непрерывными маршрутами и невыносимой жарой. День отдыха был необходим. Сначала я тоже хотел провести этот воскресный день в лагере, но после завтрака решил сделать небольшой маршрут по долине реки выше водопада, чтобы посмотреть геологический разрез плато. Квали охотно согласился сопровождать меня. Помимо карабина и пистолета я вооружился геологическим молотком, Квали повесил за спину рюкзак, и мы тронулись в путь.

В глубоком ущелье возле шумной стремительной реки не было той изнуряющей жары, от которой мы страдали во время походов к озеру. Местами можно было идти в тени отвесных скал.

Я осматривал обнажения, кратко описывал их. Квали отбивал образцы. Мы быстро продвигались вперед и к полудню отошли километров за десять от лагеря. Здесь мы устроили привал под навесом известняковой скалы. Квали достал из рюкзака завтрак. Мы ели мясо жареных уток, которых настрелял Джонсон у озера, и запивали его холодной водой из источника. Потом я прилег в тени, подложив под голову рюкзак. Незаметно я задремал.

Разбудил меня Квали.

— Смотри, начальник, — сказал он, протягивая какой-то блестящий предмет, — Квали нашел это в камнях.

Он держал в руках изуродованные остатки кинокамеры.

Камера была расплющена, словно ее били тяжелым камнем. Стекол в объективе не осталось. Кассеты не было. Только обрывок пленки торчал между изогнутыми передающими барабанами. Сбоку сохранилась фабричная марка «Вильд. 1957 год» и номер.

— Где ты ее взял?

— Пойдем, Квали покажет.

Невдалеке от места, где лежала камера, я нашел среди камней несколько кусочков стекла — осколки объектива.

Квали, сообразив, что его находка заинтересовала меня, продолжал поиски. Вскоре я услышал призывный крик. Квали сидел на уступе склона, метрах в десяти выше меня, под самым обрывом. Над ним громоздилась вверх почти вертикальная стена ущелья. Он что-то показывал издали. Я поднялся к нему, и он протянул мне расплющенное кольцо объектива.

— Здесь лежало, — пояснил, указывая пальцем, где поднял кольцо.

Я огляделся и... понял.

— Аппарат брошен оттуда, — сказал я, — с обрыва на противоположном берегу реки. Он пролетел над рекой, ударился здесь, разбился; кольцо осталось, а аппарат отскочил к тем камням, где ты нашел его.

Квали закивал головой, соглашаясь, что так могло быть.

Мы продолжили поиски в ущелье, но больше ничего не обнаружили.

— Полезем наверх, — предложил я.

Мы перешли по камням реку и начали карабкаться на крутой склон. Через несколько минут уже стояли на краю ущелья, над тем местом, где Квали нашел кинокамеру. Здесь была небольшая зеленая лужайка, окруженная причудливыми красноватыми скалами. Между скалами рос колючий кустарник с большими желтыми цветами. Из-под кустов вытекал родник.

«Отличное место для лагеря», — подумал я.

— Смотри, начальник, — сказал Квали.

Он поднял большой камень, размахнулся и швырнул в ущелье. Камень пролетел над рекой, ударился о карниз, на котором было найдено кольцо объектива, разбился, и осколки скатились к тому месту, где лежала кинокамера.

— Все правильно. Хорошо, — похвалил я.

— Хорошо, — согласился Квали.

Первая часть задачи была решена.

На краю лужайки мы нашли остатки костра.

— Когда его жгли? — спросил я у своего спутника.

Квали задумался. Он раздвинул молодую траву, уже выросшую на пепелище, растирал в пальцах перемешанную с пеплом красноватую почву. Нашел несколько угольков, попробовал их зачем-то на зуб.

— Луна пять — шесть раз успел родиться, — сказал он наконец.

— А может, поменьше, — усомнился я.

— Нет...

Эта дата тоже совпадала. Теперь надо было убедиться, что несчастный Грдичка действительно был здесь с другим белым.

— Квали храбрый воин и ловкий охотник, — сказал я. — А вот может ли Квали сказать, сколько человек жгли этот костер?

Молодой негр нахмурился и покачал головой, потом опустился на колени и снова принялся исследовать пепелище. Я тщательно обыскал поляну, но не заметил ничего примечательного. После того как на этой лужайке побывали люди, прошли тропические дожди. Они смыли все следы.

Квали продолжал ползать по лужайке, осторожно раздвигая траву и вглядываясь в красноватую почву. Я присел на камень и ждал. Наконец негр поднялся и подошел ко мне.

— Квали думай так, — начал он. — Люди был тут два раза. Квали нашел другой костер. Один раз был два белый и негры. Другой раз — два белый. Один белый курил трубка, другой папироса, вот. — Квали протянул мне бумажный мундштук, на котором еще можно было разглядеть рисунок чешского льва и надпись «Брно». — Один белый носил ботинка с желтый гвоздь. — Квали протянул медную шляпку гвоздя; такими гвоздями многие африканские охотники подбивают подошвы своих сапог. — Один белый, — продолжал Квали, — имел большой карабин, вот! — И Квали показал мне пулю чуть не восьмого калибра.

Все это походило на чудо.

— А как ты узнал, что тут были и белые и негры? — с сомнением спросил я.

— Кости, — пояснил Квали. — Белый человек не грызет кости; негр грызет. Один костер — кушал белый и негр... Другой костер — кушал белый. Негр не кушал.

— Ясно, — сказал я. — А какой костер был раньше?

— Тот, где кушал негр и белый, — без колебаний ответил Квали.

— А куда же делись негры?

— Квали не знает, начальник.

— Мне кажется, — медленно произнес я, смотря в глаза своему спутнику, — что один белый тут убит... Тот,

у кого был аппарат, который ты нашел в ущелье. Надо это проверить.

— Как проверить? — не понял Квали.

— Найти его тело или скелет.

— Как найдешь? — возразил негр. — Гиена, начальник. Очень много гиена. Все таскал, ничего не оставлял.

— А все-таки попробуем. Квали очень ловкий следопыт.

Негр гордо выпрямился.

Мы продолжили поиски в ближайших окрестностях поляны. Однако на этот раз даже искусство Квали оказалось бессильным. Больше мы не нашли ничего.

Солнце уже склонялось к западу. Пора было возвращаться.

Остатки кинокамеры, осколки стекла, окурок и пулю мы упаковали в бумагу, и Квали спрятал их в рюкзак, где лежали образцы горных пород.

На пути в лагерь я уже мысленно нарисовал картину преступления. Двое белых и двое негров отправляются в джунгли. Они достигают заповедного плато. Один снимает на кинолентку диких животных, другой охраняет его в опасных маршрутах. Лагерь они устраивают на живописной поляне над ущельем. Все четверо уходят в далекий маршрут к озеру. Белый носорог, потревоженный тираннозавром, атакует маленький отряд. Оба негра падают его жертвами. Носорог смертельно ранен охотником, но приблизиться к нему охотник и кинооператор не успевают. Над издыхающим носорогом вырастает чудовищная громада тираннозавра. Жужжит кинокамера. Оператор успевает отснять несколько кадров. Но охотник не решается стрелять. Он не уверен, что сможет остановить гигантского хищника. Пока тираннозавр терзает убитого носорога, оператор и охотник отступают с поля сражения. Они возвращаются в свой лагерь над ущельем. Но их уже только двое. Они стали обладателями сенсации, которая может принести славу и деньги. Но, собственно, хозяином положения является кинооператор. Он успел сфотографировать чудовище. Утром возникает спор, который разрешается выстрелом из ружья восьмого калибра. Оператор падает мертвым. Охотник вырывает кассету с пленкой из аппарата. Кинокамера летит в ущелье. Теперь он один — обладатель сенсации. Он закапывает тело невдалеке от лагеря и пускается в об-

ратный путь. Через несколько недель, проявив киноплёнку, он отправляет фотографию своему патрону — мистеру Лесли Бейзу...

Как будто все получалось складно. Неясно лишь было, куда девалась киноплёнка и какую роль в этой истории играл Джек Джонсон.

— Квали, — обратился я к негру. — Я хочу сохранить в тайне наше сегодняшнее открытие. Никто, понимаешь, никто не должен пока знать, что мы нашли лагерь, сломанный аппарат, папиросу и пулю. Ты понял меня?

— Квали понял, начальник. Квали будет немой, как карабин, когда вынул затвор.

Мы заключили союз молчания.

* * *

Когда мы подошли к лагерю, я сразу почувствовал: в наше отсутствие что-то произошло. Черные охотники молча стояли вокруг неподвижного белого предмета, лежащего на земле. Никто даже не оглянулся на нас с Квали.

Джонсон и Перси Вуфф сидели возле палатки. Оба были очень мрачны.

— Жалко, что вас не было, шеф, — сказал вместо приветствия Джонсон. — Вы много потеряли...

— Что случилось?

— Ничего особенного!.. Нас навестил «злой дух». И, надо отдать ему должное, он-таки застал нас врасплох. Двое негров уже в раю, а третий будет там до захода солнца.

— Объясните толком, что произошло.

— Пускай он рассказывает, — кивнул Джонсон в сторону Перси Вуффа. — Он присутствовал на всем спектакле, а я успел только к концу.

Я взглянул на Перси.

— Я решил выкупаться, — начал Перси, избегая глядеть мне в глаза, — и велел неграм распугать крокодилов. Негры подняли на берегу дьявольский шум, а потом полезли в воду и стали огораживать плетнем место для купанья. Я в это время стоял на террасе в нескольких десятках метров от берега и смотрел в сторону озера. Вдруг я заметил на реке что-то черное. Оно быстро плыло вверх по течению и было похоже на небольшую подводную

лодку. Когда оно подплыло ближе, я подумал, что это исполинский крокодил. Пасть у него была метра три длиной, а зубы вот такие... — Перси показал рукой, какой длины были зубы.

— Надо было предупредить негров об опасности, а не рассматривать зубы, — резко бросил Джонсон.

— А зубы вот такие, — повторил Перси, не обращая внимания на слова Джонсона. — Когда негры его заметили, они кинулись врассыпную, но было поздно. Эта тварь выбралась на мелкое место, поднялась на задние лапы и одним прыжком махнула на берег.

Я сообразил, что это та самая бестия, которая изображена на фотографии Ричардса. Клянусь вам, это само исчадие преисподней. Оно скачет, как кузнечик, несмотря на свою колоссальную тушу. Вмиг оно настигло одного из негров, разорвало его на куски и пожрало на моих глазах. — Голос Перси дрогнул. — Клянусь, все это продолжалось несколько секунд. Потом оно прыгнуло к следующему негру, который, удирая, напоролся на корень дерева и наверно повредил ногу. Слышали бы вы, как он заорал. Я принялся стрелять в чудовище из моего пистолета, но клянусь...

— Врет он, — прервал Джонсон, — он начал стрелять немного позже, когда тираннозавра не было и в помине.

— Я принялся стрелять из моего пистолета, — упрямо повторил Перси, даже не взглянув на охотника, — но пули были для него как горох. Какой-то негр, кажется Мулу, бросился вперед и ударил бестию копьем. Копье сломалось, как спичка, а чудовище отшвырнуло негра ударом хвоста, схватило свою жертву и прыгнуло в реку. В это время прибежал Джонсон...

— Я всадил в уплывающего дьявола на меньше десяти пуль, — хрипло сказал охотник. — Одна из пуль пришлась ему сильно не по вкусу, потому что он нырнул. Мы уже решили, что ему капут. Но бестия вынырнула далеко впереди и на третьей скорости ушла в озеро, так и не выпустив негра, который был перекушен почти пополам.

— Что с Мулу? — спросил я.

— Безднадежен. Поломаны все кости и пробита голова. Счастье, что без сознания...

Черные воины, столпившиеся вокруг умирающего, завыли: сначала тихо, потом все громче и громче.

Я поспешно вышел из палатки.
Ко мне подошел Квали.
— Мулу кончай, — тихо сказал он.
По его черной, изуродованной шрамом щеке скатилась слеза:

* * *

Обряд погребения состоялся на рассвете, и затем мы сразу же приступили к постройке большого плота. Раненый тираннозавр пересек озеро и исчез в камышах на противоположном берегу. Мы решили плыть за ним на большом тяжелом плоту. Мы рассчитывали, что если ящер не издохнет от ран, то, во всяком случае, за сутки он сильно ослабеет и мы сумеем добить его. Нечего было и думать захватить такое чудовище живьем. Для начала я хотел добыть шкуру, череп и часть костей. Меня особенно интересовало устройство задних конечностей, при помощи которых такой исполин мог прыгать, как кенгуру.

Плыть за ящером должны были Джонсон, я, Квали и еще девять черных воинов. Перси Вуффа с остальными носильщиками я решил отправить в главный лагерь за дополнительным снаряжением. Мой заместитель не возражал против такого поручения.

К рассвету следующего дня плот был готов. Шесть длинных стволов, в два обхвата каждый, были прочно связаны нейлоновыми канатами. Такому тяжелому кораблю был не очень страшен даже тираннозавр. Три пары весел и косой парус на длинной мачте позволяли создать необходимую скорость. На плот мы водрузили еще один плот поменьше, сделанный из стволов бамбука.

Бамбуковый плот мог понадобиться при плавании по узким извилистым протокам, на противоположной стороне озера. Груз состоял из оружия, канатов, крепких нейлоновых сетей и двух ящиков продовольствия. Впрочем, ночевать на противоположном берегу озера мы не собирались.

Теперь надо было отобрать черных воинов. Это оказалось нелегким делом. Негры были так напуганы тираннозавром, что вначале наотрез отказались плыть с нами. Ни мои уговоры и обещания, ни угрозы Перси Вуффа, ни авторитет Джонсона не могли заставить их сдвинуть-

ся с места. Панический страх перед чудовищем парализовал даже яростное желание отомстить за смерть товарищей. Охотники, стиснув зубы, молчаливо трясли головами. Ни один из них не хотел ступить на сплетенные канатами бревна плота.

Положение спас Квали. Когда я уже готов был отказаться от преследования раненого тираннозавра, молодой негр вышел вдруг вперед, властным движением поднял руку и заговорил. Вначале я подумал, что он выступает от имени черных воинов и требует отменить охоту на чудовище. Я взглянул на Джонсона. Однако старый охотник внимательно слушал Квали и время от времени одобрительно кивал лысой головой.

— Молодец, правильно говорит, — шепнул он мне, когда Квали остановился, чтобы перевести дыхание.

Теперь мнения разделились. Черные охотники заспорили между собой. Одни указывали копьями на озеро, другие качали головами, били себя в грудь, втыкали наконечники копий в землю. Квали снова заговорил, но не успел он кончить, как спор разгорелся с новой силой.

Я чувствовал, что решается судьба похода, но боялся вмешиваться, опасаясь испортить дело. Когда шум и гам достигли предела, Квали подошел ко мне и спросил, сколько черных воинов я хотел бы взять с собой.

Я сказал.

— Пожалуйста, выбирай, — объявил Квали, делая широкий жест жилистой черной рукой. — Теперь они каждый хочет плыть...

— Как же ты добился этого? — изумленно спросил я.

— Объяснил великий закон охотников джунглей, — гордо выпрямившись, ответил молодой негр. — Сказал, что большой прыгающий крокодил — хуже бельгийский чиновник... Обещал, что каждый, кто вернется живой, получит от тебя десять долларов, стальной нож и клетчатый штаны. Штаны ты можешь не дать, если не захочешь, а вот нож и десять долларов, пожалуйста, дай обязательно.

Я поспешил согласиться. Спустя несколько минут десять мускулистых черных фигур уже стояли на бревнах плота, опираясь на длинные копья.

С восходом солнца наш «корабль» отчалил. Течение медленно сдвинуло с места тяжелый плот, гребцы налегали на весла, и мы поплыли.

Через час плот благополучно vyplыл на широкую гладь озера. Оно оказалось глубоким. Даже вблизи берега длинный шест не доставал дна. Поверхность озера была спокойна и совершенно пустынна. Лишь вдалеке у западного берега на воде пестрел розовый рой — вероятно, стая фламинго.

Я глянул в бинокль на наш лагерь. Он уже опустел. Очевидно, Перси Вуфф и носильщики отправились в путь.

Солнце поднималось все выше и начало припекать. Мы натянули тент и улеглись под ним, продолжая оглядывать в бинокль поверхность озера и темную кромку берега, к которой постепенно приближались. Глубина продолжала оставаться значительной. Дно не просвечивало в темной воде, и нигде мы не смогли достать его.

Джонсон проверил штуцер и загнал в стволы патроны с разрывными пулями.

— Какой калибр у вашей пушки? — поинтересовался я.

— Двенадцатый.

— Неплохо. Но сегодня не помешал бы и восьмой...

— Во всей Центральной Африке штуцером восьмого калибра пользовался только покойный Ричардс. То действительно была пушка. Правда, она иногда давала осечки. Последняя осечка стоила жизни бедняге Ричардсу.

Наконец тростники зашелестели совсем близко. Они росли сплошной стеной и были гуще и выше, чем на северном берегу. Мы поплыли вдоль зарослей. Ни один след не нарушал зеленой, тихой шелестящей чащи...

В одном месте широкий извилистый проток уходил в глубь тростников. Мы направили в него плот и тихо скользили по спокойной темной воде. Гребцы беззвучно орудовали тяжелыми веслами. Мы с Джонсоном стояли с готовыми к выстрелу карабинами. Двенадцать пар глаз напряженно вглядывались в окружающий лес тонких буровато-зеленых стеблей и узких заостренных листьев. Серебристые метелки чуть заметно покачивались над нашими головами.

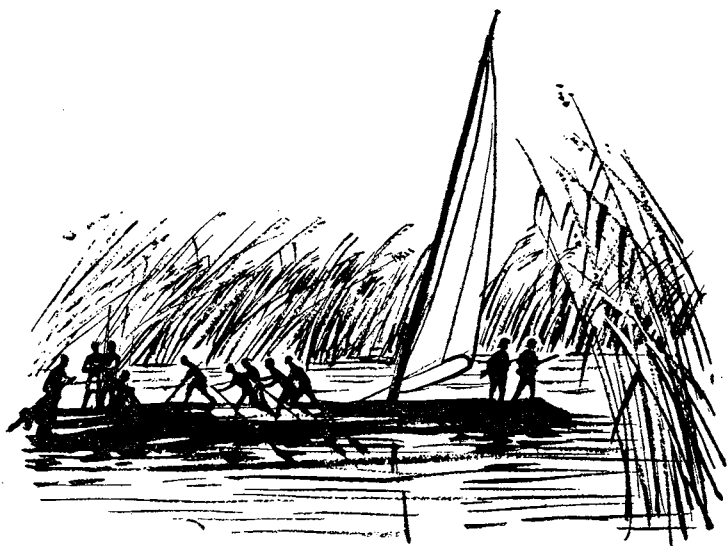
Так мы проплыли около километра. Нестерпимый жег кожу, трудно становилось дышать, перед глазами вспыхивали радужные круги. Проток то суживался, то расширялся, но по-прежнему вел вперед, и в окру-

жающих его зеленых стенах по-прежнему не было заметно ни одного вылома.

Напряжение, охватившее всех нас при вступлении в тростники, начало было ослабевать, как вдруг...

Квали, стоящий на носу плота, предостерегающе поднял руку. В тот же момент до нас донесся невообразимо омерзительный запах, перед которым аромат давно нечищенного свинарника — благовонное курение. И сразу же в тростниковых зарослях, справа от нас, что-то тяжело затрещало. Гребцы, как по команде, выхватили весла из воды и отступили к середине плато. Однако наш тяжелый корабль еще продолжал двигаться вперед. Дальше все замелькало, как в стремительном фантастическом сне.

В тростниковой стене появился широкий вылом, а в глубине его, в десятке метров от берега, тяжело поднялось что-то огромное, похожее на вставшего на дыбы чудовищного крокодила. Его блестящая чешуя отливала золотом и зеленью. Огромная багровая пасть широко раскрылась, обнажив два ряда зубов-кинжалов. Оттолкнувшись мощными перепончатыми лапами, чудовище прыгнуло к плоту, но промахнулось и тяжело рухнуло в заросли. Гроыхнули выстрелы. Джонсон выстрелил

только один раз. Я выпустил всю обойму туда, где трещал и ломался тростник и откуда били фонтаны воды и жидкой грязи.

Я еще не успел перезарядить карабин, как тростники раздвинулись и огромное золотисто-зеленое тело тиранозавра тяжело скользнуло в воду. Прежде чем ящер успел нырнуть, Джонсон выстрелил дважды. Плот содрогнулся — и на носу появилась огромная лапа с кривыми когтями, а затем голова чудовища.

Лопнули, как нитки, нейлоновые канаты, и наш корабль начал распадаться. Но хищник уже был тяжело ранен и его движения утратили стремительность и силу. Квали сунул в пасть чудовищу тяжелое весло. Челюсти захлопнулись, весло треснуло. Ящер замер в единоборстве с человеком, который не выпускал весла. Этого было достаточно. Джонсон снова выстрелил дважды. Голова чудовища ушла под плот. Сломанное весло осталось в руках у Квали.

— Все, — сказал Джонсон и опустил карабин.

Я не поверил и торопливо вбил новую обойму.

— Сейчас он появится снова!

— Все, — повторил Джонсон и сел на ящик. — Конец. По одной разрывной пуле в каждый глаз...

— Так вы испортили череп! — вырвалось у меня.

— Чтобы он не испортил вашего, — усмехнулся Джонсон.

Черные охотники с молчаливым восхищением уставились на Джонсона. У них даже не нашлось слов. Они только причмокивали и качали головами.

Мы подождали несколько минут; ящер не появился.

— Попробуем узнать, где он, — предложил Джонсон.

Пока часть охотников занималась починкой плота, мы с Джонсоном опустили на дно стальную кошку. Результат получился ошеломляющий. Глу-

бина протока превышала в этом месте тридцать метров. Мы так и не достали дна.

Я был в отчаянии. Убить современного тираннозавра и потерять его!..

— Может, всплывет, — пытался утешить меня Джонсон.

Но на это трудно было рассчитывать.

Плот был давно починен, а я все еще пробовал нащупать дно. Проток оказался желобом с почти отвесными краями. Даже у тростниковых зарослей глубина достигала 20 метров.

Гибель черных охотников, риск, которому мы все подвергались, все оказалось напрасным.

Ящера можно было считать потерянным... Я едва удержался, чтобы не наговорить резких и обидных слов Джонсону, хотя прекрасно понимал, что, если бы не он, мы все могли бы погибнуть.

Я только сказал вслух:

— До чего ж не повезло!.. Ведь никакого следа не осталось, кроме царапин на бревнах плота.

— Немножко остался, — возразил Квали, слышавший мои слова. — Возьми, пожалуйста...

И он протянул обломок весла, которое побывало в пасти ящера. В мокрой древесине торчал острый конический зуб, длиной около десяти сантиметров. Пришлось удовлетвориться им.

Гребцы заняли свои места, и мы двинулись в обратный путь. Когда плот проходил мимо вылома в тростниковых зарослях, в нос снова ударило чудовищное злобование.

— А ведь здесь было его логовище, — заметил Джонсон. — Надо бы заглянуть туда.

Зажимая носы, мы причалили к зарослям. Джонсон первым прыгнул на болотистый берег, усталый стеблями примятого тростника.

— Ну и вонища, — пробормотал старый охотник, закрывая нос и рот платком.

Квали шагнул следом за ним. Я уже собирался последовать их примеру, как вдруг в тростниковых зарослях послышался треск.

— Стоп! — крикнул Джонсон, поднимая штуцер.

«Еще один тираннозавр», — мелькнуло у меня в голове.

Но охотник уже опустил свое оружие.

— Скорее сети! — крикнул он. — Здесь детеныш. Попробуем взять его живьем.

По моему знаку черные воины подхватили лежащие на плоту сети и связки нейлоновых шнуров и устремились в заросли. Я последовал за ними.

Детеныш оказался почти трехметровой бестией, покрытой золотисто-коричневой чешуей. При виде окружающих его охотников он поднялся на задние лапы и приготовился прыгнуть на нас. Но в воздухе свистнули гибкие нейлоновые лассо — и схваченный петлями молодой ящер был опрокинут на спину. Впрочем, он ухитрился разорвать часть шнуров, но тут пошли в ход сети, и мы поняли, что побеждаем. Ящер, видимо, тоже понял это. Он широко раскрыл пасть и издал тоскливый призыв, который начался свистом, а затем перешел в кваканье.

Черные охотники завывали от восторга.

— Что они так кричат? — спросил я у Квали.

— Они теперь понимают, кто был голос злой дух.

Однако наша радость оказалась преждевременной. Откуда-то издалека, из глубины зарослей послышался ответный призыв, несравнимо более мощный — шипение и свист, сменившиеся яростным мяуканьем.

— Еще один взрослый ящер! — крикнул Джонсон. — Быстрее!.. Пока он еще далеко.

Негры удвоили усилия и через несколько минут опутанного сетями и канатами молодого тираннозавра уже поволокли к берегу.

Снова слышались шипение и кваканье. Теперь ближе. Но детеныш не мог ответить. Его пасть была прочно закручена нейлоновым шнуром.

Еще несколько усилий — и молодой ящер был привязан к бамбуковому плоту, который мы спустили на воду и взяли на буксир.

— Полный вперед! — скомандовал Джонсон.

Гребцы яростно заработали веслами, и через несколько минут зловонное логово осталось позади.

Мы с Джонсоном стояли на корме, держа карабины наготове. Однако третий тираннозавр так и не появился. Мы еще раз услышали его голос, но теперь он звучал дальше.

Взрослый ящер удалялся в противоположную сто-

рону. Мы вздохнули с облегчением и взглянули друг на друга. В разорванной одежде, перемазанные вонючей грязью, исцарапанные тростником, мы сами были похожи на ископаемых чудовищ.

Но мы победили. И от этой мысли нам сделалось легко и весело.

Плоты уже выплывали на озеро. Мы положили карабины и крепко пожали друг другу руки. А в нескольких метрах от нас на бамбуковом плоту распласталось золотисто-коричневое тело молодого тираннозавра... Нашего тираннозавра.

Черные воины дружно взмахивали тяжелыми веслами и громко пели о нашей победе: все об одном, и каждый по-своему. А тростниковая чаща со своими обитателями все удалялась и удалялась и наконец превратилась в темную полосу на далеком горизонте.

Оранжевый шар солнца уже готовился нырнуть в туман, окутавший болота, когда наши плоты причалили к берегу невдалеке от лагеря. Мы все валились с ног от усталости, но об отдыхе нечего было еще и думать. Надо было устроить надежное помещение для нашего пленника. Решетки металлических клеток находились в главном лагере. Часть их носильщики должны были доставить завтра к вечеру. Я боялся, что решеток не хватит, и решил вызвать главный лагерь по радио. К моему удивлению, радиопередатчика на месте не оказалось. Караульные объяснили, что «говорящий ящик» забрал с собой большой белый Ух, как они называли моего заместителя.

Выходка Перси разозлила меня. Зачем ему понадобилось в пути радио? Из-за его каприза мы оказались лишены связи. Заместитель, навязанный мне мистером Лесли Бейзом, причинял одни лишь хлопоты. Я твердо решил избавиться от него при первой же okazji и подробно написать «королю американских зверинцев» о мотивах своего решения.

Но пока надо было разместить где-то молодого тираннозавра. Невдалеке от водопада находилась глубокая узкая расщелина в скале. Стены ее были совершенно отвесны и настолько высоки, что ящер не смог бы выпрыгнуть оттуда. Большой плот разобрали на бревна и построили на них надежную решетку, прочно замкнувшую выход из расщелины. Получилось подобие трехугольного колодца, две стены которого были скальные, а третья представляла собой решетчатый частокол из толстых бревен.

Бамбуковый плот с привязанным к нему ящером опустили на канатах в расщелину. Плот повис почти вертикально вдоль скалистой стены. Тогда мы освободили ящера от части сетей и веревок. Последние пути он разорвал сам и соскользнул с плота на дно расщелины. В то же мгновение мы вытащили плот наверх. Наш пленник очутился в своей импровизированной клетке.

Мы думали, что он начнет кидаться на стены и попытается сломать решетку из бревен, но он улегся на влажном песке в углу расщелины и лишь время от времени разевал метровую пасть и шелкал зубами. Глаза его светились в темноте зеленовато-фиолетовым светом. Мы

решили, что он голоден, и бросили ему большие куски мяса антилопы. Он не шевельнулся.

— Утомлен путешествием, — устало пошутил Джонсон, и мы поплелись к своим палаткам.

Когда я проснулся, солнце было уже высоко. Первая мысль была о ящере. Не сбежал ли из клетки, не издох ли?..

— Все в порядке, — успокоил меня Джонсон. — Сожрал мясо и ждет еще. Уже пробовал прочность решетки. Пришлось снаружи навалить камней.

Позавтракав, я направился к нашему пленнику.

«Детеныш» уже не выглядел так миролюбиво, как ночью.

Увидев меня, он поднялся на задние лапы и, широко раскрыв зубастую пасть, яростно зашипел. Ростом он был гораздо крупнее взрослого кенгуру.

Прыгая на задних ногах, он прижимал к груди короткие передние лапы, вооруженные длинными кривыми когтями. Голова его напоминала крокодила, но была уже и ее украшал костяной гребень с острыми шипами. Длина челюстей достигала метра. Массивная длинная шея постепенно переходила в расширяющийся книзу корпус. Между длинными пальцами задних лап виднелись толстые перепонки. Широкий плоский хвост служил опорой туловищу, когда пресмыкающееся поднималось на задние лапы. Это была великолепная миниатюра того чудовища, которое мы убили вчера.

Я принес с собой киноаппарат и заснял несколько десятков метров пленки. Ящер словно понимал, что надо позировать. Он прохаживался на задних лапах, легко прыгал по дну расщелины, разевал огромную пасть, как будто желая показать свои страшные зубы.

Черные охотники приволокли небольшого крокодила, которого они только что убили на берегу. Крокодила бросили в расщелину. Тираннозавр одним прыжком очутился возле него, наступил задней лапой ему на хвост и легко разорвал крокодила на куски. Через несколько минут от крокодила осталась кучка раздробленных костей, а тираннозавр улегся в тени скалы и перестал обращать на нас внимание.

— Пожалуй, надо поменьше кормить его, — озабоченно заметил Джонсон, — а то он вырастет раньше, чем вы доставите его мистеру Лесли Бейзу.

Назначив караульных для наблюдения за ящером, мы возвратились в палатку.

К вечеру носильщики должны были доставить из главного лагеря части металлической клетки.

Я уже ломал голову над тем, как мы повезем тираннозавра в Бумба.

Однако ни вечером, ни на следующее утро носильщики не появились. Не было и Перси Вуффа. Мы подождали еще день, и снова безрезультатно. Из главного лагеря никто не пришел. Это становилось странным. Мне в голову лезли разные мысли. Джонсон был настроен более оптимистично.

— Куролесит парень... Пьет там с утра до утра, — ворчал он, посасывая трубку.

Я решил сам отправиться утром в главный лагерь, но поздно вечером появился Перси. С ним было только пятеро носильщиков. Они принесли немного продовольствия и ящик виски. Ни клеток, ни оборудования, которого нам так не хватало. Даже радио и теодолит остались в главном лагере.

Перси был свеж и чисто выбрит. Его костюм блистал ослепительной белизной. На мои вопросы он отвечал с вежливой наглостью.

— Не взял. Решил, что не понадобится. Забыл...

Услышав, что один тираннозавр убит, а другой находится в лагере, Перси шевельнул бровью и, прервав меня на полуслове, объявил, что хочет посмотреть пойманного ящера.

Я вышел из себя и грубо изругал его.

Перси задумался, словно решая, обидеться ему или не стоит, а потом пожелал мне и Джонсону спокойной ночи и отправился смотреть тираннозавра.

Джонсон пробормотал что-то насчет заряда крупной дроби, который следовало вклепить в чей-то зад, и испытующе поглядывал на меня из-под нахмуренных бровей.

— Завтра же отправлю его в Бумба, — сказал я.

— Вы с ним поосторожнее, — посоветовал старый охотник. — По-моему, он хочет спровоцировать столкновение!.. — Джонсон помолчал и неожиданно добавил: — Но в случае чего, шеф, я буду на вашей стороне.

— Завтра же его здесь не будет! — запальчиво повторил я.

— Дай-то бог, — сказал Джонсон и поднялся, чтобы идти спать.

На другое утро я объявил Перси Вуфффу, что он должен немедленно ехать в Бумба, отправить корреспонденцию мистеру Бейзу и нанять пару тяжелых грузовиков, которые выедут навстречу нашему каравану. Вопреки ожиданиям, Перси не возражал.

— Сами ждите нас в Бумба.

Он молча кивнул.

Я отдал ему письма и текст небольшой статьи, в которой был описан зуб нового вида тираннозавра, обитающего в болотах Центральной Африки. Новый вид ящера был назван *Tyrannosaurus beizi ritas*.

Статья, так же как и письма, была адресована лично мистеру Лесли Бейзу. Слово «лично» я подчеркнул дважды.

Перси спрятал корреспонденцию в полевую сумку и вежливо ждал дальнейших распоряжений.

— С вами пойдет Н'Кора, — продолжал я. — Он будет сопровождать вас до Бумба. Н'Кора знает обратную дорогу. Возьмите любой виллис и шофера с помощником. Но надеюсь, на этот раз...

— Все будет лучше, чем вы думаете, — поспешил заверить меня Перси.

Я решил, что он доволен отъездом, и успокоился.

Н'Кора незаметно для Перси дал еще одно письмо, адресованное мистеру Бейзу с сообщением об отстранении своего заместителя. Это письмо Н'Кора должен был отправить из Бумба.

Затем был устроен совет, как транспортировать ящера к главному лагерю. Решено было искать путь для автомашин в объезд ущелий, пересекающих плато. Джонсон взялся разведать дорогу, а в необходимых местах устроить переправы.

Пришло время расстаться и с Квали. Молодой негр сделал для экспедиции гораздо больше, чем первоначально обещал. Он уже несколько раз напоминал мне, что в Нгоа — его родном селении — его ждут «важные дела».

Сразу же после совета, в котором Квали принимал активное участие, я собрал черных воинов, чтобы торжественно вручить Квали карабин, о котором он так мечтал.

Я передал Квали заработанные деньги и уже протянул карабин и кожаный патронташ, набитый патронами, когда к нам протиснулся Перси Вуфф.

— Вы, кажется, хотите дать этому негру огнестрельное оружие, — громко заявил он. — А вы знаете, против кого он обратит его?

— Не знаю и знать не хочу, — резко сказал я. — Я выполняю свое обещание. То, что Квали сделал для нас, не может быть компенсировано никакой платой. А против кого он может обратиться карабин, — его дело. Здесь его страна, его родина.

— Я считаю долгом серьезно предостеречь вас, — прищурился Перси. — Здесь бельгийская территория. Вы привлечете на экспедицию серьезные неприятности. Когда узнают, — поднимется шум.

— Никакого шума не будет, если, конечно, никто из присутствующих не захочет поднять его. За этих негров я ручаюсь, за себя и Джонсона тоже, значит. . .

— Я протестую! — крикнул Перси. — Как белый человек протестую! Это преступление!

Квали переводил встревоженный и недоумевающий взгляд с меня на карабин и с карабина на Перси.

Черные воины начали перешептываться.

— Знаете что, идите подобра-поздорову, — тихо сказал я Перси. — Если не хотите шума здесь, сейчас. А он будет не в вашу пользу. . .

— Но имущество экспедиции. . . — продолжал настаивать Перси.

— Хорошо, — сказал я, передавая карабин стоящему рядом Джонсону. — Имущество экспедиции останется нетронутым.

Квали сделал шаг вперед и с отчаянием заглянул мне в глаза.

Я круто повернулся, прошел в свою палатку и через несколько секунд возвратился, держа в руках свой собственный десятизарядный карабин с серебряной насечкой на темном прикладе.

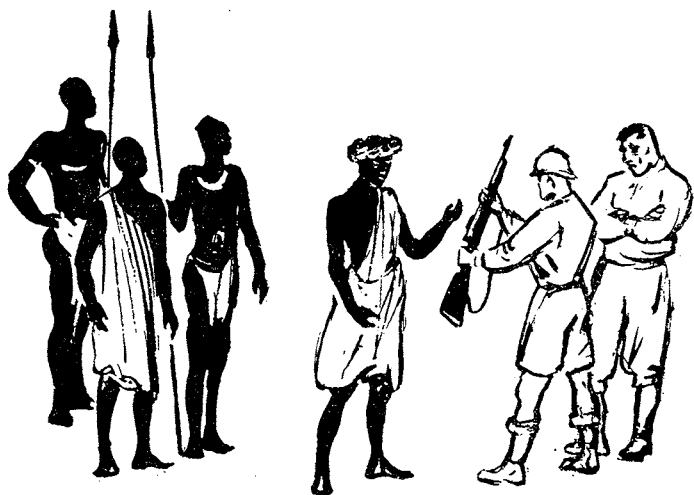
— Бери, — сказал я, протягивая карабин Квали.

Негр замотал головой, еще не веря, что я отдаю ему свое оружие.

— Бери, — повторил я. — Он твой.

Джонсон усмехнулся.

— Смеется тот, кто смеется последним, — мягко ска-

зал Перси.— Самым последним, мистер Джонсон.— И он повернулся, чтобы уйти.

Квали прерывисто вздохнул и осторожно принял из моих рук карабин.

— О начальник, — прошептал он, — О!.. Квали... Спасибо.

Я протянул ему руку, и мы обменялись крепким рукопожатием.

Теперь мы заключили союз взаимопонимания.

* * *

Через час Перси Вуфф с Н'Кора и Джонсон с десятью черными воинами покинули лагерь. Они должны были идти вместе до первого ущелья. Оттуда Перси и Н'Кора пойдут напрямик к главному лагерю, а Джонсон отправится отыскивать объезд для автомашин. Квали исчез раньше. Я даже не успел спросить у него, совсем ли он покидает лагерь.

Перси перед уходом вежливо простился со мной. Мы стояли над расщелиной, в которой ящер пожирал очередного крокодила. Перси глянул на него, перевел взгляд на меня, усмехнулся, пожал плечами и сразу ушел.

В лагере стало тихо. Негров я послал добыть еще одного крокодила для нашего пленника, а сам занялся проявлением киноплетки. Потом устроился в тени и начал записывать в полевой дневник события последних дней. Я успел подробно описать охоту на тираннозавров, вид ящеров и их повадки, когда пришел посыльный от Джонсона.

В коротенькой записке старый охотник сообщал, что они нашли обходной путь, но через одно из ущелий придется построить мост. Джонсон просил прислать ему в помощь всех свободных негров и обещал, что завтра к вечеру машины будут в лагере у водопада.

Я отправил всех черных воинов в распоряжение Джонсона. В лагере со мною остался только М'Гора, который должен был присматривать за ящером и приготовить ужин.

Все шло как нельзя лучше. Я радовался, что завтра или послезавтра мы сможем двинуться в обратный путь, испытывал огромное удовольствие от мысли, что не надо еще раз лезть в проклятые тростники, думал о возвращении на родину. Я вернусь в Польшу как первооткрыватель современных тираннозавров.

Мысленно я уже строил планы новой экспедиции в страну динозавров. Это должна быть хорошо оснащенная международная экспедиция зоологов и палеонтологов. Придется захватить с собой моторные лодки и вертолеты.

Чьи-то шаги прервали мои размышления. Я поднял глаза и увидел... Перси Вуффа. Его правая рука была замотана полотенцем.

— Пришлось возвратиться, — поспешно сказал он. — Меня укусила змея. Помогите.

Я быстро поднялся. В тот же момент страшный удар в челюсть свалил меня с ног. Я потерял сознание.

Придя в себя, я почувствовал, что не могу пошевелиться. Лежу на койке, связанный по рукам и по ногам. Перси сидит у стола. Перед ним — недопитая бутылка виски. Возле бутылки на столе — мой пистолет.

Заметив, что я очнулся, Перси тяжело встал и подошел ко мне.

— Профессору лучше? — Его голос звучал почти ласково. — А я боялся, что удар был слишком силен.

— Что все это значит? — прошептал я.

— Я считал вас интеллигентнее. — Перси тихо засмеялся. — Охотник за динозаврами!..

— Вы сошли с ума, — крикнул я. — М'Гора, ко мне!

— Только без глупостей, — прошипел Перси. — Зачем шуметь!.. — Он сунул мне в рот какую-то тряпку.

Однако черный воин слышал мой голос и появился у входа в палатку.

Перси что-то крикнул ему на местном наречии. Подумать только, а я и не подозревал, что этот мерзавец знал язык банту.

Страшная догадка мелькнула в моей голове. Негр переводил удивленный взгляд с меня на Перси и опять на меня.

Перси резко повторил приказание.

Негр повернулся и побежал куда-то.

Перси неторопливо взял со стола пистолет и выстрелил, почти не целясь. Черный воин без звука ткнулся лицом в траву.

— Вы сами виноваты, профессор, — сказал Перси, вырывая у меня изо рта тряпку. — Его я убивать не собирався. Впрочем, меня утешает мысль, что это пришлось сделать из вашего пистолета.

— Подлец! — крикнул я. — Что тебе нужно?

— Я зарабатываю свои пятьдесят тысяч долларов, — мягко сказал Перси. — Я мог бы проще разделаться с вами: например, столкнуть в яму к тираннозавру сегодня утром. — Он замолчал, желая убедиться, какое впечатление произвели его слова. — А ведь неплохая мысль? — продолжал он, и в его бесцветных глазах засветились красноватые искры. — Впрочем, мы еще побеседуем на эту тему, не правда ли?..

Я молчал, мучительно ища выхода. В лагере нас только двое. Джонсон в двадцати километрах; и, кто знает, не ловушкой ли была его записка. Может быть, они сговорились поделить между собой награду, которая была обещана мне. Неужели я обречен?.. Или он хочет поторговаться со мной?..

— Однако вы изменились в лице, профессор, — зазвучал снова вкрадчивый голос Перси. — Вы совершенно правы; никто не придет вам на помощь. Эта старая обезьяна Джонсон слишком глуп и... порядочен. Когда я осторожно намекнул ему в Бумба... О!.. Как он окрысился! Я едва успокоил его. Ричардс был более деловым

человеком. Правда, он захотел иметь слишком много. За вас, профессор, мистер Лесли Бейз заплатит мне всего пятьдесят тысяч долларов, — Перси вздохнул, — и будет иметь сто пятьдесят тысяч чистой прибыли. А этот наглец Ричардс пожелал иметь сто тысяч. Разве чех стоит дороже поляка? — Перси рассмеялся. — Вы ведь и не подозреваете, дорогой профессор, каким путем Ричардс раздобыл фотографию ящера. Вас было немало — охотников за динозаврами!..

— Мне все известно! — крикнул я, зная, что рискую немногим. — Чех убит Ричардсом в нескольких километрах отсюда. А тебя, бандит, арестуют в первом же городе Конго, в котором ты появишься.

Перси нахмурился.

— Вы действительно пронюхали многое, — серьезно сказал он. — Только насчет меня вы врете. Улик нет и не будет. Мистер Лесли Бейз знал, кому поручить это дело. Кроме того, я везучий. Лев облегчил мне работу. Он только чуть поторопился. Ричардс был чертовски упрям и унес свою тайну с собой. А если бы не лев, с Ричардсом тоже пришлось бы расстаться, но чуть позже. Он хотел слишком много да еще требовал задатка. А вот вы задатка не требовали, вы хотели написать толстую книгу... Между прочим, ваша подпись под статьей уже помещена в траурную рамку. Я сам позаботился об этом и даже сделал соответствующую приписку. И в конверте, который вы дали Н'Кора, уже лежит мое письмо с просьбой перевести мои пятьдесят тысяч на банк в Кейптауне.

— Палач, ты убил и Н'Кора.

— Фи, профессор, вы слишком плохого мнения обо мне. Я не убиваю без крайней необходимости. Н'Кора сейчас, — он глянул на ручные часы, — Н'Кора уже трясется на виллисе. Я отдал ему всю корреспонденцию. Это славный парень. Он подохнет, но доставит ее в сохранности на почту. И как он любит вас! Он прыгал от радости, когда я объявил, что возвращаюсь помочь вам, а ему надо ехать в Бумба одному. И Квали вас любит... А между прочим, не кто иной как Квали виноват в том, что с вами произойдет. Если бы он не показал пути сюда, а этот путь знал еще только покойный Ричардс, вы могли бы погулять по белому свету, профессор. Едва ли нам с вами удалось бы поймать ящера там, где мы его вна-

чале искали. Но этому Квали я отплачу... за вашу безвременную кончину. В Конго не любят негров с карабинами.

Перси продолжал развязно болтать. Я и не подозревал раньше, что он такой краснобай. Мне начало казаться, что за этой болтовней что-то кроется, что он еще не сказал самого главного. Может быть, не все для меня потеряно? Но, с другой стороны, зачем ему было раскрывать все карты?.. Или это игра кошки с мышью?

Вдруг я вспомнил, что в заднем кармане брюк у меня лежал складной нож. Мои руки были скручены за спиной, но пальцы оставались свободными. Я начал перебирать ими и дотянулся до заднего кармана. Нож был там. Несколько бесценных секунд ушло на то, чтобы зацепить нож пальцем. Наконец я зажал его в ладони. Теперь надо было открыть лезвие. Это оказалось несложным. Я чуть шевельнулся. Перси бросил на меня внимательный взгляд, но не заметил ничего подозрительного. Он потянулся к бутылке и налил себе виски.

Я уже не слышал того, что он бубнил. Думал только о веревке, стягивающей мои руки. Удастся ли ее перерезать? Я весь дрожал от напряжения. Наконец веревки ослабели. Кисти рук были освобождены. Я шевельнул локтями и почувствовал, что руки свободны. Я крепко сжал рукоятку ножа. Правда, это был простой охотничий нож, но другого оружия у меня не было. Мои ноги были крепко скручены. Я не мог рассчитывать одним прыжком очутиться возле стола, на котором лежал пистолет. Надо было ждать, чтобы Перси отвернулся. Но он заподозрил неладное. Прервал на полуслове свою болтовню и поспешно шагнул ко мне, не сводя взгляда с моего залитого потом лица.

— Вам, кажется, неудобно лежать, профессор, — начал он и хотел попробовать рукой ослабившие веревки.

В тот же момент я изо всех сил ударил его связанными ногами. Он тяжело рухнул на пол, увлекая за собой стол. Треснул палаточный пол, и упавшая палатка прикрыла нас.

Этих нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы я перерезал веревки на ногах и выскользнул из-под брезента. Но и Перси успел подняться на ноги. Он не мог распрямиться; лицо его было перекошено от боли, но в руке у него был пистолет.

— Вот что ты задумал, — прохрипел он, делая шаг по направлению ко мне. — А я еще хотел избавить его от мучений. Ну, теперь я прострелю тебе ноги и брошу живьем к твоему ящеру. Ха-ха-ха! — Он поднял пистолет и прицелился в меня. — Смеется, тот, кто смеется...

Последнее слово заглушил выстрел. Он показался мне удивительно далеким. Странно, я даже не почувствовал боли и продолжал крепко сжимать рукоятку ножа.

И вдруг я заметил, что выражение лица Перси резко изменилось. В его глазах застыло величайшее изумление, и он медленно повалился навзничь.

Я оглянулся. Ко мне бежал Квали с карабином в руках.

* * *

Я дописываю эти строки в санатории в польских Судаках. Сейчас весна. В открытое окно заглядывает свежая листва молодых берез. Вдали, за цветущими садами и красными черепичными крышами, белеет красавица Снежка. По возвращении на родину товарищи поместили меня в этот санаторий, и я живу здесь уже несколько месяцев.

Я много думал... В пустынных аллеях старого парка и за письменным столом своей маленькой комнаты снова и снова переживал события последних лет.

Разумеется, я не мог поступить иначе. Мое место здесь, только здесь — на польской земле, которая так гостеприимно встречает меня после многих лет разлуки.

Я понимал это и раньше. Заговор, жертвой которого я чуть было не стал, лишь ускорил давно созревшее решение. Мистер Лесли Бейз, мы с вами враги. И не только потому, что вы задумали принести меня в жертву своей алчности. Мы существа разных миров — мира людей и мира динозавров. Первые недели после возвращения меня одолевали кошмарные сны. Среди них чаще всего повторялся один: элегантный мужчина с брюшком

и золотыми зубами заходил в мою палату. Он подходил к светлому прямоугольнику, нарисованному луной на паркете, и я узнавал мистера Лесли Бейза. Он предлагал заключить контракт, уговаривал, шептал о деньгах и вдруг незаметно превращался в тираннозавра. Чудовище надвигалось, раскрывало яростную пасть; я пытался убежать, звал на помощь. . . Потом появлялся Квали, он прогонял отвратительную бестию, успокаивал меня, брал за руку и уводил на берег реки, поил прозрачной холодной водой. Все растворялось в тумане, и я видел дежурную сестру со стаканом в руках.

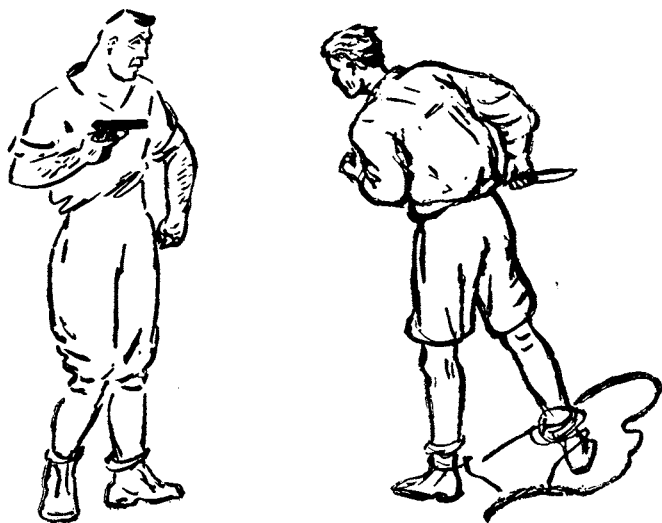
Эти сны больше не возвращаются. Скоро я еду в Краков; там меня ждет работа.

А в далеком Конго еще идет война. Квали завоевывает свободу для своей родины.

Я часто думаю о Квали.

Тогда, в тот страшный день мы заключили с ним союз братства над телом застреленного Перси Вуффа.

Решение пришло сразу, и оно было непоколебимым. Нам с Квали достаточно было одного взгляда, чтобы понять друг друга. Наш уход из мира динозавров должен прозвучать как вызов этому миру. Мы не вернемся тем

путем, которым пришли сюда. И мистер Лесли Бейз никогда не получит своего ящера. Последняя работа палеонтолога Збигнева Турского в мире динозавров останется неоконченной.

Я написал коротенькую записку Джонсону. Может быть, старый охотник даже и не понял ее. Затем мы закопали тело М'Гора. К трупу Вуффа мы не прикоснулись.

Потом приступили к самому главному. Я вложил несколько патронов динамита между бревнами, закрывающими выход из расщелины, поджег шнур. Мы с Квали укрылись за скалами. Грохнул взрыв. Выход из расщелины был открыт. Мы ждали. Прошло несколько минут, и тяжелые прыжки чудовища известили нас, что ящер на свободе.словно огромная лягушка, он поскакал к реке, тяжело плюхнулся в воду и, распугивая крокодилов, поплыл в сторону озера.

Мы положили в рюкзаки немного продовольствия. Я сунул туда же киноплёнки и дневники, и мы ушли на север, в джунгли. Настала ночь, и откуда-то издали до нас доносился насмешливый хохот.

Квали остановился и прислушался.

— Гиена смеется, — сказал он. — Наверно, над Перси Ух...

Гиены все-таки смеялись последними.

Через неделю мы добрались до берегов Убанги. На плоту переправились на северный берег, добрались до французского поста, и тут пришло время расстаться. Прощание было кратким.

— Куда пойдешь? — спросил Квали.

— К себе домой. В Польшу. У меня там много дел. А ты куда пойдешь?

— И я — домой. У меня тоже много дел.

— Прощай, Квали!

— Прощай, брат мой! Приезжай опять Конго, когда мой страна станет свободный.

— А когда? — спросил я.

— Скоро. Квали идет делать это.

Он легко прыгнул в пирогу, и черный собрат повез его на южный берег Убанги.

Через несколько дней меня самолетом доставили в Конакри. Здесь я встретился с Барщакком. А затем — теплоход, Гдыня, Судеты. Но теперь все позади. На столе свежий американский журнал. В нем напечатана за-

метка о зубе *Tyrannosaurus beizi ritas*. Фамилия автора обведена траурной рамкой. Внизу примечание, что профессор Турский трагически погиб в когтях современного хищного ящера. В редакцию журнала уже отправлено письмо с кратким извещением, что профессору Турскому удалось спастись из когтей современных хищных ящеров. А в редакцию геологического журнала в Варшаве уже отослана объемистая статья. В ней описан неизвестный людям Земли исполинский прыгающий ящер — страшный хищник, сохранившийся до наших дней в болотах Экваториальной Африки. Статья иллюстрирована множеством цветных фотографий.

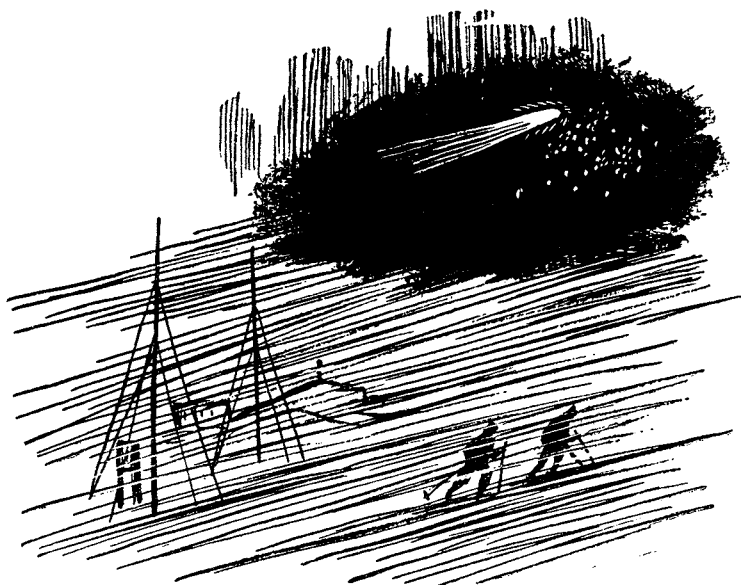
Мистеру Лесли Бейзу я писать не стал. Прочитав статью, этот представитель современных хищных динозавров поймет, что его игра проиграна.

А еще передо мной лежат исписанные листки — наброски планов новой экспедиции в страну динозавров. Надо только подождать немного, пока народ Квали завоеует свободу...

ПРИЗРАКИ БЕЛОГО КОНТИНЕНТА

Джек Рассел — астроном экспедиции — лежал на подвесной койке под самым потолком Большой каюты и, не отрывая глаза от окуляра зрительной трубы, время от времени записывал цифры на листе бумаги, приколотом кнопками к потолку.

Геолог Ральф Стомор внизу за столом разглядывал образцы минералов. Стрелка радиометра вздрагивала и начинала колебаться, когда Стомор подносил к прибору черные, маслянисто поблескивающие кристаллы.

За дверью послышалась возня, притоптывание озябших ног, громкое сопенье. Дрогнула тяжелая суконная портьера, пропустив в Большую каюту Фреда Лоу — маленького, коренастого, почти квадратного в меховом комбинезоне и огромных унтах.

— Минус пятьдесят с ветерком, — прохрипел метео-

ролог, стягивая меховые рукавицы. — Запирай контору, Джек. Все равно ничего не видишь.

Скрипнула койка под потолком. Джек Рассел искоса глянул на вошедшего и молча отвернулся к окуляру трубы.

Лоу с трудом вылез из комбинезона, отшвырнул его ногой в угол; достал из стенного шкафа бутылку и граненый стакан, налил, выпил; отер рыжеватую бороду рукавом шерстяной куртки, потянулся.

— Чертов электрический подогрев не действует, — пояснил он, кивнув на лежащий в углу комбинезон. — Пускай Генрих проверит контакты.

— Генрих остался в ледяной штольне, — сказал Стонор. — Они с Тойво хотели сегодня прорубиться сквозь лед к нижней жиле.

— Глупо, — скривился Лоу. — Будут сидеть там, пока не прекратится пурга.

— Там у них спальные мешки и примус. Могут сидеть хоть неделю.

«Тебя бы на неделю запереть в ледяной пещере, — со злостью подумал Лоу, поглядывая на розовую лысину Стонора. — Сегодня и носа не высунул наружу...»

— Ого, — сказал Стонор, наблюдая за стрелкой прибора.

— Что-нибудь новое? — поинтересовался Лоу.

— Ничего особенного. Просто высокое содержание урана.

— Значит, все-таки месторождение стоящее, — пробормотал Лоу, зевая.

— Еще бы, — поднял голову Стонор. — Важно, что это первая находка урана в Антарктиде, а при таких содержаниях мое месторождение загремит на весь мир.

— Почему же мы не торопимся заявить миру о твоём открытии? ..

— Пока не можем. Шефы не хотят, чтобы русские всерьез занялись поисками урана в Антарктиде.

— Думаете, русские глупее вас, — усмехнулся Лоу. — Можете не сомневаться, Стонор, они сделали здесь больше нас с вами.

— Урана они не нашли. Они регулярно сообщают о своих открытиях. Кроме того, большинство исследователей убеждены, что урана в Антарктиде вообще нет.

— А что толку в вашей находке! Дьявольские горы

в трехстах милях от берега. Адские морозы, ураганы, пурга... Завезти сюда шестерых безумцев и бросить на год — еще можно. Но строить здесь рудник... не стали бы даже русские.

— Вам приходилось бывать на урановых рудниках северной Канады? — задумчиво спросил Стомор, подбрасывая на ладони сросток черных кристаллов, покрытых желтыми и оранжевыми охрами.

Лоу мотнул головой.

— Там содержание урана в пятьдесят раз меньше, а условия немногим лучше, чем тут. Калькуляция простая... Такое месторождение выгодно эксплуатировать даже на Луне.

— Еще вопрос, где хуже условия — на Луне или на Земле королевы Мод, — пожал плечами Лоу.

— Луна пока недоступна, а на Земле королевы Мод мы обосновались и, плохо ли, хорошо ли, сидим седьмой месяц.

— Делайте, что хотите, — махнул рукой Лоу, — стройте тут рудники, города, аэродромы, растапливайте льды, добывайте уран, черта, дьявола, кого угодно. Я знаю одно: больше сюда ни ногой. Ни за какие доллары. Гренландия, Гималаи, что угодно, но не Антарктика — будь она трижды проклята... Однако, — Лоу сделал паузу и прислушался, — о чем думает журналист? Собирается он кормить нас сегодня?.. Эй, Рысь!.. Мистер Ришар! Скланки давно пробили на обед, черт побери!

Под койкой Джека Рассела распахнулась узкая дверь. Из-за двери выглянул Ришар Жиро — врач, повар, радист, а по совместительству специальный корреспондент одной из крупнейших парижских газет. Вместо поварского колпака на голове Жиро была надета красная феска с золотой кисточкой. Большой мясистый нос и рыжие бакенбарды были в муке, маленькие острые глазки насмешливо поблескивали за толстыми стеклами очков.

— Правда не нуждается в громком крике, дорогой Фред, — объявил доктор, подмигивая Лоу. — Обед готов, мойте ручки... Что это? — ахнул он, указывая пальцем на стол. — Что это? — я спрашиваю. — Сколько раз просил не раскладывать здесь эту ядовитую радиоактивную гадость. Я дрожу над вашим драгоценным здоровьем, а вы...

— Разве что-нибудь изменится, если он уберет их за фанерную перегородку своей конуры? — спросил, посмеиваясь, Лоу. — Не будь страусом, Красная Шапочка. Здесь кругом излучение. Жилы в трех милях отсюда. А может, они и под нами. Нам всем обеспечена лучевая болезнь.

— Пыль, сотрите со стола пыль, — твердил Жиро, не слушая Лоу. — Она радиоактивна! Обеда не будет, пока не уберете. Собери мокрой тряпкой, Фред, и выкинь наружу.

Лоу, ухмыляясь, вытер стол тряпкой и, когда доктор вышел, швырнул тряпку под диван.

Жиро внес на подносе кастрюлю и миски, принялся разливать суп.

Лоу достал из стенного шкафа бутылку и три стакана.

— Тебе не наливаю, — заметил он доктору. — Судя по носу, ты уже покончил с недельной порцией.

— Не судите и не судимы будете, — сказал доктор, косясь на бутылку. — Я добавлял в пуддинг ром и только чуть-чуть попробовал.

Дождавшись, когда Лоу наполнил стаканы, доктор ловким движением выхватил у него бутылку, встряхнул, посмотрел на свет и приложил к губам.

— Луженое горло, — с легкой завистью заметил Лоу, глядя на опустевшую бутылку.

— И все остальное прочее, — сказал доктор, закусывая сардинкой. — Вы будете сегодня ночью спать, а я еще должен сочинить корреспонденцию и толкнуть ее в эфир. Это не сводка погоды! Тут нужны голова и фантазия. Кстати, о ком из вас прикажете врать в сегодняшней корреспонденции?

— Можно о нем, — Лоу кивнул на лежащего под потолком астронома. — Он жертвует обедом ради метеоров.

— Мысль, — подскочил на стуле доктор. — Очерк можно озаглавить: «Охотник за метеорами» и начать, например, так: «Седьмой месяц самоотверженный молодой ученый не отрывает глаз от телескопа»... Между прочим, юноша, второй раз греть обед я не буду. Вы слышите?..

— Да, — сказал Рассел, глядя в окуляр трубы и неторопливо записывая что-то.

— Вы, англичане, удивительно разговорчивый на-

род, — продолжал доктор, хлебая суп. — Не знаю, что бы я делал, если бы не было Генриха. Все-таки поляки во многом напоминают нас, французов.

— А я? — возразил Лоу. — Кажется, и меня нельзя назвать слишком молчаливым.

— Во-первых, ты не настоящий англичанин. Американцы — особая нация. А во-вторых, и ты умеешь целыми часами сидеть над шахматной доской, как кот у мышиной норы. Он, — доктор кивнул на Стонора, — может говорить только об уране. А что касается этого жреца Космоса, — не знаю, сказал ли он десять слов подряд с начала зимовки.

Койка под потолком снова скрипнула. Лоу и доктор глянули на астронома и увидели на его лице выражение величайшего изумления. Бросив карандаш, Рассел быстро крутил тонкими пальцами винты прибора; потом откинулся на подушку, словно ослепленный, несколько мгновений лежал с закрытыми глазами, затем приподнялся и снова припал к окуляру трубы.

В это время далекий нарастающий гул заглушил вой пурги. Гул быстро превратился в оглушительный грохот, от которого задрожали стены Большой кабины и зазвенела посуда на столе. Казалось, исполинский поезд проносится над пустынными горами Земли королевы Мод. Доктор и Стонор вскочили из-за стола, опрокинув стулья. Но грохот уже постепенно затихал. Что-то похожее на взрывы доносилось издали; снова дрогнули стены и стало тихо. И опять послышался глухой однообразный вой пурги.

— Что это? — вскричал доктор, со страхом глядя на потолок.

— Кажется, землетрясение, — пробормотал Стонор, прислушиваясь. Лоу внимательно следил за побледневшим от волнения астрономом.

— Ну, что там было, Джек? — спросил он, видя, что Рассел снова откинулся на подушку и вытирает платком мокрый лоб.

— По-видимому, гигантский болид. Он упал где-то поблизости.

— Вы видели его? — спросил Стонор.

— Да.

— И уверены, что это болид?

— Д-да...

— А может, это межконтинентальная баллистическая ракета? — неуверенно протянул доктор.

— С помощью которой русские хотели уничтожить нашу станцию, — добавил Лоу.

— Не остроумно, — обиделся Жиро. — Ваши соотечественники производят испытания ракет на мысе Канаверал. О, они вполне могли, целясь в южный Атлантис, попасть в Антарктиду.

— Это был болид, — сказал Рассел. — Он появился на северо-западе, пролетел над станцией и взорвался над плато к юго-востоку от нас. Я отчетливо наблюдал резкое уменьшение его скорости. Перед ним в этом же направлении прошел метеорный поток.

— А сейчас видно что-нибудь? — поинтересовался Стомор.

— Нет, пурга усилилась. Снег несет выше объектива перископа.

— Установится погода, поищем осколки, — сказал Стомор, закуривая сигарету. — Новый метеорит из Антарктики — это сенсация.

— Ничего не найдете, — сердито возразил Лоу. — Ветер гонит сейчас по плато сотни тысяч тонн снега. Все следы будут похоронены самым надежным образом. Не так ли, Джек?

Рассел прыгнул на пол и молча пожал плечами.

— Куда? — спросил Стомор, видя, что астроном взялся за портьеру выходной двери.

Рассел указал пальцем вверх.

— Только ни шагу от входа, — предупредил Стомор. — Слышите, что там делается? ..

Рассел кивнул и исчез за тяжелой портьерой.

Через несколько минут он возвратился, отряхивая снег с бороды и усов.

— Видели что-нибудь? — спросил доктор.

— Нет.

* * *

Четверо суток бушевала пурга над обледеневшими хребтами Земли королевы Мод. Массы сухого колючего снега неслись над утонувшими в сугробах постройками станции, словно огромная река в половодье. Даже в полдень нельзя было ничего рассмотреть в непроглядной мгле. Исчезли скалы и небо, окрестные хребты и глубокая

долина, уходящая на десятки миль к западу, в лабиринт пустынных гор.

Над головой гудели стальные тросы радиомачт. Свистел и завывал ураган.

Едва угасал короткий день, где-то в вышине вспыхивали сполохи полярных сияний. Их разноцветные лучи не достигали дна разбушевавшегося снежного океана. Лишь меняющиеся оттенки снежных струй выдавали невидимую пляску огней в антарктическом небе.

Радиосвязь прекратилась. В хаосе тресков и шорохов утонули не только голоса южноафриканских и чилийских станций, но даже и сигналы соседей — советской антарктической станции Лазарев, находящейся всего в семистах милях от англо-американо-французской станции, возглавляемой Стонором. Не слышно было и передатчика Ледяной пещеры, где четвертый день находились отрезанные от базы геодезист Генрих Ковальский и геолог Тойво Латикайнен. . .

Главный выход из Большой кабины, возле которого находилась будка с метеорологическими приборами, был занесен снегом.

Лоу и Рассел с трудом опустили крышку запасного выхода. Обжигающий вихрь ударил в лицо, ослепил. Лоу выполз из люка и, лежа в снегу, принялся нащупывать проволочный трос, протянутый к будке с приборами. Руки хватали сухой, сыпучий снег, убегающий вместе с ветром. Наконец пальцы нащупали металлический стержень, забитый в лед.

Лоу чертыхнулся.

— Трос оборван! — крикнул он Расселу, который напряженно вглядывался в окружающую тьму.

Астроном протянул Лоу тонкую нейлоновую веревку. Метеоролог обвязался ею и уполз в темноту. Рассел внимательно следил, как разматывается веревка. Время от времени он бросал быстрые взгляды вверх, откуда в промежутки между снежными вихрями прорывались зеленовато-фиолетовые сполохи необычайно яркого полярного сияния.

«Словно на дне океана чужой планеты, — думал молодой астроном. — Однако почему так интенсивно свечение? Такого еще не было. И, как назло, ничего не видно. Снег несет выше перископа Большой кабины. . .»

Веревка размоталась. Рассел привязал конец к своему

поясу и ждал. Легкое подергивание свидетельствовало, что Лоу ползал в темноте, ощупью отыскивая будку с приборами. Наконец веревка перестала дергаться.

«Добрался, — с облегчением подумал Рассел. — Берет отсчеты».

Прошло несколько минут. Астроном все острее чувствовал пронизывающий холод. Многослойный шерстяной костюм и меховой комбинезон не были надежной защитой от мороза и ветра. Здесь, возле купола Большой кабины, было чуть тише, а каково Лоу на открытом пространстве ледяного склона...

Веревка продолжала оставаться неподвижной. Рассел осторожно потянул ее. Ответного сигнала не последовало. Неужели веревки не хватило и Лоу рискнул отвязаться? Это было бы чистейшим безумием в такой буран.

Рассел потянул сильнее. Сомнение исчезло: конец веревки был свободен. Астроном включил рефлектор. Однако сильный луч света пробивался не более чем на полтора — два метра. Негнущимися пальцами Рассел торопливо привязал конец веревки к крышке люка и пополз в набитую снегом тьму.

* * *

Стонор беспокойно глянул на часы:

— Долго копаются...

Доктор, развываясь на диване, неторопливо потягивал ром.

Замечание Стонора развеселило француза.

Он оскалил большие желтые зубы, хотел что-то сказать, но махнул рукой; посмеиваясь, налил себе еще рома.

Стонор нахмурился и отодвинул бутылку подальше от Жиро.

— Прошу вас, доктор... Последние дни вы снова злоупотребляете этим. Кстати, не попробовать ли еще раз связаться с Ковальским?

— Бесполезно, шеф. — Жиро вздохнул. — В эфире трещит громче, чем у меня в голове.

— Попробуйте все-таки, а я посмотрю, что делают Лоу и Рассел.

Доктор, пошатываясь, прошел в радиорубку, примыкающую к Большой кабине, надел наушники, включил

передатчик. Трескотня в эфире как будто уменьшилась. Но что это?..

Маленькие глазки доктора широко раскрылись. Может быть, ему показалось?.. Нет, вот снова. Прерывистый угрожающий вой звучал в наушниках. У доктора пересохло во рту, и он мгновенно протрезвел. Никогда в жизни ему не приходилось слышать ничего

подобного. Вой затих, потом возник снова. Это не могли быть атмосферные помехи. Четкий ритм улавливался в ошеломляющей мелодии, полной боли, тоски и непередаваемой ярости. Доктор почувствовал, что весь холодеет. Он сорвал наушники и отбросил в сторону. Но непонятная, устрашающая мелодия продолжала звучать в ушах.

«Схожу с ума», — мелькнуло в голове доктора, и Жиро ринулся прочь из радиорубки.

В Большой кабине никого не было. Доктор оперся руками о стол, до боли закусил губы, стараясь собраться с мыслями. Колени дрожали. Он нащупал пульс и растерянно всплеснул руками.

— Не меньше двухсот...

Схватив бутылку с ромом, приложил к губам. Зубы противно стучали о холодное стекло.

Когда облепленные снегом Рассел и Стомор втащили в Большую кабину неподвижное тело Лоу, доктор сидел у стола, бессмысленно глядя в одну точку. Он не шевельнулся и тогда, когда Лоу уложили на диван, и Рассел принялся стягивать с метеоролога меховой комбинезон.

Стомор оглянулся на доктора.

— Ждете специального приглашения? Посмотрите, что с ним. Джек нашел его возле будки с приборами. Чудо, что нашел...

— С-сейчас, — пробормотал доктор, медленно приближаясь к дивану, на котором лежал Лоу.

Рассел внимательно посмотрел на Жиро и тихо отстранил его:

— Я сам... Вы отдохните...

Стонор стиснул кулаки.

— Вы все-таки не послушали меня, — негромко сказал он доктору. — И вот что получилось, когда вы нужны. Идите в коридор, а когда протрезвитесь, закройте люк. Доктор, пошатываясь, исчез за портьерой.

Рассел со шприцем в руках подошел к Лоу.

— Он потерял сознание не от холода, — заметил Стонор. — Руки и ноги у него теплые. Может, его ударило обо что-нибудь?

— Сейчас узнаем, — сказал Рассел, вонзая иглу в руку Лоу.

Через несколько мгновений метеоролог шевельнулся и открыл глаза.

— Выпей-ка, старина, — прошептал Стонор, поднося стакан к губам товарища.

Лоу проглотил лекарство и откинулся на подушки. Взгляд его постепенно принял осмысленное выражение. Казалось, метеоролог припоминает что-то. Вдруг в его глазах мелькнул испуг. Лоу сделал знак, чтобы Стонор нагнулся.

— Проверьте, хорошо ли закрыты входные люки, — пробормотал метеоролог, — там...

Он не успел кончить. Громкий вопль заглушил вой урагана. Портьера распахнулась, и в Большую кабину одним прыжком влетел доктор.

Он был без очков и шапки, его рыжие волосы стояли дыбом, лицо было перекошено от ужаса.

— Помогите! — визгливо закричал он, ухватившись за Стонора. — Скорей! Сейчас он войдет. Ой-ой!..

Стонор с усилием оттолкнул доктора в сторону, шагнул к выходу в коридор и остановился в нерешительности, в поисках какого-нибудь оружия.

В это время электролампы, освещающие Большую кабину, начали медленно угасать. Доктор ахнул.

— Скорее к генератору, Ральф! — раздался в сгущающемся мраке голос Рассела. — Я посмотрю, кто там.

Рассел с пистолетом в одной руке и фонарем в другой шагнул в коридор.

— Стреляй, если увидишь кого-нибудь! — крикнул Лоу, пытаясь подняться с дивана.

... Стопор дрожащими руками шарил по распределительному щиту электростанции. Вот рубильник, переключающий сеть на аккумуляторы.

«Слава всевышнему, свет загорелся снова».

Вывхватив из ящика стола пистолет, Стопор кинулся в Большую кабину, резким движением откинул портьеру. Потянуло холодом.

По лестнице из верхнего коридора медленно спускался Рассел. Он тщательно закрыл дверь, ведущую на лестницу, задвинул тяжелый засов и опустил портьеру, затем бросил на стол какой-то блестящий предмет. Это были раздавленные очки доктора.

— Кто там был? — спросил Стопор, внимательно глядя на молодого астронома.

— Не знаю. Никого не видел.

— Люк был открыт?

— Да, но возле него не было следов. Только раздавленные очки.

— Чушь! — поднял голову Жиро. — Оно вылезло из темноты и хотело схватить меня. Я сумел увернуться, но у него осталась моя шапка и очки.

Рассел молча указал на лежащие на столе остатки очков.

— Что тебе померещилось, Ришар? — спросил Стопор, в упор глядя на француза.

— Сам не понимаю, что это было. Животное или призрак...

— Призрак, — насмешливо повторил Стопор. — Так-так...

— Ты, конечно, можешь мне не верить, — чуть не плача, возразил доктор. — Я действительно хватил лишнего. Но если бы ты услышал, что довелось слышать мне... — доктор всхлипнул. — Иди послушай, что творится в эфире. Иди, иди.

Стопор прошел в радиорубку, надел наушники, принялся крутить ручки настройки.

— Обычная трескотня, по-видимому, связанная с полярным сиянием, — сказал он наконец, откладывая наушники.

— Может, я действительно схожу с ума, — пробормотал доктор, качая головой.

Лоу, присев к столу, внимательно разглядывал остатки очков.

— Здóрово покорежило, — вполголоса заметил он, пододвигая Стонору расплюснутую оправу. — Можно подумать, что они побывали под пневматическим молотом.

— Он сам наступил на них, — сказал Стонор, кивнув на доктора.

— Если у тебя есть лишние очки, — возразил Лоу, — готов доказать, что, затапывая в снег, их нельзя так изуродовать.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать... — Лоу сделал паузу и обвел всех серьезным взглядом, — хочу сказать, что какое-то мохнатое существо, похожее на огромную обезьяну, появилось возле меня, когда я достиг будки с приборами. Я шарахнулся в сторону и, вероятно, ударился головой о мачту ветромера...

* * *

К рассвету следующего дня ураган начал утихать и температура поднялась до минус двадцати градусов. Когда из-за северного горизонта выкатилось неяркое красноватое солнце, пурга почти улеглась. Ветер налетал лишь редкими шквалами, вздымая облака снежной пыли на крутых белых склонах.

Синие тени легли в глубоких, занесенных снегом ущельях, куда не проникали лучи низкого солнца.

Поиски в окрестностях станции не дали результатов. Никаких следов не осталось на свеженаметенном снегу. Никого живого не было видно на много километров вокруг.

Радио Ледяной пещеры продолжало молчать. Было решено, что Стонор и Рассел попытаются добраться туда на лыжах. Доктор и Лоу должны были остаться в Большой кабине.

После завтрака Стонор и Рассел стали собираться в путь. Поверх пуховых комбинезонов они надели легкие ветронепроницаемые костюмы ярко-красного цвета, подняли обрамленные серебристым мехом капюшоны.

— Элегантная пара, — заметил Лоу, вышедший проводить их, — вареные раки! Оружие не забыли?

— Ты еще веришь в своего мохнатого призрака, Фред? — спросил Стонор.

Лоу пожал плечами.

— Оружие все-таки следовало взять.

Высокий, худой Рассел тряхнул черной бородой.

— В порядке, Фред! — И похлопал рукой по оттопыренному карману куртки.

Они легко поднялись на ледяной холм. Рассел оглянулся, помахал красной рукавицей и вслед за Стоном быстро побежал вдоль крутого склона.

Высоко над головами лыжников громоздились черные, иссеченные трещинами обрывы. Тропа, проложенная к Ледяной пещере, исчезла. Ее замело снегом.

За поворотом открылась далекая панорама уходящего на запад ущелья. Снежные козырьки нависали над черными базальтовыми стенами. Обрывы, сложенные древними лавами, высились над застывшими волнами огромного ледника. Неподвижная, иссеченная глубокими трещинами ледяная река текла с юго-запада из неисследованных областей Земли королевы Мод.

Стопор, бежавший первым, остановился, приложил к глазам бинокль.

— Вижу вход в Ледяную пещеру, — объявил он, — но кругом ни души. Странно, что они, потеряв связь, не пытаются в такую погоду идти нам навстречу.

Рассел молча поправлял крепления лыж.

— Кстати, что вы думаете, Джек, о ночной панике? — спросил Стопор, пряча бинокль.

Рассел пожал плечами.

— Сегодня утром мне пришла в голову странная мысль, — продолжал Стопор. — Очень странная. Вы не догадываетесь? ..

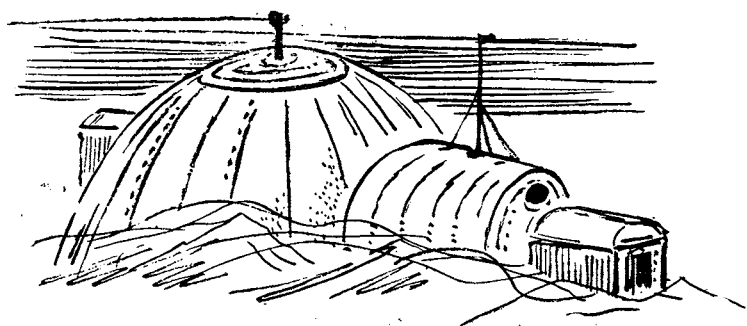
Рассел покачал головой.

— Видите ли, я много лет работал в Гималаях. Впрочем, все это сущий вздор. Не стоит и говорить...

Стопор резко оттолкнулся палками и понесся вниз, оставляя на синевато-белом снегу четкую нить лыжного следа.

* * *

Не дойдя нескольких шагов до узкой щели, ведущей в глубь ледяного купола, Стопор остановился и громко крикнул. Эхо, отраженное от базальтовых стен, долго повторяло возглас и стихло вдали. Никто не отозвался.

— Странно, — пробормотал геолог, отирая рукавицей вспотевший лоб.

Рассел снял лыжи и шагнул к расселине. Кругом лежал волнистый покров свежего снега. Ни единый след не темнел на его искрящейся поверхности. Астроном ступил шаг, потом другой и провалился почти до пояса.

— Похоже, что они не выходили из пещеры после пурги, — ворчал Стонор, осторожно пробираясь вслед за Расселом.

В глубине расселины снегу было меньше, однако глубокую тишину по-прежнему не нарушал ни один звук. Ледяные стены расселины сблизились. Стало темно. Яркий день чуть просвечивал сквозь зеленоватые толщи льда.

Рассел включил рефлектор. Сильный луч света уперся в узкую обледеневшую дверь. Она была закрыта.

Рассел скользнул лучом по ледяным стенам. Сверкнули металлические крепления лыж. Прислоненные к стене нарты отбросили на лед длинные изогнутые тени.

— Они здесь, — сказал Стонор. — Лыжи и нарты на месте. Хэлло, Генрих!..

Ответа не последовало.

— Однако они выходили сегодня! — крикнул Стонор, указывая на следы, натоптанные возле двери. — Эй, Тойво, Генрих! — Он толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Заперта изнутри, — заметил геолог, готовясь постучать.

Рассел потянул его за рукав.

— Дверь примерзла, Ральф.

Он налег на дверь плечом. Стонор помогал. Дверь с треском распахнулась.

В Ледяной пещере было темно.

— Генрих, Тойво! — снова крикнул Стонор. В его голосе слышался испуг.

Рассел, пригнувшись, шагнул в дверь, нашел аккумуляторы, щелкнул выключателем. Неяркий желтый свет залил Ледяную пещеру. На низких складных койках лежали спальные мешки. Они были пусты. В углу на погасшем примусе стояла покрытая инеем сковородка. Возле — пустая банка из-под консервов.

Стонор, протиснувшись в дверь, с недоумением оглядывался.

— Записка, — сказал Рассел.

На столе возле радиопередатчика лежал лист бумаги. Стонор поспешно выхватил записку из рук астронома, щурясь, с трудом разбирал корявые, наспех нацарапанные строчки.

«Вчера прорубились к главной жиле. Она вся избуравлена какими-то ходами. Тойво сказал, что это древ-

ние выработки». — Стонор умолк и уставился на астронома. — Какая чепуха, Джек!

— Читайте дальше, — попросил Рассел.

— «Он отправился их исследовать и не вернулся, — продолжал Стонор. — Иду искать его. Генрих».

— Записка датирована утром вчерашнего дня, — заметил Рассел, взяв у Стонора листок бумаги.

— И ни слова о том, есть ли уран, — пробормотал Стонор.

— Вероятно, это из жилы, — сказал астроном, указывая на лежащие возле койки камни.

Стонор поспешно наклонился, схватил образцы и принялся жадно разглядывать их.

— Ну и штука! — прошептал он. — Еще богаче, чем наверху. Чистый уранинит. Ты понимаешь, что это значит, Джек?..

Рассел неторопливо крутил верньеры передатчика.

— С приемником у них что-то произошло, связи нет.

— Исправить не сможем?

— Здесь нет.

— Что же делать?

— Надо спуститься к жиле.

Стонор закусил губы.

— Понимаешь, Джек, — он замялся. — Мне кажется, лучше подождать... Возможно, они скоро вернуться.

— Генрих ушел сутки назад, а Тойво еще раньше. С ними что-то случилось.

Стонор потупился.

— Боюсь, что спуск к жиле небезопасен. При таком содержании урана... — он кивнул на образцы. — Нужен индикатор радиоактивности, а я оставил его в Большой кабине.

— Я спущусь один, — холодно предложил Рассел.

— Как начальник зимовки, запрещаю тебе. Сделаем так: ты останешься здесь, ждать их возвращения. Если нужно, поможешь, когда вернуться. Я поеду в Большую кабину. Вернусь с Фредом. Мы привезем индикатор, веревки и запасные радиолампы. Если Генриха и Тойво еще не будет, — организуем поиски.

— Но если с ними что-то случилось и помощь нужна немедленно?

— Два — три часа ничего уже не изменят, Джек. Кроме того, я думаю, что Генрих спутал даты. Записка

написана сегодня утром, а не вчера. Генрих ушел на поиски совсем недавно. Ты забыл о следах, которые мы видели у входа в пещеру.

— Если это следы Генриха, непонятно, — почему он выходил босиком?

— Босиком?

— Да, у двери пещеры на снегу были следы босых ног.

— Чушь! — воскликнул Стомор. — Невероятная чушь, — повторил он и вдруг умолк. — Впрочем, это легко проверить, Джек.

Он поспешно схватил фонарь и распахнул дверь.

— К сожалению, мы затоптали эти следы, — донесся из ледяного коридора его голос. — Нет, конечно, тебе показалось, — продолжал Стомор, возвращаясь. — Кому пришло бы в голову бродить по снегу босиком? .. Значит, решено. Я еду, ты остаешься. Good buy!

Когда входная дверь захлопнулась, Рассел быстро поднялся и задвинул металлические засовы.

Теперь можно было приниматься за дело.

Астроном приподнял крышку деревянного люка в стене Ледяной пещеры. В лицо пахнуло морозным дуновением. Рассел прислушался. Ни единый звук не доносился из узкого прохода, пробитого сквозь лед к подножию базальтовых обрывов. Астроном привязал конец шнура к кольцу люка и, перебросив моток через плечо, осторожно спустился в темное отверстие.

* * *

— Ни за какие блага не останусь здесь один, Стомор. — Голос доктора стал хриплым от волнения. — Ни за какие, понимаете? .. Если вы не вернетесь до темноты, я... я сойду с ума.

У Фреда Лоу дрогнули углы губ. Он с трудом сдерживал возмущение.

Стомор растерянно развел руками.

— Тогда тебе придется идти со мной, Рысь. Может, так даже будет лучше. Там может понадобится твоя помощь. А Фред останется в Большой кабине.

Фред Лоу хватил кулаком по столу. Жалобно звякнули стаканы. Заметались стрелки счетчиков.

— Это не зимовка, а приют для выживших из ума

трусов! — гаркнул рассвирепевший метеоролог. — Почему ты просишь, а не распоряжаешься, Ральф? Кого ты хочешь взять с собой? Он не опомнился со вчерашнего вечера и свалится на полпути. Не хотел бы я быть рядом с вами в случае реальной опасности.

— Ты не кричи, а посоветуй, что делать, Фред, — тихо сказал Стонор.

— Точно ты сам не знаешь! Забираем груз — и полный вперед. А ты, — метеоролог поднес кулак к самому носу доктора, — если заикнешься еще о своей трусости, будешь ходить забинтованный до конца зимовки. Ясно?

Доктор испуганно отшатнулся.

— Задрай входной люк и не вздумай открывать его, что бы тебе ни померещилось. Понял? И не отходи от передатчика. Через час вызовем по радио Большую кабину. Пошли, Стонор!

В дверях Лоу оглянулся на доктора, указал на стеной шкаф, щелкнул себя большим пальцем по воротнику и потряс головой.

...Еще издали Стонор и Лоу разглядели длинную фигуру Рассела. Астроном бродил по глубокому снегу возле ледяного купола, потом исчез в расселине. Когда Лоу и Стонор приблизились, он вышел им навстречу.

— Как дела, Джек? — крикнул Стонор, освобождаясь от лыж.

— Генрих здесь.

— А Латикайнен?

— Его нет.

— И что говорит Генрих?

— Ничего. Он без сознания.

Лоу тихонько свистнул.

Все трое поспешно прошли в Ледяную пещеру.

Тело поляка лежало поверх спального мешка. Квадратное, изрытое глубокими морщинами лицо казалось окаменевшим. Глаза были закрыты, зубы сжаты, под ногтями проступила синева.

— Он жив, — сказал Рассел в ответ на испуганный взгляд Стонора, — но я не смог привести его в чувство.

Лоу наклонился над Ковальским, пощупал пульс, покачал рыжей головой.

— Скверно иметь кретина вместо врача.

— И все же от него здесь было бы больше пользы, чем от всех нас, вместе взятых, — заметил Стонор.

По телу поляка пробежала чуть заметная дрожь. Лоу протянул руку, хотел коснуться его лба, но от волос Ковальского с треском ударили синеватые искры. Лоу поспешно отдернул руку.

Стонор, Лоу и Рассел переглянулись.

— Это похоже на поражение током, — пробормотал Лоу. — Его тело наэлектризовано.

— Во всяком случае, это не радиоактивность, — сказал Стонор, поднося к неподвижному телу поляка индикатор. — Видите, стрелка не отклонилась.

— Подождите, — вдруг произнес Рассел.

Он нагнулся к аккумуляторам и выключил свет. Стонор и Лоу, склонившись над Ковальским, испуганно отшатнулись.

Брови, волосы и борода поляка в темноте засветились ярким фиолетово-синеватым светом. От его лица и одеж-

ды также исходило свечение, но более слабое. Казалось, на койке распростерт неподвижный фосфоресцирующий призрак.

Рассел снова включил свет. Сияние исчезло.

— Какая-то чертовщина, — неуверенно протянул Стонор. — Боюсь, что тут и Жиро будет бессилён. А как по-твоему, Джек?

— Нам, разумеется, неизвестна природа разряда, поразившего Генриха, — задумчиво ответил астроном. — Однако надо попробовать.

Он взял жестяную банку из-под консервов, которая стояла возле примуса, разрезал ее ножницами и распрямил в плоскую пластинку; отключил провод заземления радиостанции и присоединил его к пластине, затем растегнул меховой комбинезон поляка и осторожно коснулся пластиной обнаженной груди. Послышался тихий треск, сразу прервавшийся, едва пластина плотно легла на грудь Генриха.

Рассел прикрыл пластину комбинезоном и знаком позвал Лоу:

— Держите.

Метеоролог без слов повиновался. Рассел снова включил освещение. Теперь засветилась не только неподвижная фигура поляка, но и медный провод, уходящий к металлическому штырю, глубоко вбитому в лед. Вскоре начал фосфоресцировать и лед вокруг штыря. По мере того как фиолетовое пятно на ледяном полу пещеры становилось шире, свечение тела поляка стало ослабевать.

— Все правильно, — негромко сказал Лоу. — Молодчина, Джек!

Щелкнул выключатель. Вспыхнула лампочка под ледяным потолком.

— Ловко придумано, — подтвердил Стонор, наблюдая, как зеленоватая бледность исчезает с неподвижного лица поляка. — Разряд, без сомнения, уходит в лед. Однако какова природа этого странного поражения?

— И, главное, каковы будут последствия? — заметил Лоу.

— Не кажется ли тебе, Джек, что это могли быть какие-то земные токи, связанные со вчерашним необычайно интенсивным полярным сиянием? — спросил Стонор.

— Нет.

— Но тогда что?

— Не знаю.

— Бесполезно заставлять астронома фантазировать, — сказал Лоу. — Лучше фантазируй сам. Это твоя специальность, Ральф.

— Не остроумно, — обиделся геолог. — И должны же мы в конце концов установить, что здесь происходит.

— Давайте лучше проверим метод лечения, — предложил Лоу. Он поднес руку к волосам поляка. — Не искрит... Свет, Джек.

В наступившей темноте свечение тела было уже почти неразличимо.

— Кажется, обморок переходит в сон, — сказал Рассел, прислушиваясь к дыханию поляка.

— Превосходно! Тогда выкладывай, где ты его нашел, Джек.

— В ста семидесяти метрах отсюда, у разветвления штольни, прорубленной в рудной жиле.

— У разветвления... штольни? — поднял брови Стонор. — Ты тоже считаешь, что в жиле есть древние выработки?

— Да. Целая система выработок, образующих геометрически правильную сеть.

— Похоже, что на твоём месторождении кто-то уже ковырялся, Стонор, — насмешливо заметил Лоу.

— Похоже, что мы все постепенно сходим с ума! — крикнул геолог. — Здесь не может быть никаких горных выработок. Понимаете? Никаких... Мы — первые люди, проникшие в эту часть антарктического континента.

— Тогда остается предположить, что выработки пройдены пингвинами или теми обезьяноподобными призраками, которые навели нас сегодня ночью.

— Кем они пройдены, попробуем установить позже, — сказал Рассел. — Один из наших товарищей еще находится там. Вероятно, с ним случилось то же, что с Генрихом.

— Джек прав, — нахмурился Лоу. — Надо действовать, а не болтать. Стонор, мы ждем твоих распоряжений.

— Один из нас должен остаться с Генрихом.

— Превосходно... Оставайся ты, а мы с Джеком идем искать Тойво.

— Но я хочу сам посмотреть то, что Джек называет выработками.

— Тогда командуй, а не рассуждай!

— Пожалуй, останься ты, Фред, — поспешно сказал Стонор. — Кстати, надо исправить передатчик и установить связь с доктором. Никто не сделает это лучше тебя.

— Есть, шеф. И проваливайтесь быстрее под землю или под лед, если угодно, — вежливо предложил метеоролог, открывая люк ледяного тоннеля.

* * *

— Как далеко мы спустились, Джек?

— Я размотал около пятисот метров шнура. Если учесть повороты, мы находимся метрах в четырехстах по прямой от ледяной пещеры.

— Сколько шнура осталось?

— Еще столько же.

Рассел и Стонор медленно спускались по наклонному проходу, высеченному в сплошной толще лав. Черные стены выработки тускло блестели в лучах рефлекторов.

— Здесь поворот.

— Значит, мы шли рассечкой, ведущей к соседней жиле, Джек. Вот и она сама. Смотри, почти чистый уранинит.

Стонор с силой ударил молотком по гладкому потолку выработки.

— Хотел бы я знать, — каким инструментом пройдены эти штреки? Ни на одном руднике я не видел таких идеально гладких стен. Можно подумать, что их специально выравнивали и полировали.

— Или прорезали чем-то, что значительно прочнее этого камня, — заметил Рассел.

— Поразительно и то, — продолжал Стонор, — что они совсем не похожи на древние выработки. Я видел древние выработки в Нубии и в Тибете. То были дьявольские спиральные ходы, в которые едва мог протиснуться человек. А здесь идеальная планировка, ювелирная обработка камня, можно идти не сгибаясь. Если бы мы не находились в центре Антарктиды, я бы сказал, что весь этот лабиринт пройден не более десятка лет назад. Но,

признаться, я затруднился бы назвать самый ультрасовременный рудник в Соединенных Штатах, на котором имеются такие совершенные подземные выработки. Тут не хватает лишь электричества. Даже система вентиляции сохранилась. Повсюду ощущается ток свежего воздуха.

— Снова поворот и спуск вниз.

— Похоже, что этому лабиринту не будет конца, Джек. Мы уже опустились значительно ниже дна ущелья. Странно, что не повышается температура.

— Вероятно, это результат хорошей вентиляции.

— Стоп; дальше хода нет. Впереди лед. Откуда он мог взяться на такой глубине?

Стонор тщательно обследовал ледяную пробку, преградившую путь, отколол кусок льда, вглядывался в искристый, зеленоватый излом.

— Еще одна загадка, Джек. Этот лед, вероятно, проник в выработки с поверхности. Значит, одно из входных отверстий лабиринта было перекрыто льдом. Скорее всего ледником, заполняющим теперь ущелье. Лед, как известно, способен течь. Поток твердого льда, постепенно двигаясь вниз по выработкам, затек до этих глубин. Но это означало бы... — Стонор умолк, многозначительно поглядывая на астронома.

— Что выработкам не десяток, а сотни лет, — спокойно сказал Рассел.

— Нет. Это означало бы, что выработки пройдены до последнего оледенения Антарктиды, то есть несколько десятков тысяч лет тому назад.

Рассел шевельнул бровью, но промолчал.

— Тебя это не удивляет, Джек?

— Сам вывод несколько удивляет, но...

— Тс! Ты слышал?

Оба замерли, прислушиваясь. Что-то, похожее на шипение, донеслось издали.

— Ветер?

Рассел предостерегающе поднял руку. Шипение повторилось ближе. Потом послышался тихий шорох, напоминающий шаги.

— Это Тойво; идем скорее, Джек. Хэлло, Тойво!..

— Тс! — сильная рука Рассела зажала Стонору рот. — Ни слова, Ральф. Гаси рефлектор.

Их окутала тьма.

— Джек, ты сошел с ума...

— Ни слова, — прошептал астроном. — Здесь гораздо больше непонятого, чем ты думаешь. Непонятого и, может быть, опасного...

Щелкнул предохранитель автоматического пистолета.

— Не вздумай стрелять, Ральф. Мы еще не знаем, что там.

Стонор опустил пистолет. В окружающем непроглядном мраке теперь царила абсолютная тишина.

Ждали долго. Из лабиринта ходов больше не доносилось ни одного звука.

— Может, нам показалось, Джек?

Рассел не ответил.

— Надо возвращаться. На сегодня хватит.

— А Тойво?

— Может быть, он уже ждет нас в пещере.

— Едва ли.

Рассел включил рефлектор. Обратно шли медленно. Останавливались, прислушивались и снова шагали вдоль тонкого нейлонового шнура — единственной нити, связывающей их с выходом из подземного лабиринта.

В стенах темнели бесчисленные отверстия — входы в боковые коридоры. Одни уходили куда-то в стороны, другие вели наверх, третьи круто спускались вниз.

Рассел шагал впереди, на ходу сматывая шнур. Вдруг астроном резко остановился. Стонор понял — что-то произошло.

— В чем дело?

Рассел обернулся. Слепленный светом его рефлектора, Стонор зажмурил глаза. Первое, что он увидел, когда открыл их, был конец шнура в руках Рассела. Шнур был оборван. Ни в одной из четырех выработок, уходящих от места обрыва, продолжения шнура не было видно.

— Очень странно, — тихо сказал астроном, разглядывая конец шнура.

— Может быть, случайный обрыв? — неуверенно предположил Стонор. — Трудно усмотреть в этом дело человеческих рук.

— Человеческие руки вообще не разорвали бы такого шнура. Он выдерживает нагрузку в пятьсот килограммов.

Стонор попробовал руками крепость шнура.

— Пожалуй, ты прав. И все же он разорван. Что нам теперь делать?

— Искать выход.

— Но как?

— Оставайся здесь, а я осмотрю разветвления тоннеля. В одном из них должен находиться второй конец шнура.

— Но ты можешь заблудиться...

— Я захвачу оставшийся у нас шнур. Мы будем связаны им. Держи оборванный конец, Ральф.

Рассел исчез в левом ответвлении штольни. Через несколько минут он возвратился.

— Там тупик. Тоннель перекрыт льдом. Теперь посмотрим следующий...

— Подожди Джек, — тихо сказал Стонор. — Пока

тебя не было, я... Одним словом, шнур не оборван... Кто-то перегрыз его. Это ловушка. В лабиринте скрываются какие-то живые существа.

* * *

Лоу долго возился с ремонтом радиопередатчика. Пришлось менять лампы и несколько пробитых конденсаторов.

— Можно подумать, что в него угодил такой же разряд, как в Генриха, — пробормотал метеоролог, отодвигая в сторону ворох замененных деталей. — Чудо, если после такой операции, он заработает.

Передатчик заработал. Лоу удовлетворенно хмыкнул, напяливая наушники, повернул ручку настройки. И сразу же в шорох далеких станций ворвался пронзительный тенор доктора:

— Ледяная пещера, алло, Ледяная пещера, почему не отвечаете? Отвечайте! Перехожу на прием.

«Вот разверещался», — с раздражением подумал Лоу, щелкая переключателями.

— Ледяная пещера слушает! — крикнул он в микрофон. — Как у тебя дела, Красная Шапочка?

Выслушав встревоженный писк доктора, Лоу коротко рассказал, что произошло.

— Ты уверен, что он спит? — спросил после краткого молчания доктор.

Лоу мельком оглянулся на Генриха.

— Спит с заземлением в объятиях и даже чуть похрапывает... Не слышишь меня? Помехи? Вот черт! — Лоу хлопнул себя по лбу. — Забыл о заземлении. Минуту, Красная Шапочка, кое-что надо доделать.

Метеоролог снял наушники и подсоединил провод к штырю заземления. Послышался треск — и зеленый глазок передатчика погас. Передатчик снова вышел из строя.

Лоу поспешно вырвал из гнезда шнур заземления. На конце шнура с треском полыхнула зеленая искра. В воздухе резко запахло озоном.

Метеоролог отер ладонью влажный лоб.

«Что это могут быть за разряды? Неужели придется повторить всю трехчасовую работу?»

Он осторожно потрогал ладонью пол возле штыря за-

земления. Показалось, что ладонь чувствует покалывание. А может, так ощущался холод?

На всякий случай Лоу снял металлическую пластинку с груди Генриха, прислушался к дыханию спящего, попробовал пульс. Дыхание было ровным, пульс почти нормальным.

Лоу снова принялся за передатчик. На этот раз вышли из строя только предохранители. Метеоролог быстро заменил их и вскоре снова услышал призывы доктора:

— Ледяная пещера, алло, Ледяная пещера...

— Я тебя слышу, Красная Шапочка... Ничего особенного. Сгорели предохранители. Кстати, отключи заземление. Пусть будет хуже... Так надо...

— Солнце садится. Через полчаса будет совсем темно. Что мне делать? — спрашивал доктор.

— В восемнадцать ноль-ноль сними показания метеоприборов. Попробуй передать метеосводку, съешь обед и садись возле передатчика. Если до двадцати четырех ноль-ноль я тебя не вызову, снова проведи метеонаблюдения и ложись спать. Если постучится серый волк, не открывай... Разговор окончен. Как понял?

Не дослушав сетований доктора, Лоу отложил наушники.

«Долго же не возвращаются Рассел и Стонор. Не случилось ли чего?»

Лоу поднял крышку люка и прислушался. В ледяном коридоре было тихо.

Не закрыв люка, метеоролог присел на ящик возле койки. Сказывалась бессонная ночь. Хотелось спать. Незаметно он задремал.

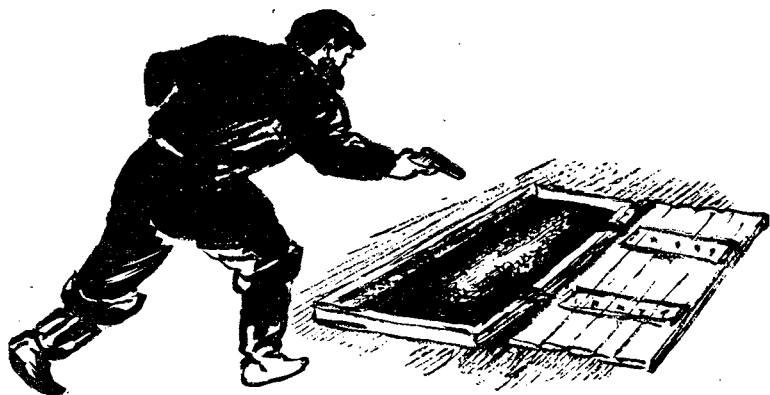
Разбудило его чье-то прикосновение. Лоу вскочил. Генрих сидел на койке и что-то бормотал.

Лоу с трудом разобрал слово: «Радио», поспешно обернулся к передатчику. Из наушников доносился отчетливый шорох. В трескотне и свисте помех Лоу едва различил голос доктора. Станный, постепенно нарастающий вой неся из эфира, заглушал слова, которые кричал в микрофон Жиро.

— ... Сломали... напали... о господи.

— Ключ, передавай ключом, Рысь! — крикнул Лоу и сам перешел на ключ.

Ответа не последовало. В вое, несущемся из наушников, уже ничего нельзя было разобрать.

Лоу глянул на часы. Девять. Ночь наступила, а Рассела и шефа все нет. И у доктора что-то случилось... А может, он снова напился?

Восклицание Генриха заставило Лоу быстро оглянуться. Из открытого люка струился неяркий фиолетово-зеленоватый свет. Лоу стремительно вскочил, опрокинув табурет, нащупал в кармане комбинезона рукоятку пистолета. Полоса фиолетового света становилась все ярче.

— Кто там? Стоять! — крикнул Лоу, наводя пистолет на отверстие люка. Ответа не последовало, однако свет начал постепенно бледнеть.

— Стоять! — повторил Лоу, делая шаг к люку и заглядывая в него.

В ледяном коридоре никого не было. Только где-то вдали бледнело, расплывалось неяркое фиолетовое пятно.

Лоу прицелился... и не выстрелил. Светящееся пятно исчезло. Метеоролог захлопнул крышку люка и задвинул ее тяжелым ящиком.

Генрих сидел на койке, свесив на пол одну ногу. Широко раскрытыми глазами глядел на Лоу.

— Кто... там... был? — Поляк с трудом выговаривал слова перекошенным ртом.

— Не разглядел, — ответил Лоу, прислушиваясь. — А ты? Что было с тобой?

— Не... помню... странно... Я, кажется, отлежал... руку и... ногу... не чувствую...

Резкий стук не дал ему кончить.

Ящик, которым был привален люк, шевельнулся.

Ковальский попытался приподняться, но со стоном откинулся на подушку.

— Спокойно, Генрих. — Лоу шагнул к койке и заслонил собой товарища.

«Держись, Фред, — мысленно подбодрил себя. — Трус умирает тысячу раз, храбрец — только один раз. Сейчас узнаем, что за дьявольские твари ползают тут в темноте и действуют всем нам на нервы».

В стене сверкнула полоса света. Люк медленно открывался. Лоу поднял пистолет и приготовился выстрелить.

* * *

Стонор первым подкатил к главному входу Большой кабины. Снег возле входа был расчищен, однако обледевшая дверь оказалась запертой.

Стонор облегченно вздохнул:

— Наконец-то дома. . .

Там, в Ледяной пещере тоже был «дом», но после приключения в подземном лабиринте, а особенно после ночи, проведенной в ожидании таинственного врага, этот ледяной дом был полон непонятной угрозы.

«Вообще в событиях последних дней много загадочного и необъяснимого, — подумал Стонор. — Не вызывают сомнений в своей реальности только четыре факта: открытие огромного месторождения урана, обнаружение древних выработок, исчезновение Латикайнена и тяжелый паралич Ковальского. Остальное находится на грани фантазии и может оказаться просто галлюцинациями.

После долгих месяцев зимовки у всех напряжены нервы.

Лоу и доктору померещился в темноте какой-то мохнатый призрак. Им с Расселом почудился шум в подземном лабиринте. . . И еще эта поразительная история со шнуром, которая могла окончиться трагически, а теперь выглядит каким-то бредом. . .»

Когда Стонор предположил, что шнур перегрызен, они с Расселом решили не разлучаться и продолжать поиски выхода совместно. Они придавили конец шнура рюкзаком с образцами, прошли через второй коридор и очутились в огромной камере, через которую раньше не про-

ходили. Пришлось возвратиться к перекрестку, где был оставлен рюкзак.

И вот здесь их ожидала новая загадка. Шнур, вдоль которого они возвратились, не кончался под рюкзаком, а тянулся дальше в один из коридоров. Они даже не нашли места обрыва. Рассел, впрочем, начал уверять, что на шнуре появилось утолщение, которого раньше не было, однако и на месте утолщения не оказалось никаких следов обрыва. Двигаясь вдоль шнура, они благополучно достигли Ледяной пещеры. Правда, здесь их чуть было не перестрелял Лоу, но, к счастью, Рассел успел крикнуть, что идут свои. Ночью, разумеется, никто не сомкнул глаз. Рассел снова и снова перематывал шнур, пытаясь найти место, где ему почудился обрыв, а Лоу копался в умолкнувшем передатчике.

К счастью, ночь кончилась, а здесь на главной базе все, кажется, обстоит благополучно.

Стонор постучал лыжной палкой в обледеневшую металлическую дверь.

В чистом морозном воздухе раннего антарктического утра удары прозвучали, как гонг. Однако за дверью никто не отозвался. Стонор ждал, закусив губы. Подъехал Рассел, волоча санки с Генрихом.

— Спит он, что ли? — раздраженно проворчал Стонор, снова принимаясь колотить палкой в дверь.

За дверью по-прежнему было тихо.

— Что вы подняли такой трезвон? — крикнул Лоу, который задержался возле метеорологической будки. — Бьюсь об заклад, что господин доктор ночью не высывал носа наружу. У будки ни одного следа. Плакали наблюдения...

— На рассвете мело, — заметил Стонор. — Следы могло занести.

— Эй, Красная Шапочка, вставай, бабушка приехала! — заорал Лоу и, вложив два пальца в рот, пронзительно засвистел.

Однако и после этого разбойничьего свиста, сопровождаемого дробью палочных ударов по металлической двери, никто не отозвался.

— Может, с ним что-то случилось, — встревоженно произнес Стонор. — Такой шум поставит на ноги даже мертвецы пьяного... Придется ломать дверь.

— Подождите, — вмешался Рассел. — Дверь еще по-

надобится. В погребке под метеобудкой есть запасной радиопередатчик.

— Идея! — крикнул Лоу. — Попробуем начать переговоры по радио.

Метеоролог возвратился через несколько минут, таща маленький блестящий ящичек. Сдвинув меховую шапку набекрень, прижал к уху один наушник. Вспыхнул зеленый глазок на панели передатчика. Лоу уже открыл рот, чтобы произнести позывные, но вдруг вытаращил глаза и застыл в недоумении.

— Ну что там еще такое, Фред? — испуганно спросил Стомор, переставая долбить палкой в дверь. — Что случилось?

— Нет, вы послушайте только! — вырвалось у Лоу. — Возьмите наушники. Что за кретин!..

Стомор торопливо схватил наушники.

— Алло, Ледяная пещера, Стомор, Рассел, откликнитесь! — явственно услышал он прерывающийся шепот доктора. — Святая Тереза Лиможская, дева Мария, в ваши руки... алло, перехожу на прием...

— Скорее, Фред, он перешел на прием.

Лоу откашлялся и пустил в эфир такой набор замысловатой брани, что Стомор отвернулся, а Рассел принял-ся смущенно тереть бороду.

— Ты меня понял, Красная Шапочка? — спросил в заключение Лоу. — Перехожу на прием.

— Слышал, понял, слава создателю, — слышался в наушниках голос доктора. — Ради бога, скорее, Фред! Они держат меня в осаде с вечера.

— Кто они?

— Призраки. Только что они пытались сломать дверь. Лоу яростно махнул рукой.

— Слушай ты, лиможская обезьяна! — заорал он в микрофон. — Ступай на кухню, умойся и сейчас же открой входную дверь. Мы торчим здесь больше часа. Ты понял меня?

В наушниках стало тихо.

Лоу снова щелкнул переключателем.

— Ты понял меня?

Из наушников явственно донеслось приглушенное дыхание доктора. Однако он молчал. Лоу приготовился в третий раз повторить свой вопрос, но в это время доктор кашлянул и, заикаясь, сказал:

— Я н-не совсем п-понял... Где вы т-торчите б-больше часа?

— Влезь на койку Джека, загляни в перископ и посмотри, где мы торчим.

— Я не могу последовать т-твоему с-совету, Фред. Они с-сломали перископ и, кажется, унесли его с собой.

Лоу бросил быстрый взгляд на снеговой бугор, под которым находилась Большая кабина, и убедился, что трубы перископа там действительно нет.

— Тогда постарайся понять. Мы стоим под дверью Большой кабины, в десятке метров от тебя. Стучим не меньше часа, а ты молишься по радио Терезе Лиможской вместо того, чтобы открыть дверь. С нами раненый Генрих. Понял ты наконец?

— Понял, — невнятно донеслось в микрофон.

Прошло еще несколько минут. Наконец за дверью в глубине коридора послышалось движение. Доктор, кра-

дучись, поднимался по лестнице. Не дойдя до самого верха, он остановился и, видимо, стал прислушиваться.

Лоу зло откашлялся.

— Кто там? — донеслось из-за двери.

— Доктор, ваши предосторожности бесспорно хороши, — крикнул Стонор. — Но всему должна быть граница. Открывайте.

За дверью послышалась возня. Видимо, доктор разбирал баррикаду. Потом звякнули металлические засовы. Дверь дрогнула и чуть приоткрылась.

В образовавшейся щели блеснули очки доктора.

Лоу, стоявший возле двери, толкнул ее плечом. Дверь распахнулась. Ослепленный солнцем и блеском снега доктор, шурясь, отступал в глубину коридора, выставив перед собой длинную стальную острогу. Из карманов его халата торчали рукоятки пистолетов. За поясом был заткнут широкий нож для разделки китовых туш.

— Нет, вы посмотрите на него! — воскликнул Лоу, на всякий случай выставляя вперед лыжную палку, чтобы отразить возможный удар остроги.

— Боже мой, Фред, дорогой! — воскликнул Жиро, отбрасывая острогу и раскрывая объятия.

— Легче на поворотах, Красная Шапочка! — предупредил Лоу. — Целоваться будем после завтрака, а сейчас помощи втащить Генриха. Он парализован.

* * *

После завтрака собрались на «военный совет».

— Сейчас главное — исчезновение Латикайнена и болезнь Ковальского, — сказал Стонор. — Это вещи реальные. И о них мы должны прежде всего подумать... Каковы ваши соображения?

— Надо сообщить по радио об исчезновении Тойво и просить помощи, — предложил Лоу. — До ее прибытия самим продолжать поиски в лабиринте.

— В первой части твое предложение нереально, Фред, — возразил Стонор. — Никто в это время года не пошлет самолета в Антарктику. Кроме того, у нас не хватит сил приготовить посадочную площадку для тяжелого самолета. Не забывай, что нас забросили сюда вертолетами. Что же касается поисков Тойво в лабиринте, — я... считаю их бесполезными. Генрих, до того как он по-

терял сознание, осмотрел верхнюю часть лабиринта. Мы с Расселом обследовали нижнюю. В лабиринте Тойво, по видимому, нет. Он не мог уйти один далеко от входа. Я предполагаю другое: Тойво возвратился, когда Генрих был в лабиринте. Обнаружив, что пещера пуста, а радио не работает, он попытался еще до прекращения пурги добраться до Большой кабины. Ведь он геолог: естественно, что он хотел скорее сообщить нам о месторождении... Тропу замело, он заблудился...

— Тойво — финн, и с его северной рассудительностью, пожалуй, не способен на такую выходку, — возразил доктор.

— Мне тоже кажется это мало вероятным, — заметил Лоу. — Нет никаких доказательств, что он выходил из пещеры.

— Следы у входа. Мы с Джеком видели их.

Лоу с сомнением качал головой.

— Твое мнение, Генрих? — спросил Стонор.

— Не... знаю... — с трудом ворочая языком, прошептал поляк. — Я помню все... смутно... Какая-то... завеса... тут. — Он коснулся здоровой рукой лба. — Все... стараюсь вспомнить... и... не могу...

— Это пройдет, — поспешно сказал доктор.

— Возможно... Не знаю... Тойво был... хорошим то-варищем...

Наступило молчание

— Есть еще одна вполне реальная вещь, — сказал вдруг Рассел. — Таинственные аборигены Земли королевы Мод.

— Но, Джек, — перебил Стонор, — неужели и ты?..

— Да. Разорванный и непонятным образом соединенный шнур и исчезнувший перископ — вещи реальные. Они не могут быть делом «призраков», о которых твердит доктор.

— Со шнуром у нас была галлюцинация.

— Допустим. А перископ?

— Они утащили его, это ясно, как диагноз насморка, — сказал доктор. — Всю ночь они бродили вокруг Большой кабины и возились возле дверей. Это была ужасная ночь.

— Ну все-таки, кто «они»? — с раздражением спросил Стонор. — Вы даже не можете объяснить, как они выглядят.

— Разумеется, я не мог разглядеть их как следует. В перископ были видны только тени. Не забывайте, что сильно мело. Но я хорошо слышал шаги, удары в дверь. Когда они приближались к двери, она даже изнутри начинала светиться.

— Светиться?

— Да, фиолетовым светом. Поэтому я построил баррикаду.

— Это очень странно, — заметил Лоу. — Оказывается, у нас были одинаковые галлюцинации. В Ледяной пещере мы с Генрихом тоже видели фиолетовое свечение. Я даже хотел стрелять в него...

— Ты хотел стрелять и в меня с Джеком, когда мы возвратились, — проворчал Стомор. — Это доказывает лишь, что у всех у нас не в порядке нервы.

— Это доказывает, что возле нашей зимовки происходит нечто, чего мы пока не в состоянии понять, — тихо сказал Рассел. — Непонятное нельзя сбрасывать со счетов.

— Что же ты предлагаешь, Джек?

— Выход один. Мы столкнулись с явлениями, которых не можем объяснить, нашли объекты, которые не можем до конца исследовать. При неясных обстоятельствах исчез наш товарищ. Выход один, Ральф. Надо связаться с советской станцией. Они недалеко. У них есть самолет.

— Никогда! — закричал Стомор. — Никогда! Просить помощи от советских ученых! Ты забыл, что мы нашли огромное месторождение урана. Все что угодно, но не это.

— Постойте, Стомор, — поднял голову доктор. — Наш уважаемый звездочет прав. У русских есть хороший врач. Вдвоем мы могли бы быстрее помочь Генриху.

— Нет, — твердо повторил Стомор. — Забудьте об этой идее. Уж лучше просить помощи с континента.

— Стоит нам попросить помощи, Ральф, как первыми придут на помощь именно русские, — насмешливо улыбнулся Лоу. — Они ближе всех. Парни отзывчивые и... смельчаки, черт побери.

— Тогда будем выкручиваться сами, — запальчиво бросил Стомор.

Снова воцарилось молчание.

— Каков же план действий? — спросил наконец Лоу.

— Надо... продолжать... поиски... Тойво... —
внятно прошептал Ковальский.

Стоно́р закусил губы.

— Попробуем искать его на леднике... между Ледяной пещерой и Большой кабиной. В первую половину дня идем мы с Фредом; после обеда — Рассел с доктором. До темноты все должны быть в Большой кабине. Ночью дежурство по очереди. Джек, постарайтесь соорудить до ночи новый перископ с горизонтальным обзором.

— И с хорошим прожектором, — добавил Лоу.

Рассел молча кивнул.

— А что передать по радио? — спросил Жиро, сосредоточенно разглядывая свои ногти.

— Ничего... Или нет: сообщите, что во время пурги пропал геолог Тойво Латикайнен. Тело пока не найдено.

— И все?..

— Все.

Доктор сдвинул на лоб феску и покачал головой.

* * *

Поиски в окрестностях Большой кабины не дали результатов. Стоно́р и Лоу добрались еще раз до Ледяной пещеры. Там все было на своих местах. Записка, адресованная Тойво, по-прежнему лежала возле радиопередатчика. Стоно́р поднял крышку люка, ведущего в лабиринт, долго всматривался во мрак. В коридоре было темно и тихо, ощутимо тянуло морозным воздухом.

«Странно, что мы не нашли выходов из этого загадочного подземного царства, — подумал Стоно́р. — А они явно есть. Сквозняк слишком силен. Надо будет обязательно разыскать их...»

Послеобеденный маршрут астронома и доктора также оказался безрезультатным. Они в нескольких местах пересекли ледник, заглядывали во все трещины; удостоверились, что темные пятна, выступающие среди снега и фирна, являются лишь глыбами морены.¹ На обратном пути Рассел предложил подняться на высокое плато, ограничивающее ущелье с юга. Доктор, проклиная в душе длинные ноги астронома, согласился.

---

¹ Море́на — ледниковые отложения, состоящие из валунов и щебня.

С вершины плато открылся вид на много десятков километров вокруг. На северо-западе совсем низко над снеговым горизонтом висело неяркое оранжевое солнце. Густая синяя тень уже легла в долине. На юге за снеговыми волнами бескрайних белых увалов виднелись скалистые зубцы далекой горной цепи. Над ними в темнеющем небе висели вереницы радуг. Вихрь, летящий из глубин континента, уже поднял там в воздух мириады мельчайших снеговых кристаллов. Они преломляли солнечные лучи, образуя радужные пояса и своды.

— Надо возвращаться, звездочет, — поездиваясь, сказал доктор. — С юга идет ураган. И солнце заходит...

Рассел пристально всматривался в снежную равнину, раскинувшуюся на юго-восток от плато. Где-то там, на юго-востоке, пять дней назад упали остатки болида... Болида?...

— Если бы у нас был самолет, — тихо сказал астроном.

— О, — оживился доктор, — самолет! Можно было бы улететь в Рио-де-Жанейро. Я хотел сказать, отправить туда Генриха, — поправился он, заметив удивленный взгляд Рассела.

С последними лучами солнца доктор и астроном подъехали к Большой кабине. Лоу копался возле метеобудки. Стомор прилаживал прожектор к новому перископу.

На вопрос Стомора Рассел отрицательно покачал головой.

— А у нас новость, — зло прищурился Стомор. — Радиограмма от русских. Предлагают помощь. Видимо, слышали наше радио.

— Что ты ответил?

— Поблагодарил, просил не беспокоиться.

Рассел отвернулся и молча прошел в открытую дверь Большой кабины.

Вопреки предсказаниям доктора, ночь прошла спокойно. Ветер переменял направление и пригнал вереницы облаков. Столбик ртути в термометре поднялся до минус десяти градусов.

— Снаружи жара, — объявил Лоу, возвращаясь в полночь с метеоплощадки. — Тишина... Ни ветра, ни призраков... И такое полярное сияние, — сквозь облака видно.

Доктор смущенно кашлянул.

По очереди дежурили у перископа, освещая окрестности зимовки сильным лучом прожектора. Каждый час дежурные поднимались вверх, обходили вокруг Большую кабину и метеоплощадку. Под утро снова налетел ветер, поднял в воздух снежную пыль. Температура упала.

— Через три часа рассвет, — сказал Стомор, дежуривший в последнюю смену. — Видимо, «призраки» решили оставить нас в покое. Запремся покрепче — и спать... Можно опустить перископ и выключить прожектор.

С восходом солнца пурга улеглась. Около девяти часов утра Лоу открыл главный вход и принялся расчищать дорожку к метеоплощадке.

Возле будки с приборами лопата попала на что-то твердое. Лоу копнул глубже и вытащил трубу перископа. Метеоролог растерянно оглянулся. Над снежным куполом Большой кабины ярко блеснул объектив второго перископа, только что выдвинутого Расселом.

— Так, — процедил сквозь зубы метеоролог, — ко всем прочим талантам, он еще и актер...

Взвалив на плечо перископ, Лоу решительно зашагал в Большую кабину.

На шум, поднятый разъяренным метеорологом, в салоне собрались все обитатели зимовки.

— Мошенник, фигляр! — кричал Лоу, тыча под нос доктору обледеневшую трубу. — Я отучу тебя издеваться над товарищами!..

— Подожди, Фред, при чем тут я! — бормотал доктор, поспешно отступая в угол салона. — Стонор, Рассел, держите его, он убьет меня!..

— Разреши, — негромко сказал Рассел, отстраняя метеоролога и беря у него трубу.

— Я заставлю тебя проглотить свою феску, — продолжал кричать Лоу, пытаясь поймать доктора за воротник.

— Успокойся, Фред, — вмешался Стонор. — Как, доктор, неужели вы решились на эту неумную шутку?

— Я... я... — твердил совершенно ошеломленный Жиро.

— Комедиант, клистирная трубка, лиможский попугай!..

— Хэлло, Фред, не торопитесь. — Тон, которым Рассел произнес эти слова, заставил всех замолчать. — Вот нижний конец перископа, который я вчера вынул из штатива.

— Ну?

Рассел вместо ответа приложил нижний конец прибора к обледеневшей трубе, принесенной метеорологом.

— Ну? — все еще не понимая, повторил Лоу.

— Верхняя часть перископа вырвана; не вынута, не вывинчена, а вырвана. Трубу разорвали. Ни у доктора, ни у нас всех вместе взятых, не хватило бы для этого сил.

— О, черт! — пробормотал Лоу, убедившись, что Рассел прав.

Доктор сообразил, что сейчас самый подходящий момент для реванша.

— А, разбойник! — завопил он, размахивая руками. — Ты чуть не задушил меня! Помесь павиана с навозным жуком! Ржавый флюгер! Я оскорблен как француз, как ученый, как человек. Я...

— Извини меня, Красная Шапочка.

— Я тебе не Красная Шапочка, а доктор медицины!..

— Джентльмены! — вмешался Рассел. — Отложите выяснение ваших отношений. Надо немедленно осмотреть место, где был найден перископ.

* * *

— Совершенно ясно, что вчера его здесь не было, — объявил Стонор, когда осмотрели место находки. — Если бы Фред был внимательнее, он сразу заметил бы это. Перископ принесен ночью, скорее всего под утро, во время пурги.

— Что же все это означает? — пробормотал Лоу.

— Следы! — вдруг крикнул доктор с купола Большой кабины. — Следы на снегу возле перископа. Идите сюда!..

Стонор, Лоу и Рассел поспешили к тому месту, где стоял доктор. Цепочка темных углублений на искрящемся снежном покрове ни у кого не вызвала сомнений.

— Следы ног, — задумчиво проговорил Стонор. — Ночной гость, видимо, обошел вокруг перископа, а следы сохранились лишь на подветренной стороне купола.

— Может быть, это наши следы? — заметил Лоу.

— Разве ночью кто-нибудь из вас приближался к перископу? — спросил Стонор.

Все отрицательно покачали головами.

— Стойте! — крикнул вдруг Стонор. — А не кажется ли вам, что вот это углубление напоминает след босой ноги? И это тоже...

— Пожалуй, верно, — согласился доктор. — Вот отпечаток большого пальца, вот еще палец, а здесь пятка.

— Это такие же следы, какие мы видели позавчера у входа в Ледяную пещеру, — сказал Рассел. — К сожалению, мы затоптали их, не успев как следует рассмотреть.

Стонор опустился на колени, внимательно разглядывал следы. Потом он тихо рассмеялся.

Лоу и доктор удивленно переглянулись.

— Друзья мои, все ясно, — торжественно объявил Стонор. — Точнее, перед нами еще одна удивительная загадка Антарктиды... Это следы йети — таинственных снежных людей, которые, по мнению некоторых ученых, населяют высокогорные области Гималаев. В настоящее

время в Гималаях йети, по-видимому, стали величайшей редкостью. Никто из европейцев их вообще не видел. Однако я сам лично наблюдал такие же следы на перевале Донкья-Ла, на запад от Эвереста, несколько лет тому назад. К двум величайшим открытиям мы можем добавить еще и третье: в Антарктиде сохранились предки человека. И нам необходимо поймать хотя бы одного из них.

— Судя по тому, что они без труда рвут на части металлические трубы, это будет нелегко, — покачал головой доктор.

— Или убить!.. Это сенсация: йети на Земле королевы Мод. Я не знаю, что произведет большее впечатление: древние выработки или древние человекообразные обезьяны, открытые нашей экспедицией в глубине антарктического континента.

— Или уран, — заметил Лоу.

— Об уране придется молчать, Фред, — вздохнул Стонор, — но уж зато йети...

— Можно дать о них корреспонденцию по радио? — оживился доктор.

— Ни в коем случае. Сначала надо заполучить живого или мертвого йети. Если поднять шум раньше времени, нас могут опередить. В нашем распоряжении около трех месяцев до конца зимовки. Может, нам посчастливится и добудем не одного, а несколько экземпляров. Думаю, что чучело йети будет стоить не меньше миллиона долларов.

— Значит, йети утащили вчера перископ, а сегодня ночью вернули его? — спросил молчавший все это время Рассел.

— Убежден, что именно так и было.

— А зачем им это понадобилось?

Стонор опешил:

— Но... позволь, мой дорогой, откуда я могу знать, чем руководствуются в своих действиях антарктические обезьяны?.. Интересно, а что ты думаешь?

— Думаю, что любую гипотезу надо сначала привести в соответствие с фактами и логикой.

— В ближайшие дни ты убедишься, Джек, что это отнюдь не гипотеза. А что касается логики... Фред, не будешь ли ты так любезен принести кинокамеру? Надо быстрее сфотографировать эти следы.

Три дня зимовщики Большой кабины, подгоняемые нетерпеливым Стоном, охотились на таинственных аборигенов Земли королевы Мод.

Погода благоприятствовала поискам. Солнце с каждым днем поднималось все выше. Ветра не было. Даже ночью температура не падала ниже двадцати градусов мороза.

Из ангара были извлечены аэросани, и Рассел, воспользовавшись обстановкой, совершил далекий маршрут на юго-восток, туда, где, по его предположениям, должен был упасть гигантский болид. Однако ни места падения болида, ни йети, ни даже их следов обнаружить не удалось.

На снежном покрове зимовщики встречали лишь заструги да борозды, оставляемые полозьями аэросаней. Снеговые люди словно провалились под землю.

— Три дня не было пурги, — говорил Стоно, возвращаясь вместе с Расселом на аэросанях из очередного маршрута. — Следы, оставляемые ими, должны были бы сохраниться, а тут... нигде ничего. И, главное, они перестали по ночам приближаться к Большой кабине. В чем дело?

— Может быть, они появляются только в непогоду, — заметил астроном, резко тормозя аэросани перед полосой обледеневших заструг.

— Странная мысль!

— Но фактически так и было, — продолжал Рассел. — Даже в ту последнюю ночь они, видимо, появились лишь под утро, когда разыгралась пурга и мы пошли спать. И все более ранние признаки их визитов совпадали с непогодой. Надо подождать пурги, Ральф.

Аэросани выкатились на невысокое плато, ограничивающее с севера ущелье Ледяной пещеры. Внизу, в конце пологого склона, появились, словно из-под снега, вершины мачт Большой кабины.

Возле метеобудки их встретил Лоу.

— Как дела, Фред? — спросил Стоно, когда затих мотор и осела снежная пыль, поднятая мощным винтом аэросаней.

— Ничего нового. Впрочем, нет. Генриху стало хуже.

Доктор говорит, что паралич быстро прогрессирует. Кажется, нам предстоит потерять и второго товарища, Стонор.

— В Ледяной пещере были?

— Да. Там все по-старому. Я даже рискнул спуститься метров на триста в лабиринт.

— Один?

— Доктор сторожил у открытого люка, и мы все время аукали, как в лесу.

— Ну и что?

— Страшновато было, но в общем ничего интересного.

— А как погода, Фред?

— Барометр падает.

— Будет пурга?

— По-видимому.

— Рассел считает, что это к лучшему.

— По-моему, тоже. По крайней мере, отдохнем от бесцельного блуждания по снегу. Я устал за эти дни, как пехотинец после форсированного марша.

После ужина доктор позвал Стонора в кухню.

— Надо что-то срочно предпринимать, шеф!

— Вы о чем? — спросил Стонор, глядя в сторону.

— О Генрихе, конечно. Если так пойдет дальше, он не протянет и трех дней.

— Вам виднее...

— Но я бессилен! — крикнул доктор. — Понимаете, бессилен! Я испробовал все, что имею. Чтобы лечить, надо знать источник поражения. Это не молния, во всяком случае не обычная молния и не радиоактивное излучение. Я не умею творить чудеса...

— Ну, а что вы хотите от меня?

— Не понимаете? — зло прищурился Жиро.

— Нет.

— Разрешения связаться с советской станцией. Возможно, что и их врач будет бессилен, но это последний шанс сохранить Генриху жизнь.

Стонор насупившись молчал.

— Вы не имеете права отказываться! Если он умрет, грех ляжет и на вас.

Стонор усмехнулся.

— Что изменится, если он умрет на руках советского врача?

— Во всяком случае, будем знать, что испробовали все средства, какие были доступны.

— Слабое утешение.

— Может быть. Но шансы есть. Я знаю, что русские в последние годы добились больших успехов при лечении всякого рода параличей. Врач советской станции — известный ученый. Не то, что я...

Стопор снова усмехнулся, похлопал Жиро по плечу.

— Кого ты хочешь обмануть, Ришар?

— Обмануть?

— Вся твоя дипломатия не стоит горсти снега. Хочешь избавиться от ответственности. Иметь возможность сказать: «Я не один провожал его в лучший мир. Мы посоветовались с коллегой». Успокойся, никто не станет винить тебя, если он умрет.

— Ты можешь как угодно истолковать мою настойчивость, Стопор, — тихо сказал доктор. — Даже таким образом или еще хуже. Когда я трезв, я слишком низко ценю себя, чтобы обижаться на такое... Подумать, какая бездна подлости заключена в каждом из нас!.. Впрочем, это даже к лучшему, что мы так хорошо узнали цену друг другу. Можно отбросить условности, именуемые тактом. Итак, я жду ответа, Стопор, но прямо, без уверток.

— Этот тон вам не идет, доктор. Вы перестаете быть самим собой.

— Это не ответ.

— А другого и не будет. Занимайтесь сами своим больным. А остальное предоставьте провидению.

— Значит, отказываетесь?

— Считаю это бесполезным.

— А я, как врач, считаю это необходимым.

Круглое лицо и жирный затылок Стопора начали краснеть.

— Если мне не изменяет память, начальником зимовки являюсь я.

Доктор печально потряс головой.

— Увы! Именно поэтому я и обратился к вам.

— Довольно. Я считаю вопрос исчерпанным.

— А я нет. — Голос доктора стал визгливым и резким. — И я вынужден предъявить ультиматум. Если до утра вы не согласитесь, я сам обращусь по радио к зимовщикам станции Лазарев.

- Не посмеешь.
- Посмею. Имей в виду, что Рассел на моей стороне.
- А Лоу на моей... Подумай о последствиях, Жиро!

* * *

Пурга началась вскоре после наступления темноты. Сила ветра увеличивалась с каждым часом. К полуночи над Большой кабиной бушевал редкий по силе ураган. Сорвало прожектор, залепило снегом объектив перископа. Рассел попробовал опустить трубу, но ее согнуло ветром и накрепко заклинило в держателе.

Помехи прервали радиосвязь. Доктор не выходил из кабины, в которой лежал Генрих. Больной уже не мог говорить. Только блестящие глаза и легкое подергивание правой стороны лица свидетельствовали, что жизнь еще не совсем покинула его парализованное тело.

Лоу и Стонор, пытавшиеся совершить очередной обход вокруг купола Большой кабины, возвратились облепленные снегом с ног до головы.

— Бесполезно, — прохрипел Лоу. — Невозможно удержаться на четвереньках, да и видимость — абсолютный ноль. Можно столкнуться нос к носу с этими самыми йети и не разглядеть их. Неважная погодка для охоты на снежных людей.

— А не устроить ли засаду в кабине аэросаней? — предложил Стонор. — Они крепко привязаны. Из кабины хороший обзор, а если включить подогрев, снег не будет заносить стекол.

— Во-первых, ты не доберешься до аэросаней, — возразил Лоу, — во-вторых, не откроешь дверцу; в-третьих, если и откроешь ее, кабину забьет снегом раньше, чем ты протиснешься внутрь.

— Так мы никогда никого не поймем, Фред, — махнул рукой Стонор. — Я бы все-таки попробовал.

— Держу пари, что в такую погоду даже антарктические обезьяны не высунут носа из своих ледяных убежищ, — посмеивался метеоролог. — Им тоже жизнь дорога.

— Попытаться надо, — вмешался вдруг Рассел. — Раз нельзя пользоваться перископом, сани — единственная возможность продолжать наблюдение.

— Как, Джек, — удивленно прищурился Лоу, — тебе тоже захотелось заработать миллион долларов!

— Он думает, что здешние йети предпочитают для прогулок именно такую погоду, как сегодня, — пояснил Стонор. — И кажется, в этом есть определенная логика.

— Ты действительно так думаешь, Джек?

Рассел кивнул.

— Тогда можно попробовать, — оживился метеоролог. — Риск благородное дело, как сказал один полководец, готовясь проиграть войну.

Первую попытку сделал Лоу.

Однако уже через несколько минут он, совершенно обессиленный, ввалился вниз головой в выходной люк, где его ждали Рассел и Стонор.

— Ну?

Метеоролог, отдышавшись, разразился ругательствами.

— До саней ты дополз?

— Да, черт побери, но не смог открыть дверцу.

Рассел молча обвязался шнуром, перекинул через плечо футляр с телефоном и нырнул в снеговые волны.

Лоу спустился вниз, в Большую кабину. Стонор остался у входа один; напряженно ждал.

Постепенно разматывалась веревка, которой был обвязан астроном. В шипении и вое пурги ничего нельзя было расслышать.

Аэросани были укреплены метрах в пятидесяти от входа над занесенным ангаром. Возможно, вокруг них уже наметен высокий сугроб и из кабины ничего не будет видно. Веревка перестала разматываться.

Стонор подождал еще немного, потом дважды дернул за веревку. Вскоре послышался ответный рывок. Рассел сообщал, что пока все в порядке.

Колющий снег струями бил в отверстие люка. Стонор опустил крышку, оставив только узкую щель, сквозь которую пытался разглядеть что-нибудь во тьме. На мгновение ему показалось, что он уловил вспышку света в той стороне, где стояли аэросани. Неужели Рассел все-таки проник в кабину саней и включил рефлекторы? Стонор напряженно взглядывался в темноту. Нет, вероятно, почудилось. Он уже собирался еще раз сигнализировать рывком веревки, но в это время внизу приоткрылась дверь и послышался голос Лоу.

Стонор опустил крышку люка, задвинул засов и спустился вниз.

— Он в кабине саней, — сказал Лоу, протягивая Стонору телефонную трубку. — Можешь поговорить с ним.

— Хэлло, Джек! — крикнул Стонор в телефон. — Как дела?

— Сижу в кабине, — слышался в трубке голос Рассела.

— Рефлекторы включены?

— Да.

— Как видимость?

— Несколько метров.

— Не холодно?

— Нет.

— Мы будем по очереди дежурить при телефоне. В случае чего сообщай!

— Да.

Прошло около двух часов. Пурга не утихала. В ответ на вопросы Стонора Рассел лаконично отвечал, что ничего не видит.

— Может быть, тебя сменить, Джек? — поинтересовался Стонор.

— Пока не надо.

Прошло еще около часа. Из радиорубки выглянул Жиро.

— Опять начинается этот дикий вой в эфире, как тогда, — вполголоса сообщил доктор. — Вот послушайте... — Доктор исчез в радиорубке, оставив открытой дверь.

Послышалось шипение репродуктора, и сразу же его сменил вибрирующий низкий звук — устрашающая мелодия тоски, боли, угрозы. Казалось, крылья каких-то неведомых всемогущих сил распростерлись над притихшими зимовщиками. А мелодия продолжала звучать, затихая и снова разрастаясь, предостерегая и угрожая, таинственная и непонятная.

— С ума можно сойти! — вскричал Стонор, затыкая уши.

Лоу, сморщившись как от зубной боли, покачивал головой.

— Довольно! — гаркнул он наконец. — Не стоит злоупотреблять... такой музыкой.

Доктор поспешил выключить приемник.

— Ну как?

— Никогда не слышал ничего подобного, — признался Стонор. — Неужели и тогда это звучало так?

— Абсолютно. Самому хотелось завывать от ужаса.

— Странные здесь бывают помехи, — пробормотал Лоу, раскуривая сигарету.

Звякнул телефон. Стонор поспешно схватил трубку.

— Хэлло, Джек?

— Только что видел тень. Похоже на... медведя или крупную обезьяну. Посмотрите, что делается у люка.

По лицу Стонора Лоу понял: что-то произошло.

— Появились?

— Кажется... Скорей! — Стонор указал Лоу на стоящий в углу карабин. — Джек, ты тоже если увидишь, стреляй. Доктор, трубку!

Не слушая предостережений Рассела, Стонор сунул телефонную трубку доктору, схватил второй карабин и вслед за Лоу выбежал из салона.

Припав к крышке выходного люка, они прислушались.

— Ничего, кроме воя пурги, Ральф.

— Открывай люк.

В лицо ударил слепящий снежный вихрь. Луч сильного фонаря пробил ревушую тьму всего на два — три метра.

— Как будто никого, Фред.

— Гаси фонарь. Быстрее! Смотри...

Расплывчатое зеленовато-фиолетовое пятно появилось среди снеговых вихрей. Оно медленно приближалось.

Лоу и Стонор поспешно вскинули карабины.

— Огонь! — шепнул геолог.

Треск двух выстрелов, слившихся в один, утонул в грохоте пурги. Затем произошло нечто невероятное.

Яркая зеленая вспышка, подобно молнии, разорвала тьму. Порыв ветра, более сильный, чем все предыдущие, подхватил снеговые вихри и разметал их прочь.

В десятке метров от люка на снегу корчилось огромное мохнатое существо. Его длинная шерсть светилась ярким голубовато-фиолетовым светом, а из тела били в окружающую тьму зигзаги зеленых молний. Одна из молний скользнула над головой Лоу. Сильно запахло озоном.

— Люк быстро! — крикнул Стонор.

С грохотом захлопнулась тяжелая крышка. Лоу хотел задвинуть засов. Металлическая крышка люка вспыхнула голубоватым светом. Сильный удар оглушил метеоролога, и он покатился в глубину коридора, увлекая за собой Стонора.

* * *

Доктор, не отнимая от уха телефонную трубку, настороженно прислушивался. Вот вой пурги стал громче. Значит, открыли выходной люк.

— Они выходят наружу, Джек.

— Ты успел предупредить, чтобы без нужды не стреляли? Я уверен, что Стонор ошибся. Это не йети. Это вероятно...

— Выстрел, Джек!

В телефоне послышался треск, потом шипение.

— Сани... оторвало... — с трудом разобрал доктор в промежутке между разрядами. — Уносит... Куда-то вверх...

Последний, прерывистый треск — и в телефонной трубке стало тихо.

«Разорвался провод телефона, — мелькнуло в голове доктора. — Что же теперь будет?»

Грохот в коридоре заставил его вскочить. Из-под портьеры выполз на четвереньках облепленный снегом Стонор. Следом за ним показалась всклокоченная голова Лоу.

Оба с трудом поднялись на ноги. Лоу, даже не пытаясь отряхнуть снег, шагнул к столу и тяжело опустился на стул.

— Тебя не ранило, Фред? — пробормотал Стонор, протирая кулаками глаза.

Лоу попытался ощупать себя.

— Кажется, нет. Но что за адскую бестию мы подстрелили?

Стонор ошалело вертел головой.

— Уму непостижимо. Никогда бы не поверил, если бы... не видел сам. Засов! — спохватился он вдруг. — Ты успел задвинуть засов?

— Не... знаю...

— Доктор, скорей проверь, задраен ли люк. Но... не открывай. И не касайся засова голой рукой.

Доктор на мгновение зажмурил глаза и с видом приговоренного к смертной казни шагнул за портьеру.

Когда он возвратился, Стонор вертел в руках телефонную трубку.

— Дверь не светила? — прохрипел Лоу.

— Н-не заметил. Засовы задвинул...

Лоу облегченно вздохнул.

— А что с телефоном, доктор? — удивленно спросил Стонор. — Почему он молчит?

— После вашего выстрела, Джек только успел крикнуть, что сани оторвало и его уносит... Я точно не понял, но кажется, он кричал, что его уносит куда-то вверх.

— Вверх? — повторил пораженный Стонор.

Лоу вскочил.

— Джек погибает, а мы тут...

— Ни шагу, Фред. Ему ты уже не поможешь. И вспомни, что лежит за дверью.

Лоу отступил и закрыл лицо руками.

— Что же делать, Стонор?

— Ждать, когда кончится пурга.

Метеоролог, не отнимая стиснутых пальцев от лица, снова опустился к столу. Доктор содрогнулся, услышав, что Лоу плачет...

Обитателям Большой кабины эта ночь показалась особенно долгой. Стонор бесцельно бродил по салону, время от времени откидывая тяжелую портьеру и, открыв дверь в коридор, прислушивался. Но снаружи доносились лишь завывания пурги.

Лоу, скрестив руки на груди, сидел у стола. Неподвижный взгляд метеоролога был устремлен в одну точку.

Под утро из радиорубки вылез доктор.

Шаркающей старческой походкой он подошел к Стонору.

— В эфире тихо и хорошо слышно русских. Они вызывают нас. Ради матери Джека, ради своих детей, Ральф, разреши связаться с ними.

— Подождем до утра. Надо посмотреть, кого мы убили ночью. Потом решим. А сейчас оставь меня в покое.

Доктор принялся трясти метеоролога:

— Фред, ты понимаешь, что здесь происходит? Помоги мне... скажи Стонору...

Но, заглянув в глаза Лоу, доктор махнул рукой и сторбившись вернулся в радиорубку.

Наконец, судя по часам, наступил рассвет. Пурга продолжала бушевать. Ветер достиг чудовищной силы. Где-то наверху, над просторами вздыбленных снегов, поднялось солнце, а над куполом Большой кабины ураган продолжал гнать тысячи тонн стремительной снежной пыли.

Выйти наружу оказалось невозможным.

Ветер не только угонял весь приносимый снег, — он поднял в воздух и часть старых сугробов, наметенных в прошедшие недели. Люк запасного выхода, ночью находившийся на уровне снегового покрова, теперь возвышался почти на метр. Верхняя часть выходной шахты содрогалась от непрерывных ударов ветра и вибрировала, как вагон бешено несущегося поезда. Из отверстия люка нельзя было выставить головы. Мутный свет сменил тьму, но он был так же непроницаем, как и чернота минувшей ночи.

После безуспешных попыток выбраться из люка Стонор поднял крышку и по забитому снегом коридору возвратился в салон.

— Да очнись, старина, — шепнул он Лоу. — Чего раскис! Ведь это Антарктида. Поверь, мне не меньше тебя жаль Джека, но что поделаешь? Если сани не разбило о ближайшие скалы, ураган мог угнать их за сотни километров. Не помню такого бурана. Скорость ветра не менее трехсот километров в час. Очнись, нам еще предстоит немало дел... И может быть, Джек не погиб. В баках было горючее. Стихнет ураган, он заведет мотор и возвратится.

Лоу медленно поднял голову. Стонор глянул ему в лицо и содрогнулся. Фред постарел за ночь лет на десять. Глаза потускнели, морщины стали глубже, черты лица заострились.

— Ты не заболел?

— Нет, говори, что надо делать, Стонор.

— Пока ждать. Впрочем, обсудим... Боюсь, что мы не найдем трупа убитой бестии. Ветер мог уволочь его куда угодно. Это будет ужасная неудача, Фред.

Стонор не ошибся. К вечеру ураган ослабел настолько, что можно было выбраться наружу. Пригибаясь до самой земли, чтобы удержаться на ногах, Стонор и Лоу

обшарили площадку вокруг купола Большой кабины. На ней никого не было. Ветер унес от одного до двух метров снегового покрова. Обнажилась крыша ангара, нижний этаж метеобудки, главный вход в Большую кабину. Новых сугробов поблизости не было. Тело заряженного электричеством ночного чудовища бесследно исчезло. Не нашлось и никаких следов аэросаней. Только оторванный телефонный провод, закрученный ветром вокруг оттяжки радиомачты, напоминал о событиях прошедшей ночи.

Ужинали молча. Стонор был подавлен неудачей. Мысли Лоу блуждали где-то далеко. Доктор за весь день не промолвил ни слова.

— Интересно, появятся они сегодня ночью? — сказал Стонор, вставая из-за стола. — Как по-твоему, Ришар?

— Мне все равно, — пробормотал доктор.

— А как Генрих?

— Пойди посмотри...

Стонор заглянул в кабину, где лежал поляк.

— Он спит... или...

Доктор бросил на Стонора внимательный взгляд поверх очков и, ничего не сказав, прошел в кабину Ковальского.

Стонор подошел к Лоу:

— Что ты думаешь, Фред, по поводу наших ночных чудовищ? Что это такое?

— А я о них вообще не думал, — тихо сказал метеоролог. — Не знаю. Тебе виднее...

— Поразительна их способность аккумулировать электрические заряды, — рассуждал вслух Стонор. — Это какие-то ходячие аккумуляторы колоссальной емкости. С аккумуляцией электрической энергии, видимо, связана и способность светиться. И почему-то они появляются именно в непогоду... Шерпы рассказывали мне о гималайских йети всякие сказки, но действительность превзошла самую буйную фантазию. Если бы не исчезновение Джека, я готов был бы думать, что нам с тобой все приснилось.

— Если бы это был сон, Стонор!

Стонор вместо ответа ударил себя ладонью по лбу.

— Какая мысль! Не их ли приближение создает эти поразительные помехи в радиосвязи? Ведь если они так наэлектризованы?..

— Знаешь, Стонор, — сказал задумчиво Лоу, — я теперь почти убежден, что Тойво попал в руки этих адских тварей. Они, без сомнения, водятся в подземном лабиринте. Свечение воздуха, шум — это их работа. Удивительно, что они тогда выпустили вас живьем...

Стонор вздрогнул.

— Ты думаешь?

— Наша экспедиция уполовинена, — продолжал Лоу. — Мы теперь ничего не сделаем. Мы даже не узнаем о судьбе пропавших товарищей. Ведь и Рассел мог очутиться во власти этих тварей. Может, их несколько бродило вчера ночью возле Большой кабины. И если они попытаются атаковать нас всерьез, мы все погибнем.

— Атаковать?

— А почему бы и нет, Стонор?.. Я все думаю и никак не могу понять, почему Рассел предупреждал доктора, чтобы мы не стреляли.

— Чушь.

Стонор поспешно прошел в радиорубку.

Вскоре в открытую дверь донеслась музыка.

— Это, кажется, Кейптаун, Фред, — сказал Стонор, возвращаясь. — Пока в эфире все спокойно.

Музыка резко оборвалась. Краткая пауза, а затем:

— Алло, алло, говорит радиостанция Лазарев. Вызываем зимовку англо-американо-французской экспедиции. Алло, алло, Большая кабина, почему молчите? Сообщите, что случилось. Алло, алло...

Текст обращения был дважды повторен по-английски, затем по-французски.

— Не понимаю, чего ради они опять нас вызывают, — раздраженно бросил Стонор.

— А что тут непонятного? Мы молчим. Они — ближайшие соседи. Это Антарктика, Ральф. — Лоу поднялся из-за стола. — Надо им немедленно ответить. Может быть, позвать доктора?

— Не надо. Поговори сам.

Лоу шагнул в радиорубку.

— Слушай, Фред, подожди минутку! — крикнул Стонор. — Ты им скажи так...

Он не успел кончить: в репродукторе послышался зловещий вой. С каждой секундой вой становился все громче.

Из радиорубки выглянул Лоу.

— Эфир опять взбесился. Ничего не слышно, кроме этой адской музыки.

— Электрические обезьяны приближаются к Большой кабине, Фред, — прошептал Стонор. — Притишь звук, но не выключай. Попробуем выдержать эту мелодию. Вот так... Ну, что предпримем, старина?

* * *

Прошло несколько часов. Вой продолжал звучать в эфире. Он то усиливался, то слабел, но был слышен на всех волнах и совершенно прервал радиосвязь.

— Они ходят вокруг Большой кабины, — стиснув зубы, говорил Стонор. — Ходят и что-то вынюхивают.

— Странно, что они не пытаются проникнуть к нам, — заметил Лоу. — При их силе и прочих свойствах им ничего не стоит сломать крышу ангара или выходной люк.

— Они не могут сообразить, что надо сделать, — неуверенно предположил Стонор. — При всех особенностях это не более чем обезьяны.

— А по-моему, это не обезьяны, Ральф. — Лоу понизил голос. — Я не суверен, но, право, и мне начинает казаться, что мы столкнулись с... призраками — злыми духами холода и мрака, истинными хозяевами этих проклятых ледяных пустынь.

— Чушь, невероятная чушь, Фред! Они оставляют следы на снегу, как любое живое существо, и ты сам убедился, что они уязвимы для пуль. Все дело в том, что здесь, в Антарктиде, в условиях почти непереносимых для живых организмов, у них из поколения в поколение вырабатывались особенности, которыми не обладает большинство живых существ, — способность аккумулировать электрические заряды, а может быть, и другие виды энергии. Впрочем, ученым давно известны организмы, способные аккумулировать электричество. Вспомни электрических скатов из семейства торпединид. У них есть электрические органы по бокам головы, они могут создать разряд напряжением до трехсот вольт.

— Все это теория, — скривился Лоу, — а на практике у меня, пожалуй, не хватит мужества выпустить еще одну разрывную пулю в эту электрическую бестию. Ни-

кто не назовет меня трусом, но сейчас, признаюсь, мне страшновато.

— И все-таки рано или поздно нам придется выбраться наверх и еще раз попытаться счастья.

— Счастья?

— Конечно. Мы любой ценой должны заполучить такую бестию. Хотя бы одну. Иначе нам не поверят.

— Джек вчера ночью успел крикнуть, что ты ошибся, Ральф. Он имел в виду этих обезьян. В чем ты мог ошибиться?

— Доктор что-то напутал. И какая разница — обезьяны это или что-нибудь другое! Мы должны заполучить такое существо.

— Есть разница, Стонор. А вдруг эти существа разумны?..

— Что за бред!..

— Они сильны, они легко могли бы уничтожить нас, и они, однако, не нападают. Вспомни возвращенный перископ и шнур в штольне. А этот странный вой. Его оттенки меняются... Может быть, они хотят привлечь наше внимание?..

— Ты сошел с ума, Фред. Ты же видел, что это такое. Если у них и есть крупица разума, то не больше, чем у питекантропа. Нет, решительно тебе следует глотнуть свежего воздуха. Почему бы тебе не заглянуть на метеоплощадку? Последние дни ты часто нарушаешь график наблюдений.

— Ты хочешь, чтобы я вышел сейчас наружу?

— Вместе со мной. Я буду страховать тебя. Сейчас не очень метет...

— Хочешь использовать меня как приманку? В Индии так охотятся на тигров... с молодым барашком... Бэ-э, бэ-э...

— Боишься?

— И не скрываю этого. И ты боишься, Стонор. И доктор боится. И каждый боялся бы на нашем месте. Мы столкнулись с чем-то небывалым, грозным, непонятным и потому страшным. Но мы все боимся по-разному. Доктор прикрыл голову подушкой и надеется проспать страшные часы; в тебе страх борется с честолюбием и желанием заполучить миллион долларов за шкуру этой бестии. А меня после гибели Джека не привлекает даже миллион долларов. Да ты и не поделился бы им со мной, Стонор.

— Хочешь поторговаться, Фрэд. Подходящий момент, чтобы сделать бизнес.

— Нет, торговаться не буду. Пойду.

— Куда?

— На метеоплощадку. Чтобы ты больше не смог упрекнуть Лоу в нарушении графика наблюдений.

— Ну вот, ты, кажется, обиделся на меня, старина.

— Нет. На тебя обижаться нельзя. Ты начальник. На войне как на войне. . .

Перед выходом на поверхность Стонор снова включил радио.

Вой звучал тише, временами совсем затихал. В нем появились новые оттенки тоски и неутолимой боли.

— Невероятно, — прошептал Стонор. — В этом действительно есть мелодия и какой-то свой ритм. Что все это может значить? Если источником этих помех являются здешние обитатели, пожалуй, они удаляются сейчас от Большой кабины. Не опоздать бы нам.

Надев поверх меховых рукавиц резиновые, Стонор осторожно опустил металлическую крышку люка. Над головой блеснули радужные фестоны полярного сияния. Сквозь разноцветные волны, медленно катящиеся по темному небу, просвечивали звезды. Ветер задувал редкими порывами, поднимая и гоня струи поземки.

Стонор посветил сильным рефлектором и убедился, что площадка вокруг люка пуста.

— Опоздали! — крикнул он в самое ухо Лоу. — Слишком долго философствовали. . . Погода улучшилась и. . . они исчезли.

— Но мороз дьявольский, — пробормотал метеоролог, вылезая из люка.

— Посмотри, нет ли следов! — снова крикнул Стонор.

Лоу вместо ответа указал на шипящие струи поземки, сразу же заносившие его собственные следы. Пригнувшись, чтобы удержаться на ветру, метеоролог нашупал провод, протянутый к метеобудке, и, не оглядываясь на Стонора, шагнул в снежную тьму.

Возле будки тоже никого не оказалось. Все было на месте, в полном порядке, и Лоу занялся приборами. Его охватило полнейшее безразличие ко всему происходящему. Он словно наблюдал за собой со стороны. Вот Лоу берет отсчеты и записывает их, вот закрывает будку,

определяет направление ветра. Странно, что этот Лоу ничего не боится. А ведь он боялся, он знает это...

Он не испугался даже тогда, когда, возвращаясь к люку, увидел перед собой что-то темное.

— Стонор? — окликнул он.

Нет, это был не Стонор. Луч света скользнул по густой серебристой шерсти, осветил маленькую коническую голову с большими, как у летучей мыши, оттопыренными ушами. Чудовище медленно приближалось, легко переставляя похожие на колонны ноги. Кажется, у него не было лица, только две светящиеся красноватые точки, устремленные на Лоу.

«Это конечно глаза, — мелькнуло в голове метеоролога. — Как оно внимательно разглядывает меня и не торопится подойти!» Лоу вдруг вспомнил, как он охотился ночью с фонарем в джунглях западной Суматры. Он без промаха всаживал пулю между блестящих глаз, устремленных из темноты в световой сноп фонаря.

«Почему бы и сейчас?..» Он нащупал в кармане рукоятку пистолета. Расстояние — десять шагов. Он не промахнется. А, собственно, почему он должен стрелять? Ведь он даже не знает, что или кто находится перед ним. Расстояние — восемь шагов... семь... Рассел тогда крикнул, что это не йети... Разве знакомство с неизвестным всегда надо начинать с пули?.. Лоу остановился. Остановилось и мохнатое ночное чудовище.

«Странно, что оно не пытается приблизиться, — думал метеоролог. — А может, у него мирные намерения? Мирные? Известны ли ему такие понятия? Что вообще ему известно, этому порождению холода и мрака? Думает ли оно, может ли оно думать?»

Лоу чувствовал, что весь дрожит, и в то же время было удивительно, непостижимо спокоен.

«Спокойствие перед неизбежным концом?.. Странно, кажется, оно пытается делать мне какие-то знаки. Что могут означать его движения? Не приближаться?..»

Яркий луч света откуда-то из-за спины чудовища ослепил Лоу. Метеоролог скорее угадал, чем расслышал крик Стонора:

— Фред, ложись!.. Стреляю!..

— Нет, — Лоу замахал руками. — Не стреляй...

Темная фигура ночного гостя с непостижимой для его размеров быстротой выскользнула из-под скрещенных

лучей двух рефлекторов. Лоу успел рассмотреть еще один, предостерегающий жест чудовища, без сомнения адресованный ему. Метеоролог замер на месте. В то же мгновение под фонарем Стонора блеснуло. Гулко грохнул выстрел, затем другой. Две пули просвистели совсем близко. Еще выстрел и еще. Видимо, Стонор стрелял наугад в темноту.

— Не стреляй, Ральф!

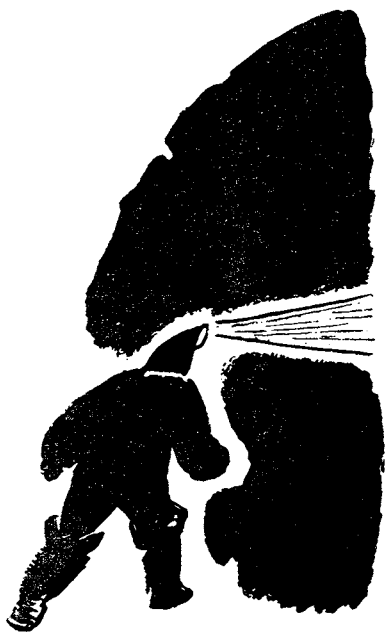
Еще выстрел. Он оказался последним.

Невдалеке от того места, где стоял Лоу, вспыхнуло зеленое пламя. Лоу разглядел неясные контуры мохнатой фигуры, которая на мгновение озарилась зеленовато-фиолетовым сиянием. Послышался треск. Яркая, похожая на молнию искра ударила, туда где метался желтый луч фонаря Стонора. Луч описал широкую дугу, ткнулся в снег и погас.

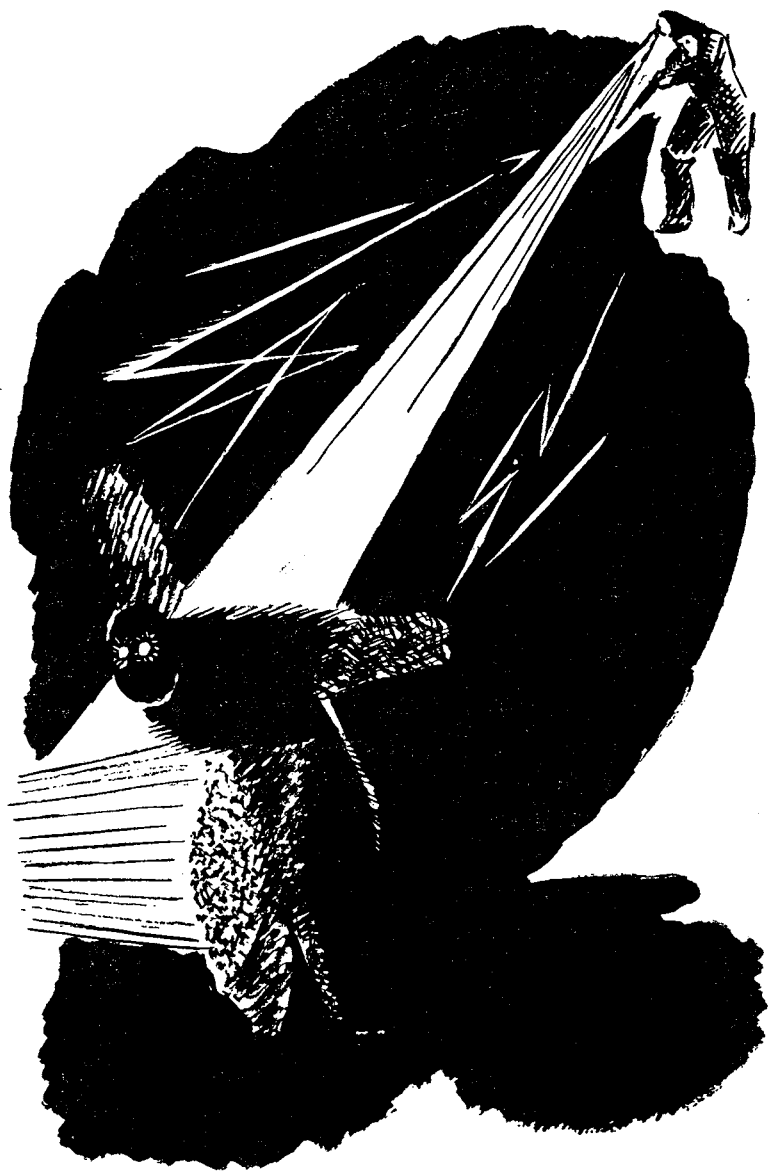
Лоу глянул в ту сторону, где только что видел светящуюся фигуру ночного пришельца. Там был мрак. Направил туда луч фонаря — никого. Очертил лучом вокруг себя — пусто.

Ночной призрак словно провалился сквозь землю. А может быть, улетел по воздуху?.. Какое-то шипение донеслось сверху. Лоу задрал голову, но увидел только причудливые сполохи полярного сияния.

Метеоролог медленно подошел к тому месту, где лежал шеф. Он догадывался, что произошло. Стонор лежал ничком, уткнувшись лицом в снег. Лоу нагнулся, осторожно перевернул неподвижное тело. Осветил сожженные остатки карабина и, еле волоча ноги, потащился к открытому люку.

Краснокрылый самолет описал широкий круг над Большой кабиной, приветственно качнул крыльями и пошел на посадку. Лоу и доктор ждали у главного входа.

Самолет легко коснулся лыжами гладкой белой поверхности, замедляя бег, скользил в прямоугольнике, отмеченном цветными полотнищами. В облаке снежной пыли, поднятой винтами, засверкали радужные круги. Обрамленная радугами серебристая машина подкатила к Большой кабине.

Смуглый горбоносый человек в шелковистом голубом комбинезоне с откинутым капюшоном, с густой копной черных волос спрыгнул на снег и направился к зимовщикам Большой кабины. За ним из самолета уже вылезал второй — большой и грузный, почти квадратный, в пушистом меховом комбинезоне и унтах, затем легко выпрыгнул третий — маленький и юркий, в меховых штанах и коричневой кожанке.

— Начальник станции Лазарев — Шота Вериадзе, — представился брюнет, протягивая руку Лоу. — Мои товарищи — летчик Иван Лобов и врач Юрий Белов.

Огромный Лобов так тряхнул руку метеоролога, что у того хрустнули суставы. Рукопожатие миниатюрного Белова также оказалось крепким.

Лоу представил доктора.

— Где пострадавшие? — спросил по-французски Белов, внимательно и строго глядя на Жиро.

— Вашей помощи ждет только один, профессор. Он внизу, в Большой кабине. Начальник зимовки — геолог Стоно́р — был убит на месте.

— А состояние раненого?

— Очень тяжелое.

— Можно сразу же пройти к нему?

— Разумеется.

— Товарищи, может, и мы не будем терять дорогого времени? — густым басом предложил Лобов. — Машина в полном порядке. Сейчас механики добавят горючего, и начнем поиски.

— Иван прав, — кивнул Вериадзе. — Есть что-нибудь новое?

— Абсолютно ничего, — сказал Лоу. — Вчерашний день и сегодняшняя ночь прошли спокойно. Электрические обезьяны больше не появлялись.

Вериадзе потер гладко выбритый подбородок.

— Предлагаю сделать так. Юрий останется здесь. Мы с Иваном летим на поиски. Вы сможете присоединиться к нам?

— Конечно, — ответил Лоу. — Но, пока заправляют машину, прошу вниз, на чашку чаю. За столом обсудим детали.

Пропустив гостей вперед, Лоу нагнулся к уху доктора:

— Ты, кажется, назвал этого мальчика профессором, Рысь?

Жиро сердито фыркнул.

— Этот «мальчик» — один из величайших медиков нашего времени: академик и автор нескольких сотен книг и статей. Это три аса, Фред. Вериадзе — крупный геофизик и географ, почетный член многих академий мира, в том числе и вашей, американской, а Белов — непревзойденный мастер полярной авиации. В Москве в его честь уже воздвигнут монумент.

Лоу покачал головой.

— Большая кабина удостоилась большой чести, Рысь!

— Остается пожалеть, что это не случилось тремя днями раньше.

* * *

За столом Лоу кратко рассказал о событиях последних десяти дней. При упоминании о подземных горных выработках Белов и Вериадзе переглянулись.

— Все это очень странно, господа, — задумчиво сказал Вериадзе, когда Лоу кончил. — Разрешите задать вам несколько вопросов. Впрочем, вы, разумеется, можете не отвечать, если сочтете некоторые вопросы чересчур прямыми или недипломатичными.

Лоу смутился.

— Задавайте вопросы. Я расскажу абсолютно все, что мне известно.

— Эти древние выработки пройдены на месторождении радиоактивного элемента?

— На месторождении урана... Я забыл сказать об этом.

— Какова их протяженность?

— Очень большая.

— Сеть выработок строго геометризирована?

— Да. Все ходы пересекаются под прямыми углами. Но, простите, откуда вы знаете?

— В прошлом году подобные выработки были обнаружены нашими предшественниками близ станции Лазарев. Сейчас результаты их исследований, по-видимому, уже опубликованы.

Лоу тяжело вздохнул.

— Жаль, что покойный Стонор не знал об этом.

— К сожалению, и мы не знали о вашей находке. Мы сообщили бы вам все наши данные.

— Господин Вериадзе, — вмешался Жиро, — а как вы и ваши товарищи объясняете... э-э... как бы это сказать... откуда взялись эти удивительные выработки?

— Есть несколько точек зрения на этот вопрос. Вероятно, на него легче будет ответить после того, как мы осмотрим вашу находку. У нас общая длина выработок невелика, они сильно испорчены льдом и, пожалуй, заброшены очень давно. Кстати, и само месторождение тория, на котором они пройдены, в значительной степени выработано. Позвольте еще вопрос, господин Лоу. Как вы считаете: эти загадочные существа, с которыми вы столкнулись, обитают в подземных выработках?

— Во всяком случае заходят туда. Факты, о которых я вам рассказывал, говорят сами за себя.

— Остается четыре часа светлого времени, — пробасил Белов, отодвигая недопитый стакан. — Анкету можно продолжить в самолете.

— Откуда вы думаете начать поиски? — спросил Вериадзе, вставая.

— В ту ночь ураган дул с юго-востока, — сказал Лоу. — Сани могло угнать на северо-запад, в сторону океана. Мне кажется, следует лететь к побережью.

— В какую сторону от вашей станции находятся древние выработки?

— Шесть километров к западу.

Вериадзе задумался.

— Считаю, — сказал он наконец, — что поиски следует все-таки начать с юго-восточного направления. Пусть вам не покажется это странным, господа. Хотя ветер дул именно с юго-востока, через четыре или пять часов после того, как с господином Расселом произошло несчастье, сани, по-видимому, находились значительно юго-восточнее вашей станции. Наши радисты не могли

ошибиться. Сигнал бедствия был получен именно оттуда. А никто, кроме господина Рассела, этот сигнал подать не мог.

— Но это было давно.

— Около трех суток назад. Однако других сведений у нас нет.

— Хорошо, попробуем начать с юго-востока, — согласился Лоу.

— Надо, чтобы кто-нибудь из остающихся не отходил от передатчика. Могу оставить здесь для помощи одного из механиков. Самолет будет держать постоянную связь с Большой кабиной и со станцией Лазарев... Через три с половиной часа мы возвратимся.

* * *

Ровно через три с половиной часа, с последними лучами солнца, самолет Белова подрулил к Большой кабине.

Пока укрепляли самолет с подветренной стороны снежного купола, Вериадзе и Белов успели перекинуться несколькими фразами.

— Следов аэросаней мы не нашли, — сказал Вериадзе в ответ на вопрос профессора, — но видели кое-что очень интересное. Возможно, что ты окажешься прав... Вечером Лобов проявит фотопленку, попробуем разобратся. А что нового у тебя?

— Геодезист очень плох. Но надежда есть. Все было бы гораздо проще, если бы начать лечение раньше. Впрочем, этот Жиро молодец. Хоть он, кажется, и алкоголик, но талантливый врач. Он сделал все, что было в его силах, и даже больше. Если бы не он, поляк умер бы несколько дней назад.

— Видел ты тело их начальника?

— Да. Он убит каким-то неизвестным мне разрядом огромной мощности. Ткани совершенно разрушены, однако, по некоторым признакам, разряд, вероятно, был холодный.

— Значит, действительно убийство.

— Но совершенное не человеческими руками.

— Уверен?

— Абсолютно. Паралич геодезиста вызван подобным же разрядом, но гораздо меньшей мощности...

Договорившись о порядке дежурств, все, кроме Лобова, спустились в салон Большой кабины. Летчик остался в самолете проявлять снятый фильм.

Жиро захотел блеснуть своими кулинарными талантами и приготовил к ужину изысканный набор французских блюд. Впрочем, ужин прошел в молчании. За тонкой перегородкой лежало на грани жизни и смерти неподвижное тело Ковальского. Белов дважды во время ужина поднимался из-за стола и исчезал в кабине геодезиста. А в темном ангаре ждал погребения изуродованный труп Стонора.

После ужина Лобов принес проявленный фильм. Все склонились над ним.

— Вот узор на снегу, — сказал Вериадзе, — нечто вроде огромной плоской, очень правильной воронки с отверстием посередине. Диаметр воронки более двухсот метров. Это почти в пятистах километрах отсюда. Любопытно, что сигнал бедствия, о котором я вам говорил, был послан примерно отсюда. Посмотрите, как глубок центральный канал. Дна его не видно, хотя мы и пролетели над ним почти на бреющем полете.

— Может быть, это место падения того болида? — предположил Жиро.

— У вас наблюдался болид? — поднял голову Белов. — Кто его видел и когда?

— Огромный болид пролетел недели две тому назад, — ответил Лоу. — Его видел Рассел, а слышали мы все. Рассел уверял, что болид должен был упасть где-то к юго-востоку от Большой кабины. С воздуха мне не пришлось это в голову. Но сейчас, когда смотрю на фотографию... Может, доктор и прав.

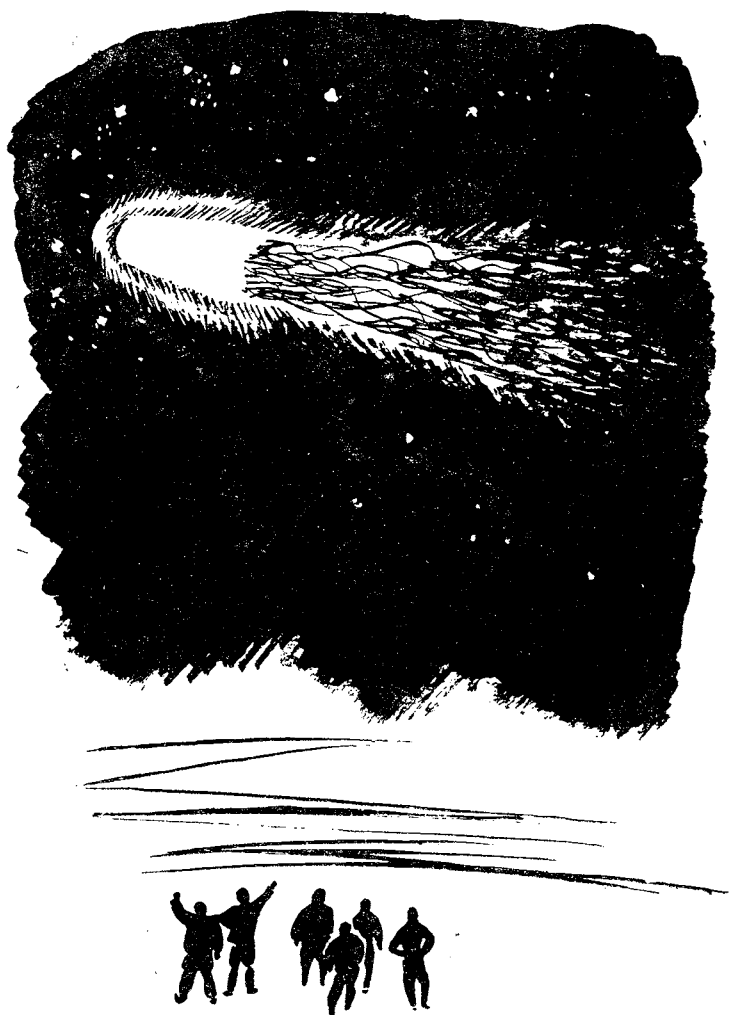
— Нет, это, конечно, не след падения метеорита, — решительно сказал Вериадзе. — Завтра придется сделать посадку возле этого отверстия. Сядем, Иван?

— Надо было сегодня сесть, — пробасил Лобов. — Я же предлагал...

— Тогда не успели бы возвратиться до темноты.

Лоу вздохнул. Это не укрылось от внимания Вериадзе.

— Господин Лоу, — заметил грузин. — Пожалуйста, не думайте, что мы отвлекаемся от основной задачи поисков ваших товарищей. Я почти уверен, что мы напали на верный след.

— Но не мог же Рассел на азросанях, мчась навстречу урагану, удалиться за три — четыре часа на пятьсот километров от Большой кабины.

— На азросанях, конечно, нет...

Послышался далекий, быстро нарастающий гул. Задражали стены салона. Гул превратился в оглушитель-

ный грохот, от которого, казалось, лопнут барабанные перепонки.

Белов вскочил из-за стола и прыгнул к выходу. В дверях он столкнулся с одним из механиков. Тот кричал что-то, призывно махал руками. Не одеваясь, все бросились наружу.

Высоко в темном небе, на фоне густой россыпи звезд, неся огромный фиолетово-зеленый болид, оставляя за собой светящийся дымный хвост. Он летел с юго-востока на северо-запад. Не чувствуя пронзительного холода, зимовщики замерли на месте. Все взгляды следовали за удивительным посланцем космоса. Гул постепенно затихал в отдалении.

— Сейчас он взорвется... сейчас... — шептал Лоу.

Но болид не взорвался. Он превратился в еле заметную точку и исчез среди звезд.

— Далеко упадет, где-нибудь в океане, — со вздохом сказал Лоу.

— Что это было, Шота Рустамович? — спросил механик. — Никогда не видел ничего подобного.

— Пожалуй, людям удалось впервые увидеть такое зрелище, — задумчиво сказал Вериадзе. — Ты был прав, Иван. Надо было сегодня садиться около той воронки. Мы опоздали. Мистер Лоу, я думаю, что ночные дежурства можно отметить. Ваши «электрические обезьяны» больше не появятся.

— Пресвятая Тереза лиможская! — вскричал Жиро. — Вы думаете, что это был... — Доктор указал пальцем вверх и принялся дышать на заокоченевшие руки.

— Именно, дорогой мсье Жиро, — сказал Белов. — Это улетел обратно тот «болид», который вы слышали две недели назад. С ним, конечно, улетели и загадочные космические гости. Какая жалость, что не удалось установить с ними контакта. Впрочем, это, может быть, смогли сделать или сделают ваши товарищи?.. Однако пора вниз. Иначе нам с вами придется оперировать отмороженные пальцы и уши.

* * *

Самолет летел на юго-восток. Внизу по снеговой равнине быстро скользила его синеватая тень.

— Через несколько минут должна быть воронка, —

сказал Вериадзе. — Сейчас проверим нашу гипотезу... Воронка уже видна. Чуть правее, Иван! О-о!...

У всех вырвался возглас изумления.

На месте плоской воронки с небольшим центральным отверстием зияла огромная цилиндрическая шахта глубиной в несколько сот метров. Ее ледяные стены отвесно уходили вниз.

— Вчера здесь стоял их корабль, — прошептал Вериадзе. — Никогда не прошу себе этого.

— Будем садиться? — хрипло спросил Лобов.

— Конечно.

Через несколько минут Вериадзе, Лобов и Лоу стояли на краю огромной шахты.

Она осталась единственным следом пребывания космического корабля. Никаких обломков, никаких остатков горючего, ни частицы мусора не было видно вокруг. Прозрачно голубел чистый, слоистый лед.

— Они пользуются каким-то совершенно неизвестным нам видом энергии, — задумчиво сказал Вериадзе. — Их корабль, погружаясь в лед, не расплавил его. Он просто прорезал лед, как масло. Судя по размерам шахты, корабль был огромен. Вероятно, он имел форму цилиндра длиной метров триста и диаметром более сотни метров. Какой техникой владеют эти существа!

— Но зачем им понадобилось спрятаться в лед? — удивленно спросил Лоу.

— Белов предполагает, что эти существа — жители планеты с необычайно суровым климатом. Лучи нашего солнца для них губительны. Поэтому они и появлялись только по ночам во время ураганов. Может быть, условия антарктической пурги ближе всего напоминают нормальную обстановку на их родной планете.

— Страшная обстановка, — с содроганием заметил Лоу.

— Все условно, мистер Лоу, — улыбнулся Вериадзе. — Жизнь на планетах возникала и формировалась в разных условиях. Вероятно, для этих существ совершенно невыносимой была бы обстановка наших умеренных широт, я уже не говорю о тропических областях.

— Может быть, эти же существа когда-то высаживались и в высокогорной части Гималаев?

— Возможно...

— Однако первая встреча их с людьми в Антарктиде окончилась трагически для людей, — сказал Лоу. — Мы потеряли трех, а может быть, и четырех человек.

— Они, по-видимому, тоже потеряли одного...

— И так получилось, что во всем этом больше виноваты мы — люди, — продолжал Лоу, опустив голову.

— В ваших словах есть доля правды. Но это послужит всему человечеству уроком на будущее. Эти существа, по-видимому, уже не один раз навещали нашу планету. Они могут появиться снова. И, знаете, я почему-то верю, что ваши товарищи Рассел и Латайнен не погибли. Существа, овладевшие техникой космических перелетов, не могут быть губителями жизни. При своей высокой технике они могут создать такие условия, в которых ваши друзья будут жить. А ведь это будет означать установление связей между жителями наших планет. Может быть, мы с вами еще станем свидетелями того, как Рассел и Латайнен возвратятся на Землю. Возвратятся, вооруженные новыми знаниями, которые окажутся бесценными для человечества. Различие во внешнем облике и условиях обитания живых существ на разных планетах не должно быть преградой для контакта разума...

— И, тем не менее, даже если вы правы, наши товарищи похищены ими.

— Похищение можно извинить, если они руководствовались высокой целью установить связи двух очагов разума. Вы видели в них только... дичь. У них не было иного выхода... Я, например, не отказался бы лететь с ними. Уверяю вас, очень многие поступили бы так же...

Осмотрели и сфотографировали шахту, взяли пробы снега и льда, и Лобов снова поднял самолет в воздух. На всякий случай решили еще раз обследовать территорию, прилегающую к месту стоянки космического корабля. Самолет летал теперь параллельными маршрутами над огромной снежной равниной, в центре которой темнело отверстие шахты, — к северу и к югу, и снова к северу.

Так десятки раз. Пассажиры внимательно глядели вниз, но ни один след не нарушал бесконечного белого покрова.

— У них были какие-то летательные аппараты, —

сказал Вериадзе. — Покидая корабль, они сразу поднимались в воздух. Пожалуй, мы ничего не найдем.

И все-таки они нашли. На одном из параллельных маршрутов внизу появилось что-то красное. Лобов снизил самолет. Прошли над красным пятном еще раз.

— Полотнище, — сказал Вериадзе. — Вымпел? Придется садиться. . .

Лобов посадил самолет в нескольких десятках метров от красного пятна. Исследователи бегом устремились к нему. Это оказался длинный вымпел из эластичной, очень прочной красной ткани. Он был прикреплен к металлическому древку, глубоко вбитому в лед. От ветра, поднятого винтами самолета, вымпел затрепетал в воздухе. В ветреную погоду этот вымпел можно было бы разглядеть издалека.

— Сигнал нам, — заметил Вериадзе. — Посмотрим. . .

Вымпел сняли с древка и осторожно извлекли из льда металлический стержень. В нижней части стержня было прозрачное утолщение. Внутри находился свернутый лист бумаги.

Вериадзе попытался развинтить стержень, чтобы добраться до письма, но ему это не удалось. Лобов крепко зажал стержень в руках, поднатужился. Широкое лицо летчика побагровело от усилия. Стержень треснул и переломился. Записка выпала на снег.

Вериадзе поднял ее и протянул Лоу.

— Это адресовано вам.

Лоу взял записку.

— Почерк Рассела, — шепнул он побелевшими губами.

Вериадзе ждал, спокойно глядя на Лоу.

— Д-друзья м-мой, — начал читать метеоролог прерывающимся голосом. — Нет, не могу. . . Читайте в-вы, господин Вериадзе.

— «Друзья мои! Меньше чем через час двое людей впервые покидают Землю. Из пленников мы превратились в гостей. Первые связи установлены. Помог язык чертежей и формул, а сейчас мы с Тойво уже понимаем многое. К сожалению, отлет отложить нельзя. В противном случае космический корабль наших хозяев никогда не достигнет родной планеты. Мы летим добровольно. Вернемся ли? Если и не вернемся, если мы не сможем выдержать суровых условий далекого Плутона, откуда при-

летел этот корабль, наши записи через несколько десятилетий будут доставлены на Землю. Надеюсь, что они помогут установлению творческого контакта двух далеких цивилизаций нашей солнечной системы. Тогда не повторятся трагические события последних дней. Тойво писать еще не может. Руки его парализованы, но с каждым часом ему становится лучше.

Ученые, возглавляющие экспедицию плутонян, с помощью специальных приборов уже изучили на мне жизнедеятельность человеческого организма и смогли оживить Тойво, которого они, так же как и Генриха, неосторожно поразили своим излучением и считали мертвым. Догадываясь о смертоносном воздействии своего излучения на организм людей, они теперь принимают специальные меры предосторожности при общении с нами.

Они мало похожи на людей. В строении их организмов главную роль играют соединения одного из радиоактивных изотопов углерода. Они лишены слуха, в понятии людей почти лишены зрения, общаются при помощи радиоизлучения, но пути развития мышления у них и у нас очень сходны.

Правда, их цивилизация древнее и далеко опередила нашу. Мы для них так же удивительны и загадочны, как и они для нас, но нас с ними объединяет могущество разума.

Насколько я понял того из них, кто лечит Тойво, Генриху необходим длительный сон, электризация позвоночника и соединения радиоактивного фосфора. Поражение наступило особым видом сильно замедленных электрически заряженных частиц. Этот вид энергии на Земле неизвестен... В Антарктиду плутоняне прилетели за ураном, которого на их родной планете почти не осталось. По-видимому, подо льдом нашего южного континента скрыты колоссальные месторождения радиоактивных элементов, может быть крупнейшие в солнечной системе.

Я догадался, что вы установили контакт с русскими исследователями и разыскиваете меня. Сегодня вечером русский самолет появился над стоянкой корабля плутонян. Вероятно, он прилетит снова. Поэтому надеюсь, что выпел с письмом, который будет выстрелен при старте, попадет в ваши руки.

Прощайте, друзья мои. Передайте привет и благодарность русским товарищам. Фред, когда возвратишься домой, разыщи мою мать и объясни ей все. Мы не могли поступить иначе...

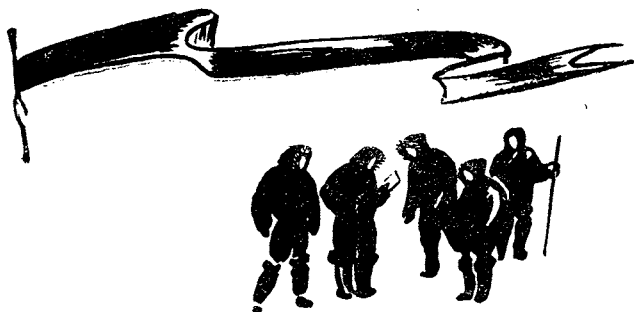
Прощайте, люди родной планеты! Прощай, милая родная Земля!

Джек Рассел и Тойво Латикайнен».

Вериадзе умолк.

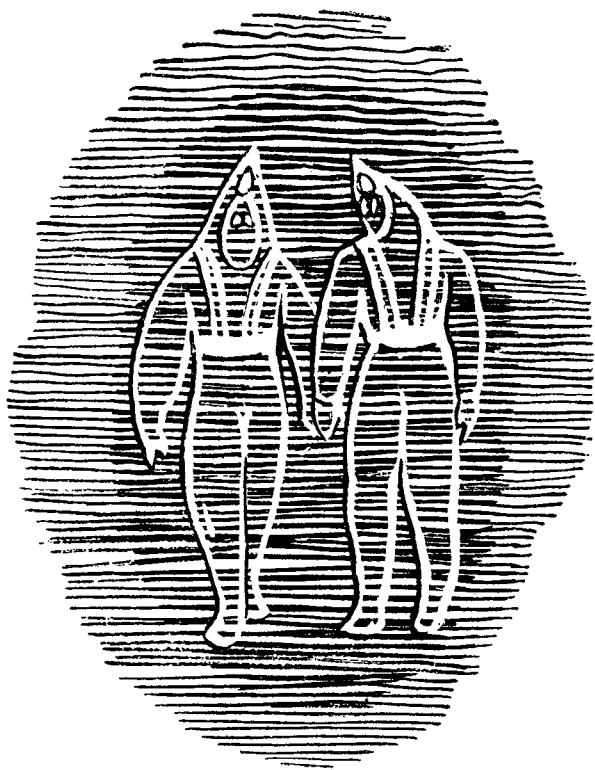
Они долго стояли с непокрытыми головами возле развешиваемого вымпела. Молчали.

— Ясно, — пробасил наконец Лобов. — Значит, полетели... Молодцы ребята!.. О мужестве этих двух парней сегодня же должны узнать люди всей нашей планеты.

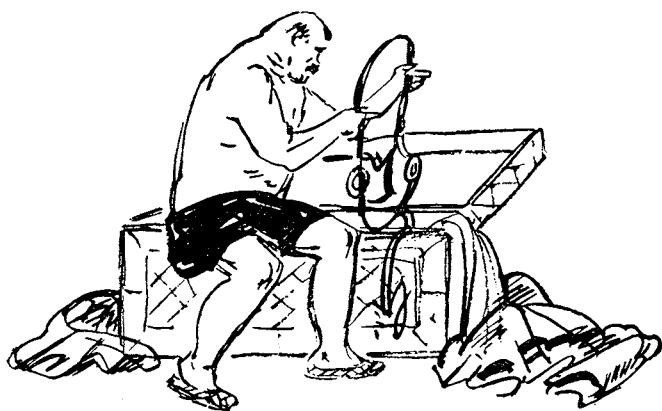

БЕГЛЕЦ

Исчезновение Митрофана Кузьмича Цыбули надделало немало шуму в Алуште. Болтали разное... Работники районной милиции искали старого лесника даже в огромных бочках местного Винкомбината, в которых хранились знаменитые крымские вина.

Что касается Евдокии Макаровны — жены дяди Митрофана, то она была твердо убеждена, что старик отправился прямо в ад. Она даже отслужила панихиду по грешнику Митрофану, которого черти упекли в самое горячее место адской кухни.

Об Альбине Евдокия Макаровна рассказывать не любила.

— Ну, жил во время оккупации. Кто его знает, откуда взялся... Не такой был, как все. — Она тяжело вздохнула. — Непонятный какой-то... И будущее предсказывал. Что сказал, все как по часам исполнилось... А уж куда делся потом... — она махнула темной морщинистой рукой и потерла углы глаз кончиком головного платка.

Я понял, что воспоминания причиняют ей боль, и не настаивал. Позднее догадался, что память об Альбине для Евдокии Макаровны слишком дорога. Старуха ни с кем не хотела делиться ею. Альбин был для нее почти сыном,

Стояла весна. Цвели сады. Море дышало порывами прохладного ветра. Приезжих было мало, и дача Евдокии Макаровны пустовала. Вечерами мы подолгу сидели вдвоем на веранде у большого медного самовара. Пили чай с прошлогодним вареньем, тихо разговаривали. Говорила больше Евдокия Макаровна, а я поддакивал невпопад и снова и снова вспоминал утро того удивительного дня...

* * *

Уже не первый год проводил я конец весны, а иногда и начало лета в домике дяди Митрофана на окраине Алушты. Посреди тенистого виноградника хозяева устроили беседку. Там стоял грубо сколоченный стол. За ним хорошо работалось в яркие солнечные дни, когда небо кажется прозрачным и глубоким, а редкие облачка цепляются за скалистые вершины гор.

Море было рядом, его шум долетал вместе с дуновениями легкого ветра.

Сам дядя Митрофан появлялся редко. Летом он больше жил в лесной сторожке.

— Чтобы не мешать отдыхающим, — объяснял он, когда заглядывал домой.

В то утро он был дома...

Помню, у меня не клеилось с очерком. Я бросил перо и вышел в сад. Дядя Митрофан в трусах, толстый и грузный, восседал на скамейке под густым зеленым навесом виноградных лоз. Маленькими глазками, спрятавшимися в глубоких складках коричневого от загара лица, он следил, как Евдокия Макаровна перебирала какой-то хлам в большом кованом сундуке.

Увидев меня, старик оживился.

— А, литератор, чернильная твоя душа, здорово, здорово! Чего дома торчишь? Шел бы на море. Все равно больше не заплатят, если днем сочинять. Я бы, если бы был сочинителем, только по ночам писал...

— Чего привязался к человеку! — ворчливо вмешалась Евдокия Макаровна. — Лучше иди штаны надень. Срам глядеть! Если бы он был сочинителем!.. О чем тебе сочинять, басурману лысому?

Однако дядя Митрофан был настроен мирно.

— Заглохни! — посоветовал он жене и, потирая небритый подбородок, продолжал: — Мне есть чего расска-

зять... Мне из пальца высасывать не надо. А он вот не знает, об чем писать. По глазам вижу. Верно?..

— Верно, — признался я.

— Ну то-то. Люблю за правду. А ты возьми и напиши, скажем, про меня. Напиши, какой я есть. Правильно напишешь, живи бесплатно, пока не надоест...

— Тьфу! — плюнула Евдокия Макаровна и ушла в комнаты.

— Зачем она это тряпье хранит? — спросил я, чтобы переменить тему разговора. — Всё мошь поела.

— Баба, — проворчал дядя Митрофан, заглядывая в сундук. — С нее какой спрос. Она эту сундучину лет десять не открывала; все просила из погреба вытянуть. Я сегодня выволок, так она теперь зудит, что из-за меня все погнило.

Он запустил руку в сундук и сердито встряхнул тряпки.

Пахнуло сыростью. Стайка серебристых молей поднялась из тряпья и заметалась в воздухе, спасаясь от солнечных лучей.

Дядя Митрофан выгреб из сундука сверток старых половиков и швырнул на землю.

Один из половиков развернулся; в нем оказалось что-то, похожее на широкий блестящий пояс с двойной портупеей. При виде пояса дядя Митрофан ошеломленно ахнул. С быстротой, не свойственной его грузной фигуре, он нагнулся, схватил пояс и принялся внимательно разглядывать, покачивая седой квадратной головой.

— Что за штука? — поинтересовался я, указывая на ремни портупей, скрепленные серебристыми металлическими дисками.

Дядя Митрофан подозрительно глянул по сторонам.

— Это, брат, такая штука, — он натужно закашлялся, — такая штука... Да... Леший знает, как сюда попала. Вот не думал, что она у меня осталась.

— А что это?

— Подожди, дай вспомнить, как было...

Дядя Митрофан потер небритые щеки, почесал голову.

— Эта шутовина от него ведь осталась. Вроде бы радио тут внутри, а может, и еще что... Он эти ремни не снимал. Даже спал в них... И часто при мне вот это колесико крутил.

Дядя Митрофан осторожно поскреб пальцем один из серебристых дисков на ремнях портупеи.

Я нагнулся, чтобы получше рассмотреть диск. Он состоял из нескольких колец, вставленных одно в другое. На кольцах были тонко выгравированы деления и ряды цифр. В центре находилось выпуклое желтоватое стекло, напоминавшее глаз. Я потрогал ремни портупеи. Это была не кожа, а какая-то незнакомая мне пластмасса — прочная и эластичная. Едва ощутимые утолщения свидетельствовали, что внутри портупеи скрыты металлические части.

Сырость и плесень не оставили следов на этом странном приспособлении. Ремни были сухи и чисты, а металл блестел так, словно его только что отполировали. Нет, это не было похоже на радиопередатчик, скорее на крепление парашюта. Только для чего могли служить блестящие кольца с рядами цифр, этот глазок и металлические детали внутри?

Я посмотрел на дядю Митрофана. Он был явно встревожен находкой. Его толстые пальцы дрожали. Он беспокойно оглядывался по сторонам. Не выпуская из рук портупеи, снова начал рыться в сундуке, перевернул ворох тряпья, долго шарил под ним; потом поднялся, отер пот со лба и, отдуваясь, присел на край сундука.

— Еще что-нибудь должно быть? — спросил я.

Он не ответил. Сидел, припоминал что-то.

— Зачем не за свое дело берешься? — раздался ворчливый голос Евдокии Макаровны. — Кто тебя просил помогать? Ишь, расшвырял всё. Шел бы лучше спать, если дела найти не можешь.

— А что? Могу и пойти, — охотно согласился дядя Митрофан, поспешно вставая с сундука и пряча портупею за спину. Он подмигнул мне, предлагая следовать за ним, и поковылял в свою каморку под верандой.

Евдокия Макаровна подозрительно посмотрела ему вслед, покачала головой и присела возле сундука. Я прошелся по саду и, когда Евдокия Макаровна нагнулась над сундуком, проскользнул в комнату дяди Митрофана.

Он сидел на кровати, большими узловатыми руками поглаживал портупею. Жестом пригласил меня сесть рядом.

— Можешь верить, можешь не верить, — сказал он, вздыхая, — а было так...

Он рассказывал долго и путано, часто останавливался, чтобы припомнить события, пропускал подробности, потом возвращался к ним, многое повторял, словно убеждая самого себя. Рассказ изобилдовал отступлениями, в которых он пытался по-своему объяснить происходившее. Эти объяснения были наивны, а подчас еще более фантастичны, чем те удивительные события, свидетелем и участником которых ему пришлось стать.

Для краткости я опускаю большинство рассуждений дяди Митрофана, сохранив лишь главное — поразительную историю Беглеца...

* * *

Это произошло ранней весной тысяча девятьсот сорок третьего года. По ночам зарево полыхало над крымскими лесами, в которых укрывались партизаны. У моря в Алуште и Ялте гулко стучали по разбитым тротуарам каблуки фашистских офицеров и полицейских.

Поздним ненастным вечером дядя Митрофан возвращался из лесной сторожки домой. Пропуска у него не было, и он осторожно пробирался по тихим, безлюдным улицам, проклиная немцев, ненастье и ревматизм.

Ни одно окно не светило, под ногами хлюпала размокшая глина, над головой быстро плыли черные, мохнатые облака. В просветах между ними изредка появлялась луна, и тогда казалось, что облака останавливаются, а луна стремительно несется по небу, торопясь бежать из этой черной, враждебной ночи.

У входа в кипарисовую аллею дядя Митрофан остановился. До дома было уже недалеко, но в аллее темно, как в погребе. Легко нарваться на патруль. Дядя Митрофан прислушался. Как будто никого... Только вдалеке шумело невидимое море.

Он сделал несколько шагов и замер на месте. Впереди, возле одного из кипарисов, шевельнулось что-то более темное, чем окружающий мрак.

«Влип», — подумал дядя Митрофан, мучительно сообщая, что лучше — бежать или прикинуться пьяным.

Темная фигура также не шевелилась.

«Сейчас полоснет из автомата и служи панихиду», — рассуждал дядя Митрофан, чувствуя, как его прошибает

холодный пот. — То ли дело до войны! Самое большое бандита встретишь. Так это все ж таки свой... А тут, на тебе. Разбери, что у него на уме. И чего ждет? Может, не патруль?.. Эх, была не была...»

Дядя Митрофан сделал шаг вперед и шепотом спросил:

— Кто такой?

Темная фигура беззвучно отступила за кипарис.

— Видно, не патруль, — осмелел дядя Митрофан. — Чего надо? Чего по ночам шляешься? — угрожающе продолжал он, делая еще шаг вперед.

Фигура продолжала молчать, но уже совсем близко слышно было тихое прерывистое дыхание.

— Смотри, задуришь — стрельну, — быстро предупредил дядя Митрофан и, в подтверждение своих слов, звякнул в кармане ключами.

— Нет, нет, — странным, чуть гортанным голосом отозвался незнакомец, — я не враг вам. Но, во имя справедливости, помогите мне.

— Ранен, что ль?

— Нет.

— Жрать хочешь?

— Не понимаю, — помолчав, отозвался незнакомец.

«Не наш, — сообразил дядя Митрофан. — Но и не немец».

— Голодный?

— Нет...

— Так какого лешего тебе надо?

— Спасибо, — серьезно сказал незнакомец, — лешего мне также не нужно. Мне ничего не нужно. Скажите только, где я и какой сегодня день.

Дядя Митрофан тихонько свистнул.

— Ясно, что за герой. А ну, пошли до хаты. На улице про такие дела не говорят.

Незнакомец, видимо, колебался.

— А вы кто? — спросил он наконец, отступая на шаг.

— Тебе я друг, — решительно отрезал дядя Митрофан. — Помогу в чем надо. Свою обязанность знаю. Мы союзников уважаем, хотя вы и не спешите со вторым фронтом... Пошли...»

— Хорошо, — сказал, подумав, незнакомец. — Но неужели у вас нельзя говорить на улице о том, какое сейчас время?

— У нас, брат, такое время, что о нем лучше говорить, когда оно кончится.

— Кажется, я сильно ошибся, — сказал незнакомец.

— Это бывает, — охотно согласился дядя Митрофан. — Я сам вместо горилки раз уксуса хватил. Пошли...

Пробираясь по темной аллее, он слышал за плечами настороженное дыхание незнакомца.

Наконец скрипнула калитка виноградника. Дядя Митрофан облегченно вздохнул.

— Однако добрались...

Ощупью нашел под крыльцом ключ, открыл дверь, пропустил гостя вперед. В комнате занавесил окно старым одеялом и тогда уже зажег керосиновую лампу. С интересом оглядел гостя. Перед ним стоял юноша лет двадцати, среднего роста, с узким бледным лицом, темными бровями и светлыми пепельными волосами. Он был одет в серую клетчатую куртку с черными отворотами и узкие бархатные брюки. Под курткой виднелась белая рубашка с черной ленточкой вместо галстука. Тонкий резиновый плащ с капюшоном, который юноша снял, войдя в комнату, едва ли мог согреть хозяина в холодную мартовскую ночь.

— Продрог, небось, — сказал дядя Митрофан, пожевываясь в своем ватнике. — Вот беда. Водки нет и дров, брат, не заготовлено. Завтра жинка печку истопит. А сейчас я на керосинке чайку вскипачу. Погреемся.

— Нет, мне не холодно, — своим звенящим, гортанным голосом сказал юноша. — Но я вам очень признателен, что приютили меня. Я здесь совсем никого не знаю. Откровенно говоря, я даже не знаю, где я.

«Вот, сбрасывают людей, а без толку, — мелькнуло в голове у дяди Митрофана. — Ни карт, ни одежонки приличной. Оденут, как клоуна, а он сразу и засыпется. Этого, наверно, в Румынию предназначали, а он вот куда угодил. Хорошо еще, не в море. И что бы делал, если бы меня не встретил».

— Ну, давай знакомиться, — продолжал он, обращаясь к гостю, — меня Цыбулей звать, по имени Митрофан, по батюшке Кузьмич, а тебя как?

— Мое имя Альбин, — сказал юноша.

— Что же, имя неплохое, — одобрил дядя Митрофан. — А фамилия?

— Зовите меня просто Альбин, — смущенно улыбнулся юноша.

— Альбин так Альбин, — согласился дядя Митрофан. — Молод, а конспирацию знает. И между прочим, правильно. Мне твоя фамилия ни к чему. Завтра я тебе одежонку приличную достану; в твоей на улицу не выйдешь, сразу арестуют. Документы-то есть? Паспорт или еще что?

— Не знаю, — нерешительно промолвил Альбин. — Но скажите, пожалуйста, куда я попал? Что это за место?

— Алушта...

— Алушта? — повторил юноша, слегка пожимая плечами. — Не помню такого... А какая... страна, или, как это называется... государство?

— Да ты что, с луны упал? — удивился дядя Митрофан. — Крым это. Крым-то ты знаешь? Чему только вас учат там... А государство здесь было советское, пока фашисты не пришли. Вот вышвырнем их, и опять оно будет... А тебе-то куда надо было?

— Не совсем сюда, — горестно вздохнул юноша. — Теперь уже все равно, но боюсь, это не единственная ошибка. Какой сегодня день?

— Шестое марта.

— Ну, а дальше?

— Чего дальше?

— Шестое марта какого года?

Дядя Митрофан ошеломленно разинул рот.

— Да ты что, шутикуешь надо мной, хлопче? — угрожающе протянул он и так треснул кулаком по столу, что со звоном подскочили стаканы.

— Не сердитесь, Кузьмич, — тихо сказал Альбин. — Я правду говорю. Я не знаю, какой сейчас год. Так получилось. Я... долго болел... Все забыл...

— А ты когда заболел друг, в каком году? — подозрительно осведомился дядя Митрофан, не сводя глаз со своего гостя.

— Уж давно... Но я забыл...

— Как же тебя больного на такое дело послали?

— На какое дело?

— Ну ладно, — махнул рукой дядя Митрофан, — меня это не касается. Только я тебе так скажу: врать надо с умом, а то сразу попадешься.

Альбин потер тонкими пальцами бледный лоб.

— Все-таки какой же сейчас год?

— Тысяча девятьсот семидесятый, — насмешливо проворчал дядя Митрофан.

Гость не обиделся. Он внимательно посмотрел на старика, соображая что-то, и уверенно сказал:

— Нет, не может быть.

— Верно, не дожили еще. А если я скажу так — тысяча восемьсот семидесятый?

Альбин вздрогнул. В его больших черных глазах блеснули золотистые огоньки. Однако, чуть подумав, он тряхнул головой.

— Думаю, что и это неправда.

— То есть, как это «думаешь»? — рявкнул дядя Митрофан. — Да ты что? Ты подожди! Слушай, а может, у тебя тут того, — дядя Митрофан повертел большим пальцем возле виска. — Может, ты драпака дал из этого места, где вашего брата под замком держат? Ну, понимаешь?

— Не понимаю, — сказал Альбин, — но, если вам неприятны мои вопросы и мое присутствие, я уйду...

— Молчи, — оборвал дядя Митрофан. — Куда пойдешь, непутевая башка! Ложись спать, завтра подумаем, что делать... А год сейчас, по правде сказать, поганый; люди его крепко запомнят — военный тысяча девятьсот сорок третий год.

— Тысяча девятьсот сорок третий, — повторил Альбин, прищурившись. — Вероятно, вы снова шутите, Кузьмич.

— Шучу? — опешил дядя Митрофан. — Тетка твоя-курица пускай этим шутит. «Да чего я с ним разговариваю? Ясно — сумасшедший». — Идем, продолжал он вслух. — Постель в соседней комнате.

Гость не спеша поднялся, взял плащ, подошел к двери, но вместо того чтобы отворить ее, ударился о нее со всего размаха лбом. Испуганно отпрянув назад, он смущенно улыбнулся дяде Митрофану:

— Забыл, что надо самому...

Он потер лоб и, нащупав ручку, осторожно отворил дверь.

«Сумасшедший, — окончательно решил старик. — Откуда только взялся на мою голову! Еще хату ночью спалит...»

Однако ночь прошла спокойно. На другое утро, заглянув в комнату Альбина, дядя Митрофан застал своего гостя уже на ногах. Вид у юноши был измученный и встревоженный. Он почти не коснулся скудного завтрака, отвечал односложно, думал о чем-то своем.

На вопрос, чем он расстроен, коротко ответил:

— Со мной случилась большая беда, чем я предполагал. Не спрашивайте; все равно вы не поймете, в чем дело...

Дядя Митрофан обиделся, но промолчал.

Прошло несколько дней. Альбин не покидал комнаты, почти ничего не ел. С утра до вечера он сидел на кровати, напряженно думал о чем-то. Время от времени, схватив листок бумаги, покрывал его строчками непонятных знаков, цифр и кривых линий, писал, зачеркивал, снова писал, потом рвал все на мелкие клочки и опять погружался в раздумье.

Иногда он вскакивал и принимался бегать по маленькой, тесно заставленной комнате, бормоча непонятные слова. Потом успокаивался и часами сидел неподвижно, безучастный ко всему.

Дядя Митрофан заходил, садился возле. Альбин молчал, устремив глаза в одну точку. Казалось, он не замечал присутствия дяди Митрофана.

— Куда он глядит? — недоумевал старик и старался найти на белой стене то место, которое так привлекало внимание Альбина.

— Верно далеко глядит. Ох, далеко... А что видит?..

Порой какая-то тень пробегала по бледному лицу Альбина. Тонкие черты искажались гримасой боли: юноша резко встряхивал головой, словно пытаясь прогнать тяжкие воспоминания.

«Переживает, — думал дядя Митрофан. — Конечно, будешь переживать, если не туда попал, куда посылали... А может, ждет чего? Книжечку ему, что ли, каких достать? Почитает, глядишь, про беду свою и забудет на малый час».

Дядя Митрофан слезил на чердак, разыскал среди старых ящиков и пустых бутылок стопку запыленных книг — библиотечку ушедшего на фронт внука, выбрал несколько штук, обер тряпкой и принес Альбину.

— Старинные, — задумчиво сказал юноша, осторожно листая страницы тонкими, длинными пальцами.

— Какие там старинные! — махнул рукой дядя Митрофан. — Перед самой войной куплены.

— О, конечно, — смутился Альбин, — я неточно выразился. Книги — такая вещь... Чем им больше лет, тем они ценнее... Я хотел сказать, что пройдут столетия, и некоторые из этих книг станут большой редкостью. За ними будут охотиться исторические библиотеки, музеи, любители старины. И даже не всегда за тем, чтобы их читать. Тогда это будет иначе... Книга скоро утратит свою роль сокровищницы человеческого опыта и знаний. Магнитные и электронные записи гораздо удобнее. Книги будут интересовать лишь лингвистов, историков, да коллекционеров. Вот эта, например, она станет настоящим сокровищем для собирателей редкостей.

— Подорожает, что ли? — не понял дядя Митрофан.

— Подорожает? — повторил Альбин. — Ах, то есть станет дороже. Нет, это не то слово. Оценивать ее никто не будет. Это ни к чему. Просто она станет уникальной, бесценной... Библиотеки, имеющие такую книгу, будут вправе гордиться. Ее написал кровью сердца мудрый человек в годы Великой Перестройки. Ее будут хранить среди других редкостей во дворце из металла и стекла, куда не проникает жара и холод, влага и пыль...

Дядя Митрофан покачал головой и осторожно смахнул паутину с корешка книги, которую Альбин держал в руках. Порывшись в кармане, достал старенькие очки в поржавевшей оправе, приладил их на нос, через плечо Альбина с любопытством и опаской глянул на заглавие. Удивленно заморгал маленькими глазками и еще раз перечитал заглавие, шевеля толстыми губами. Потом поглядел исподлобья на своего гостя.

Лицо Альбина оставалось задумчивым и серьезным.

— А ведь все-таки псих, — пробормотал дядя Митрофан и, насупившись, вышел из комнаты.

Книги не заинтересовали Альбина. Он перелистал их и больше к ним не прикасался. По-прежнему сидел, молчал, думал... Казалось, он не отдавал себе отчета в опасности своего положения. Дядя Митрофан со страхом размышлял, что будет, если немцы устроят очередную облаву или обыск. Наконец он не выдержал и решил поговорить с гостем начистоту.

Свой рассказ о войне и оккупации он закончил словами:

— Понимать надо, в какое время живем. Никто не знает, что через час будет...

— Я понимаю, — тихо сказал Альбин, — и о многом я знал раньше. Но действительность оказалась в тысячи раз проще и... страшнее. До чего я был наивен, Кузьмич! Чтобы понять по-настоящему, недостаточно знать, надо видеть, участвовать самому... А я связан; связан понятиями и законами иного мира. Я лишен права вмешаться. И это ужаснее всего... Если бы можно было начать сначала! Поверьте, Кузьмич, я не могу сейчас помочь вам. Я вынужден ждать... Может быть, силовое поле восстановится, и тогда... Как бы это объяснить? Я еще не понимаю, что произошло, почему прекратилась связь и исчезло поле, но...

— Я ему про деда, а он про бузину, — раздраженно прервал дядя Митрофан. — Меня твои тере-фере не интересуют. И помощи я от тебя никакой не жду. Ты лучше скажи, чего делать будем, если немцы нагрянут.

— Я сделаю все, что вы посоветуете.

— Первое разумное слово за неделю, — смягчился дядя Митрофан. — Тогда слушай. Документы у тебя какие есть?

— Документы?.. Ах, да... Никаких нет.

— Беда с тобой. В такое время разве можно без документов!..

— Я не знал, — Альбин смущенно пожал плечами.

— Тогда вот что. Я тебя спрячу в сторожке в лесу. Туда немцы не заглядывают. Ну, а там — поглядим... Согласен?..

Гость молча кивнул головой.

* * *

Они вышли на рассвете следующего дня. Альбин не стал переодеваться. Он согласился лишь взять резиновые сапоги, а поверх своего черного плаща надел старый брезентовый дождевик дяди Митрофана. На прощанье он низко поклонился Евдокии Макаровне и поблагодарил за заботу.

— Господа мы прогневили, — запричитала старуха, — живем, как звери; по своей земле крадучись ходим, всего опасаемся. Когда это кончится...

— Еще не скоро, — серьезно сказал Альбин. — Ваши через год сюда вернутся, а война закончится в мае тысяча девятьсот сорок пятого.

— Ишь, пророк нашелся, — проворчал дядя Митрофан. — Это ты как же узнал — по картам или из Библии?

— Просто мне так кажется, — смутился Альбин.

— Если кажется, перекрестись, — сурово сказал дядя Митрофан. — Такими делами, брат, не шутят...

— А ты на него не гавкай, — вмешалась Евдокия Макаровна. — Может, он видит... Сынок, скажи, победим-то мы?

Альбин мельком глянул на дядю Митрофана, повернулся к Евдокии Макаровне и, прочитав в ее глазах немую мольбу, твердо сказал:

— Вы победите; ваш народ.

— Спасибо, сынок. Спасибо... Только вот мы-то с ним, — она кивнула на дядю Митрофана, — доживем до победы?

Альбин смущенно улыбнулся.

— Это я не знаю, но горячо желаю вам дожить!

— Этак и я могу предсказывать, — заметил дядя Митрофан. — Пошли, пророк.

Логами, заросшими густым кустарником, они добрались до леса и вышли на дорогу. Альбин молчал; дядя Митрофан бормотал что-то в усы, временами тихо поругивался.

— Не понимаю, что ты за человек, — заметил он наконец. — Не то безумный, не то только прикидываешься. Вроде бы и не плохой ты парень, а нет в тебе чего-то. Решимости, что ли, в тебе нет? Откуда ты такой взялся?

— Не сердитесь, Кузьмич, — мягко сказал Альбин, — придет время я все объясню. А сейчас не могу, и все равно вы мне не поверите и не поймете.

— Загадки загадываешь! А сейчас, дорогой, война. И на фронте и в тылу люди гибнут. Ну я, к примеру, старик. За меня внуки воюют. А был бы помоложе... — дядя Митрофан махнул рукой.

— Вы считаете, что я должен...

— Ничего я не считаю. Я ведь не знаю, зачем тебя прислали. Может, так и надо...

— Молчите, Кузьмич! — голос Альбина дрогнул. — Вы вот говорите о гибели людей. Но убивать — какой это

ужас! В бесконечной Вселенной нет ничего, поймите, ничего прекраснее жизни...

— Чудак! Кто этого не понимает. А для чего народ воюет? Для жизни. Чтобы жили наши дети и внуки и внуки внуков. Ты знаешь, как у нас до войны было?.. А разве можно жить, как сейчас! Ты мог бы так — всю жизнь?

Гримаса мучительной боли скользнула по лицу Альбина.

— Вот то-то! Поэтому народ и воюет. За эту самую жизнь, лучше которой, как ты сказал, нет ничего на свете. А как же, друг! Так оно и получается. Нет другого пути.

— Все это так, Кузьмич! Но я... я... — Альбин остановился и закрыл лицо руками.

— А ты что, из другого теста, не человек?

— Что же, по-вашему, я должен делать?

— Подумай, пораскинь мозгами. Может, и поймешь...

Немцы выросли как из-под земли. Лязгнули затворы автоматов. Дядя Митрофан тоскливо оглянулся. Впереди два солдата в рогатых касках. Позади эсэсовский под-офицер с пистолетом в руках.

— Партизаны?

— Лесник здешний! Не знаете, что ль!

— А он?

— Знакомый из города.

— Документы!

Дядя Митрофан принялся неторопливо шарить по карманам, соображая, что предпринять.

Альбин, закусив губы, стоял рядом.

— А ну, побыстрей, свинья!

Под носом дяди Митрофана мелькнул кулак в кожаной перчатке, и в этот момент случилось нечто непостижимое.

Вспышка, более яркая, чем солнечный луч, заставила зажмуриться. Что-то зашипело, как рассерженная змея. Прозвучал краткий, прервавшийся стон, снова шипенье, тяжелые удары упавших тел, и... тишина. В воздухе сильно запахло озоном, как после близкого удара молнии.

Дядя Митрофан открыл глаза. Немцы лежали на песчаной дороге. У солдат почернели лица под сожженными

ми касками. Стволы автоматов свернулись спиралью. Тело подофицера было наполовину обуглено. Альбин неторопливо вкладывал что-то в карман своего плаща. Юноша был очень бледен, но удивительно спокоен.

— Как же это ты их? — оторопело пробормотал дядя Митрофан, со страхом глядя то на убитых немцев, то на Альбина.

— Новое оружие, — сказал Альбин и тяжело вздохнул.

— Партизанам бы такое, — заметил дядя Митрофан. — Надо будет тебя с ними свести... У меня, брат, кое с кем из них связь есть. Да... Вот почему-то только никто от них давненько не объявлялся... А вы, между прочим, дряни, — добавил он, подумав. — С таким оружием второго фронта не открываете.

— Второй фронт? — повторил Альбин. — Ах, да... Но это оружие было изобретено, когда... — он запнулся. — Одним словом, оно не создано для убийства. Это страшное недоразумение, Кузьмич. У нас с вами не было другого выхода. Эти дурные люди — первые живые существа, павшие жертвой такого оружия. Если бы они были и последними...

— Ну уж дудки, — возразил дядя Митрофан. — Не мы к ним, они к нам непрошеными гостями пришли... Крови еще прольется немало.

— А что теперь с ними делать? — спросил Альбин. Дядя Митрофан почесал голову.

— Можно было бы их в лесу спрятать, да все равно найдут — и тогда беда. Невинных людей в Алуште постреляют. А вот мыслишка у меня одна имеется. Сходство есть, будто их молния спалила. Разыщем дерево, обугленное молнией, занесем туда и оставим.

— Хорошо, — сказал Альбин, — но искать такое дерево не надо.

Он отошел на несколько шагов, огляделся, вынул из кармана маленький блестящий пистолет и навел его на высокую мохнатую сосну, стоящую возле самой дороги.

Ослепительный луч скользнул вдоль сосны; факелом вспыхнула темная крона, с треском раскололся коричневый ствол, и обугленное дерево рухнуло на дорогу, прикрыв искалеченными черными ветвями тела фашистов.

Дядя Митрофан восхищенно выругался и, махнув Альбину, чтобы следовал за ним, углубился в густую чащу леса.

* * *

Однако добраться до сторожки им не удалось. По лесу шарили немецкие патрули. Очевидно, готовилась очередная операция против партизан. От скал Ай-Йори они увидели внизу клубы дыма и пламя.

— Сторожку жгут, — пробормотал дядя Митрофан и сплюнул. — Никакого жилья в лесу не хотят оставить. Если бы могли, все леса бы выжгли. До того партизан боятся...

— Что за время, — шепнул Альбин и, помолчав, тихо добавил: — Сколько надо было силы и великого мужества, чтобы выдержать и пройти весь путь. Я склоняюсь перед вами, люди, о которых прежде не знал ничего... Как ничтожна тоска и боль одного человека перед страданиями и борьбой народа! О безумец, глупец...

— Ты это про что? — удивился дядя Митрофан.

Альбин не ответил. Казалось, он не слышал вопроса. Широко раскрытые глаза юноши снова были устремлены куда-то в безграничные дали, туда, где дядя Митрофан, сколько ни старался, не мог разглядеть ровно ничего.

Вечером они возвратились в Алушту.

Несколько недель Альбин провел в доме дяди Митрофана. Юноша жил теперь в погребе и лишь по ночам выходил на виноградник, подышать свежим воздухом.

Как только темнело, дядя Митрофан занавешивал окна, зажигал старенькую керосиновую лампу и выпускал Альбина из его убежища. По крутой скрипучей лестнице юноша поднимался в горницу, садился к столу, ужинал вместе с хозяевами.

Старый лесник ухитрился припрятать кое-что из запасов своего разграбленного фашистами хозяйства. Поэтому они с Евдокией Макаровной не так голодали, как остальные жители оккупированной Алушты. В борще, который подавался на стол, нет-нет да и появлялась солонинка, в каше поблескивало масло, иногда неизвестно откуда выплывал горшочек топленого молока, вареное яйцо, чашка сметаны. Всем, что у них было, старики делились с Альбином. Дядя Митрофан, как бы он ни бывал

голоден, не прикасался к еде, пока Альбин не сядет за стол. Ужинали молча. Альбин с трудом орудовал большой деревянной ложкой. Ел он очень мало. Несколько глотков супа, щепотка каши — и он уже благодарил хозяйку.

— Да поешь ты еще, — уговаривала Евдокия Макаровна. — Посмотри на себя: в чем душа-то держится?

— Нет, нет, благодарю! — говорил Альбин. — Я всегда так... Больше мне ничего не надо.

Как-то во время ужина оборвалось тиканье ходиков. В комнате стало совсем тихо. Дядя Митрофан постучал согнутым пальцем по циферблату, подергал гири, качнул маятник. Часы не шли.

— Господи, и время-то теперь знать не будешь, — сокрушенно пробормотала Евдокия Макаровна. — Всё в прах рассыпается.

— Их надо было еще до войны выкинуть, — мрачно заметил дядя Митрофан и отвернулся.

Альбин подошел к замолкнувшим часам, снял со стены, внимательно оглядел механизм.

— Понимаешь чего в них? — поинтересовался дядя Митрофан.

— Таких я не видел, — сказал Альбин, — но здесь все очень просто. Как в детской игрушке.

Не успел дядя Митрофан раскрыть рта, как Альбин быстрыми точными движениями разобрал часы на составные части.

— Ну, а теперь чего будешь делать? — насмешливо спросил старик, указывая на лежащие на столе проводочки, пружины и крючки.

— Снова сложу, — ответил Альбин, — только здесь надо поправить. Он ловко вырезал ножницами жестяную пластинку из пустой консервной банки, согнул, вставил на место сломавшейся детали; собрал часы, повесил их на стену, качнул маятник. Часы затикали.

— Да ты, брат, не только стрелять умеешь, — показывал головой дядя Митрофан. — Руки у тебя, видеть, правильные; до войны сказали бы — золотые руки. Молодчина...

— Это же просто, — заметил Альбин, словно оправдываясь. — Совсем просто... А вот свой аппарат не могу поправить. Не понимаю, что с ним случилось, — добавил он и тяжело вздохнул.

— Ты у себя-то там кем был? — поинтересовался дядя Митрофан. — Механиком, что ль?

— Механиком? — повторил Альбин и задумался. — Нет, не механиком, — сказал он наконец. — Не знаю, как вам объяснить, Кузьмич. То, что я делал, сейчас никому не нужно.

— А делал-то ты что? Где работал?

— О, работал я повсюду, — оживился Альбин. — Здесь, на Земле, и там... — он указал пальцем вверх.

— Господи, помилуй нас грешных, — перекрестилась Евдокия Макаровна.

— По воздуху, что ли, летал? — нахмурился дядя Митрофан.

— Летал... — сказал Альбин и умолк.

— Что из тебя слова не вытянешь? — рассердился дядя Митрофан. — Подумаешь, — секретные дела какие. Работал... Летал... Тьфу!

— Не надо сердиться, Кузьмич, — попросил Альбин. — Я обещал вам все рассказать, и я обязательно сделаю это. Но немного позже. Сейчас незачем, да и не сумею. Слов у меня не хватит. И вы снова подумаете, что я болен, что у меня тут, — Альбин указал пальцем на свой бледный лоб, — не все, как надо. Вы уже думали так, и не один раз. Не правда ли?

— Чудной ты какой-то, — смутился дядя Митрофан. — Сидишь, вроде никого не замечаешь, а сам вон мысли мои читал.

— Нет, мысли я читать не умею, — сказал Альбин, — но, кажется, я понимаю вас лучше, чем вы меня.

Дядя Митрофан засопел, но ничего не ответил.

Шли дни... Альбин изменился. Скованность и отрешенность постепенно покидали его. В нем все живее пробуждался интерес к окружающему, к людям, их борьбе, радостям и горю. В темные ненастные вечера, когда за окном капли дождя барабанили по виноградным листьям, он теперь подробно выпрашивал стариков о том, как жилось до войны, о годах революции, о приходе фашистов, о партизанах. Раз услышав какое-нибудь имя, название или дату, он запоминал твердо и точно, словно гравировал их в своей памяти.

— Я должен пробраться к партизанам, Кузьмич, — сказал он однажды дяде Митрофану. — От них, может, удалось бы передать по радио в Москву... Москва, —

с нежностью и печалью повторил он, вслушиваясь в звучание этого слова. — О, как все это далеко, бесконечно и безнадежно далеко!..

Он сжал тонкими пальцами лоб и закрыл глаза.

— Знаешь, Кузьмич, — продолжал он после долгого молчания, — я не могу ждать целый год. Я не хочу стоять в стороне... И я не выдержу. Чувствую, что слабею. Проводите меня к партизанам. Это очень важно для всей страны, для людей. Правда, истории это не изменит. Но я знаю так много. Я хочу принести хоть какую-нибудь пользу, перед тем как погибну окончательно.

Дядя Митрофан безнадежно развел руками.

— Ты же видел, Альбин. Сейчас это невозможно. Мышь не проскочит. И от них никого нет. Может, летом...

Наступила весна. Зацвели черешни. Теплым ветром дышало море. Стоя в темном винограднике, Альбин подолгу слушал гул прибоя и иногда чему-то улыбался.

— Ну, как со связью, не налаживается? — спросил однажды дядя Митрофан.

Юноша грустно покачал головой.

— Может, тебе какой инструмент нужен?

— Нет.

В другой раз, спустившись в погреб к Альбину, дядя Митрофан поинтересовался:

— А где ты свой передатчик держишь? В случае обыска, если бежать придется, не найдут его?

— Какой передатчик?

— Ну этот, как его, — радио или что...

— Ах, это! Не беспокойтесь, Кузьмич. Он всегда со мной. Если бежать, то только с ним.

Юноша распахнул пиджак и показал пояс с двойной портупеей, плотно охватывающей грудь.

— Вот здесь, но не действует...

Альбин покрутил блестящие диски на портупее и безнадежно махнул рукой.

— Хитро придумано, — заметил дядя Митрофан, — однако неувязка получилась. Видно, новый образец, военного времени.

— Новый.

— Вот то-то и оно. Лучше было старый взять.

— Старого нет. Это первый... — начал Альбин и умолк.

Однажды вечером Альбин сидел на веранде. Солнце зашло, и сумрак постепенно окутывал притихший город. Над горами сгустились тучи. Все чаще полыхали яркие зарницы.

Евдокия Макаровна принесла самовар, принялась разливать жиденький желтоватый чай, заваренный из розовых лепестков. Вдали гроыхнуло.

— Первая гроза, — промолвила старуха и потерла уголком платка сухие глаза.

Маленькая взъерошенная птичка с пискom влетела на веранду и закружилась под потолком, задевая за стены и ударяя в стекло серенькими крыльями и тонким клювом.

— А чтоб тебя! — недовольно крикнула Евдокия Макаровна, замахиваясь тряпкой. — Сейчас стекла побьет. Киш!

Птичка заметалась еще стремительнее, ища выхода.

— Не нужно, — быстро сказал Альбин, вставая. — Ее кто-то испугал. Надо успокоить...

Он засвистел сквозь зубы тихо и мелодично, потом протянул ладонь. Маленький ночной гость, сделав последний круг под потолком веранды, опустился прямо в руки Альбина.

Евдокия Макаровна перекрестилась.

— Чудо, истинное чудо!..

— Просто она узнала друга, — улыбнулся Альбин. Он еще раз тихо свистнул, глядя на птичку; и она, словно отвечая, встрепенулась и чирикнула.

Альбин кивнул головой и, держа птичку на раскрытой ладони, вышел в сад. Здесь он свистнул снова, но уже иначе — коротко и угрожающе. Темная тень ночного хищника стремительно метнулась среди ветвей и бесшумно исчезла во мраке.

— Путь свободен, — сказал Альбин и легонько шевельнул ладонью.

Птичка взвилась в воздух, чирикнула и улетела.

— Людям помочь труднее, — сказал Альбин и вздохнул.

Евдокия Макаровна испуганно оглядывалась по сторонам. Расспрашивать Альбина она не рискнула.

Заскрипела калитка. Вернулся дядя Митрофан. Он был мрачен.

— Партизан поймали, — покашляв, кратко объявил он. — Один — лесник из заповедника. С ним девушка. Завтра порешат гады.

— Как порешат? — не понял Альбин.

— Повесят на площади. Народ сгонят для острстки и повесят. Уж и виселицы ставят...

— Что делается, господи! — прошептала Евдокия Макаровна.

Альбин встал, закусил губы, прошелся по веранде.

— Где они?

— Партизаны-то? — прищурился дядя Митрофан.

— Да.

— Известно где. В полицейский участок привезли. Во дворе в сарае заперли.

— Охраны много?

— Какая ночью охрана. Два — три полица. Остальные по домам уходят. Там, брат, другое. Они на ночь сторожевых собак спускают. Близо не подойдешь — разорвут. Если и не до смерти загрызут, все равно тревогу поднимут. А казармы — рукой подать... Дом на отшибе стоит, да туда и днем никто близо не подойдет. Партизаны уже не раз пробовали его спалить. Сколько своих людей положили! Не вышло... Дела там в канцелярии на всех подозрительных хранятся, доносы разные, списки — кого в Германию отправлять. Проклятый дом... Много еще слез и крови из-за него прольется.

— Вы можете издала показать этот дом, Кузьмич? — подумав, спросил Альбин.

— Не дело затеваешь, милый, — вмешалась Евдокия Макаровна. — И сам пропадешь и его погубишь.

— Тихо, — угрожающе протянул дядя Митрофан. — Не твоего бабьего соображения маневр. Иди спать...

Громыкнуло совсем близо. Яркий зигзаг молнии расколол темное небо. В окна забарабанили первые крупные капли дождя.

— Погодка в самый раз, — заметил дядя Митрофан. — А домишко этот показать можно. Ходу полчаса. Патрули теперь попрятались. Только что сделаешь?

— Там увидим, — сказал Альбин.

Когда они собрались выходить, дождь превратился в ливень.

— Старый, — прошептала Евдокия Макаровна, за-

крывая глаза концом головного платка, — ты смотри, старый...

Она коснулась дрожащей морщинистой рукой небритых щек дяди Митрофана.

— Знаю, — сурово отрезал тот и добавил мягче: — Ты ложись, не жди. Может... в лесу переночуем.

Они осторожно пробирались по пустым переулкам под потоками проливного дождя. Ноги скользили по размокшей глине. Гром гремел не переставая. Яркие молнии беспрерывно освещали мутную завесу водяных струй, мокрые заборы, темные дома, крутой спуск к реке.

— Тут сейчас сбоку кладбище, — шепнул дядя Митрофан, — за ним поле. Полицейский участок на краю поля у реки. До войны там контора лесничества помещалась.

Ощупью, натыкаясь на кресты и ограды, они пересекли кладбище.

Яркая молния зеленой змеей скользнула над головами. Стало светло, как днем. Альбин увидел внизу у реки белое здание за каменной оградой, черные свечи кипарисов вокруг и низкое строение с плоской крышей в глубине двора.

— Лесник с девушкой там, — сказал дядя Митрофан. — Окон нет. Дверь слева. На ней железный засов с замком.

— Ждите меня здесь, Кузьмич, — прошептал Альбин. — Если через час не приду, возвращайтесь домой и никому не рассказывайте обо мне.

Прежде чем дядя Митрофан успел раскрыть рот, юноша уже исчез в темноте.

Дядя Митрофан присел на мокрую могильную плиту. Дождь не утихал. Струи холодной воды стекали за воротник, бежали по спине. Старенькая суконная фуражка промокла насквозь. Дядя Митрофан ничего не замечал.

Молнии одна за другой освещали пустое поле. Альбина нигде не было видно.

«Надо было с ним идти, — думал старик. — Пропадет один...»

Снова полыхнула молния. Дядя Митрофан ахнул. Недалеко от дома он увидел маленькую фигурку в темном плаще и возле нее несколько больших немецких овчарок.

Гром не утихал целую вечность. Наконец стало тихо. Дядя Митрофан напряженно прислушивался. Ни тревоги, ни лая не слышно. Еще раз молния осветила окрестности, и дядя Митрофан ясно увидел, что Альбин уже подходит к ограде, а собаки бегут вокруг него, дружелюбно помахивая хвостами.

Дождь как будто стал утихать. Гроза уходила на запад, за лесистые вершины Бабугана. Молнии сверкали теперь за облаками и не позволяли рассмотреть, что делается внизу.

«Упустили время-то, — думал дядя Митрофан, напрасно стараясь разглядеть что-нибудь в густой черноте ночи. — Пускай бы еще погромыхало малость. Собаки, видать, не тронули его. Может, и удастся».

Снова загрохотал гром тяжело и раскатисто, будя многоголосое эхо в ущельях за рекой, и тогда началось... Еще не затихли последние раскаты грома, как яркий фиолетово-зеленый свет озарил окрестности. Четкими силуэтами выступили из тьмы дом с каменной оградой и окружающие его кипарисы. Это продолжалось лишь мгновение, а затем дом запылал сразу от фундамента до крыши. Несмотря на дождь, пламя перебросилось на кипарисы, и спустя несколько секунд на месте полицейского управления пылал огромный костер.

Налетел новый грозовой шквал. Но даже дождь, опять превратившийся в ливень, не в состоянии был погасить пламя. Над пожаром поднялись облака пара, сквозь которые продолжали рваться к черному небу языки огня. Несколько темных фигур метались на фоне горящего здания. В промежутки между раскатами грома доносились крики, лай собак, сухо протрещала автоматная очередь. В порту тревожно завывали сирены.

«Молнию, что ли, он притянул, — думал дядя Митрофан. — Да, видно, не рассчитал; верно, и сам погиб. Ну и пожар! В жизни такого не видел... Эх, Альбин, Альбин, непонятный ты человек! Пришел неведомо откуда, а ушел вот так...» — Широкие плечи дяди Митрофана задрожали.

Где-то совсем близко треснула ветка и шевельнулись кусты. Дядя Митрофан поднял голову. Рядом стоял Альбин.

— Пойдемте, Кузьмич, — устало проговорил он. — Девушка и лесник свободны. Они в лесу за рекой и пла-

мя освещает им путь. А списков уже нет. Слез и крови будет немножко меньше...

— Жив, — прошептал дядя Митрофан, хватая юношу за руку. — Не ранили?

— Меня никто не видел. Они думают, — молния. Пойдемте, иначе будет поздно. Я теперь безоружен и совсем обессилел. Похоже, что заболел... Идем...

К горящему дому уже мчались машины, ярко светя фарами.

* * *

В Алуште начались обыски. Поговаривали, что ищут каких-то парашютистов, не то советских, не то американских. Дядя Митрофан рассказал об этом Альбину, но юноша остался совершенно равнодушен. Он едва держался на ногах, к еде не притронулся.

— Найдут его в погребе, крышка нам всем, старый, — твердила Евдокия Макаровна.

— Не найдут, — не очень уверенно возражал дядя Митрофан.

— А если найдут?

— Ну найдут, так мы с тобой свое пожили...

— Мы-то пожили, — а он? Да и нам обидно до победы не дожить. Может, с отцом Серафимом посоветоваться?

— Дура! Только пикни, я тебе ума добавлю!

— Очумел на старости лет. Отец Серафим, говорят, тоже партизанам помогает.

— Я там не знаю, кому он помогает. Только я попам ни на грош не верю. И точка...

Евдокия Макаровна обидчиво поджала губы и умолкла.

Весь вечер дядя Митрофан был мрачен. На другой день он раздобыл где-то дрянного шнапса,¹ который немцы делали из древесных опилок, и запил.

Евдокия Макаровна спряталась у соседей; она хорошо знала, чем кончаются такие часы запоя. В горнице царил беспорядок; комья засохшей грязи покрывали пол. В открытую настежь дверь задувал холодный ветер.

Время от времени старик начинал бормотать что-то, угрожающе постукивая кулаком по столу. Подпрыгивала зеленая бутылка, звенел стакан. Потом голова старика опустилась на грудь, он задремал. Разбуженный каким-то движением, потянулся к бутылке и увидел Альбина.

Юноша стоял у стола и смотрел на старика с недоумением и болью.

Их взгляды встретились.

— А ты не гляди на меня, — заплетающимся языком пробормотал дядя Митрофан. — Кто ты такой, чтобы глядеть на меня так? Это я с горя... Ты можешь понять мое горе?.. Мое бессилие?.. Э-э, не можешь ты... потому как ты — неизвестно что. Ну что ты такое, объясни. А может, я тебя выдумал?..

— Зачем вы так, Кузьмич? — тихо спросил Альбин.

— А что, с тобой не посоветовался? — гаркнул дядя Митрофан; он поднял было кулак, но под взглядом Альбина тихо опустил руку на стол и потянулся к бутылке.

— Нет, — твердо сказал Альбин и отодвинул бутылку.

---

¹ Шнапс — водка (нем.).

— Ты у меня смотри! — угрожающе протянул дядя Митрофан и, пошатываясь, поднялся из-за стола.

— Нет, — повторил Альбин и, взяв бутылку, швырнул ее в открытую настежь дверь.

Маленькие глазки дяди Митрофана широко раскрылись. Казалось, он пытался сообразить, что произошло. А когда сообразил, сжал кулаки и шагнул к Альбину.

Юноша не дрогнул. Не отрывая взгляда от глаз дяди Митрофана, тихо сказал:

— Успокойтесь, Кузьмич, успокойтесь. Пойдемте со мной. . . — Взяв под руку притихшего старика, вывел его в темный сад, подвел к бочке с дождевой водой, зачерпнул несколько ковшей холодной воды и вылил ему на голову. Дядя Митрофан не сопротивлялся, только мотал головой и отфыркивался.

— А теперь спать. Кузьмич, — сказал Альбин, отводя старика в комнату. — Спать.

Дядя Митрофан тяжело опустился на свою койку, поднял глаза на Альбина.

— Я тебе. . . ничего не сделал?

— Нет.

— Ну, спасибо. . . Спасибо, сынок. . .

Старик откинулся на подушку и вскоре захрапел.

Альбин прикрыл дверь, спустился в подвал, сел на кровать и закрыл лицо руками. Так просидел он всю ночь.

Евдокия Макаровна вернулась на рассвете. Обнаружив, что старик спит, она заглянула к Альбину.

— Как мой-то, сильно шумел? — спросила она, увидав, что Альбин не ложился.

— Нет, — ответил юноша, не отнимая рук от лица.

— А ты что так сидишь? — забеспокоилась старуха. — Аль болит что?

— Да, — тихо сказал Альбин, — я заболел. . .

К вечеру ему стало совсем плохо. Он уже не мог подняться. Поход под проливным дождем и столкновение с дядей Митрофаном лишили его последних сил.

Прошло несколько дней. Альбину становилось все хуже. Бледный и исхудавший, он неподвижно лежал на узкой койке в дальнем углу погребка. Вначале дядя Митрофан выносил его по ночам на виноградник, но однажды вечером, спустившись в погреб, обнаружил, что юноша лежит без памяти.

«Неужели помрет, — думал старик, присаживаясь на край кровати. — Докторов знакомых нет, фашисты всех поарестовали. Что делать?»

Альбин тяжело дышал, что-то шептал в забытии.

— Давит его этот пояс, — решил дядя Митрофан. — Сниму-ка я его да спрячу. И улик меньше, если эсэсовцы нагрянут.

Разыскав пряжки, дядя Митрофан осторожно расстегнул пояс и ремни портупеи, незаметно вытащил их из-под больного.

Альбин пошевелился, открыл глаза. Дядя Митрофан сунул портупею под кучу тряпья, лежащего на полу, и нагнулся к юноше.

— Лоа, прости меня, — тихо шептал Альбин, глядя широко открытыми глазами в темноту, — нас разделяет вечность. Ты родишься через сотни лет, а я умираю в прошлом. Ничто так не разделяет людей, как время. Если бы ты находилась на другом конце Вселенной, ты была бы ближе ко мне, чем теперь... Ты не любила меня. Я понял это в тот страшный день... в старой Москве, когда ты сказала об отъезде. Твоя поездка в далекие миры Космоса означала разлуку на многие годы. Я не мог выдержать, стал преступником. Клянусь, я не хотел твоей гибели. Нет-нет... Хотел лишь задержать отлет: на месяц, на неделю, на день... А ты погибла из-за меня... Мне больше нечего было делать в будущем. Оставалось лишь бегство в прошлое. Теперь моя очередь. Умираю, но все мысли несутся к тебе, сквозь непреодолимое время. Лоа... Ах, это Кузьмич... Вас я также обманул. Я не достоин вашей доброты... Я не тот, за кого вы меня принимали... Не борец за будущее. Я — беглец в прошлое... Мир будущего... как он прекрасен, Кузьмич!.. Если бы вернуться на миг... к работе... друзьям... Лоа, Лоа...

Наверху послышался стук.

Дядя Митрофан, кряхтя, поднялся по лестнице к крышке погреба.

— Чего надо?

— Беда, старый. На соседней даче обыск.

— Ладно. Задвинь дверь комодом. Я останусь здесь. Он бредит. Кажись, помирает...

Заскрипели половицы, по которым поволокли что-то тяжелое. Потом стало тихо.

Дядя Митрофан спустился к кровати больного. Альбин лежал без движения, глаза его были закрыты, дыхание чуть слышно. Потрескивая, горела свеча. Уродливые тени колебались на стенах.

Дядя Митрофан чутко прислушивался. Повсюду царила тишина. Старик начал клевать носом и вскоре задремал.

Разбудило его резкое движение где-то совсем близко. Послышалось шипение. Остро запахло озоном. Пламя свечи метнулось и погасло. Надвинулась густая тьма. Альбин шевельнулся и застонал. Дядя Митрофан вскочил, начал шарить спички.

Он уже нащупал коробок, как вдруг рядом послышалось приглушенное дыхание.

— Где мы? — спросил резкий гортанный голос.

— На месте, — прозвучало в ответ. — Два часа ночи двадцать восьмое мая тысяча девятьсот сорок третьего года.

— Мы добрались быстрее, чем я думал, — продолжал первый голос. — Но где он?

— Должен быть близко. Индикатор указывает два метра.

— Дайте свет!

Вспыхнул яркий конус света, затем второй. Онемевший от страха дядя Митрофан разглядел две высокие фигуры, неизвестно откуда появившиеся в наглухо закрытом погребе. Оба незнакомца были в блестящих чешуйчатых комбинезонах с капюшонами. Комбинезоны были перетянуты широкими поясами с такими же портуями, как у Альбина.

На капюшонах, над большими очками, прикрывавшими глаза, были укреплены рефлекторы, излучающие яркий свет.

— Кажется, это он, — сказал один из незнакомцев, осветив лежащего Альбина своим прожектором.

— Однако что здесь такое?.. Эпоха, в которую мы перенеслись, была эпохой войны против наших предков, закладывавших основы коммунизма. Может быть, Альбин находится в руках их врагов, известных под названием фашистов. Может быть, это тюрьма? Вот тут в углу копошится еще один заключенный.

Дядя Митрофан хотел отозваться, объяснить, что он не заключенный, а подвал — не тюрьма, но язык отказал-

ся ему повиноваться и из горла вырвалось лишь сдавленное бульканье.

— Заодно освободим и этого, — предложил второй незнакомец.

— Вы забыли строжайший приказ — ни во что не вмешиваться, — возразил первый. — Наше вмешательство может привести к непоправимым бедам. Вы узнаете нас, Альбин? — продолжал незнакомец, наклоняясь к юноше. — Как видите, вам не удалось исчезнуть. Человечество нашей эпохи призывает вас к ответу.

— Я готов, — прошептал Альбин, — но я сильно болен. Кажется, мне недолго осталось жить...

— Придется потерпеть еще несколько абсолютных единиц времени. Затем вам окажут помощь. Можно удивляться, что вы продержались так долго. Вы родились в эпоху, когда люди покончили с болезнями, а бежали на сотни лет назад, к годам эпидемий и войн.

— После того, что я сделал, — тихо сказал Альбин, — после гибели Лоа, у меня оставалось два пути — смерть или бегство в прошлое. Я выбрал второе. А когда опомнился, было поздно. Мой аппарат перестал действовать.

— Направленное поле управления временем было выключено сразу, как обнаружили ваше исчезновение. Поэтому вы и не успели добраться до избранной вами эпохи. Вас заставили совершить «вынужденную посадку»...

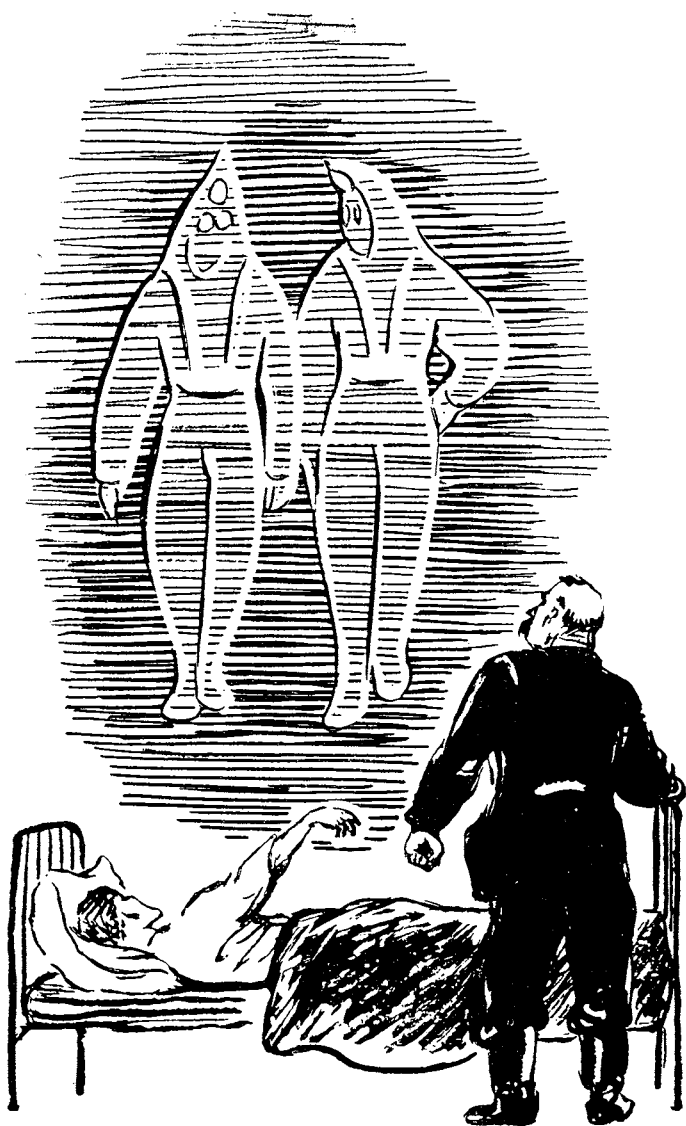
— Я предполагал это, — Альбин с трудом облизнул пересохшие губы, — но надеялся, что поле снова будет включено.

— Напрасно надеялись. Высший Совет хотел предоставить вас вашей участи. Человечество не знало преступлений более ста лет. А вы пытались совершить преступление — задержать отлет важной экспедиции. Вы не подумали, что это может привести к катастрофе. А когда произошел взрыв, вы трусливо бежали, воспользовавшись доверенной вам аппаратурой. Если бы не просьбы Лоа...

— Лоа? — вскричал Альбин, вскакивая. — Лоа... Она жива? Катастрофы не произошло? — И он зарыдал.

Незнакомцы переглянулись.

— Вот видите, — сказал второй, который до этого молча слушал разговор, — правы были те из нас, кто

считал причиной его безумных поступков любовь и ревность. Он слишком сильно любил, а она хотела лететь...

— Это не снимает с него ответственности, — возразил первый. — Из-за своего эгоизма он чуть не погубил столько людей. Счастье еще, что взрыв произошел за несколько минут до посадки астронавтов. Главный руководитель космопорта оказался прав: он сразу подумал об Альбине, когда узнал, что настройка приборов управления корабля разрегулирована. На расстоянии это могли сделать только из Академии управления временем. А там дежурил Альбин. Думали, что, услышав о взрыве, виновник немедленно бросится в космопорт. А виновник очертя голову бежал в прошлое... Я буду голосовать за долголетнее изгнание на одной из отдаленных планет.

— Боюсь, что на изгнание придется осудить двоих, — перебил второй незнакомец. — Никто не запретит Лоа сопровождать его. Вы ведь не знаете, Альбин... Лоа в последний момент отказалась от участия в экспедиции. Она хотела остаться с вами. А вы... Что же касается преступления... Еще сотни лет назад мудрецы говорили, что труднее всего перевоспитать людей. Мы давно построили коммунизм, овладели пространством и временем, но мы еще не гарантированы от рецидивов минувшего в человеческом сознании. Вот такой рецидив. Он порожден прошлым человека, и он неминуемо увлекает человека в прошлое...

Топот и громкие голоса наверху заставили незнакомца умолкнуть.

— Что там происходит? — заметил он, прислушиваясь.

Дядя Митрофан, еще не совсем соображая, откуда взялись его гости, все же счел необходимым вмешаться.

— А вы... товарищ, не беспокойтесь. Все в полном порядке. Эти, с позволения сказать, гады, горницу переворачивают вверх дном. Вчерашний день ищут... Только не найдут ничего. Вы, пожалуйста, свое дело делайте.

— Кто этот человек, Альбин? — вместо ответа спросил незнакомец.

— Это Кузьмич. Он приютил меня и учил мудрости. Он не самый лучший человек своей эпохи, но у него золотое сердце, и он всегда стоит за справедливость.

— Значит, мы должны помочь ему, — быстро сказал незнакомец. — Откройте двери, отец, и мы прогоним людей, которые осмелились ворваться в ваш дом.

— Знаешь, лучше не надо, — попросил дядя Митрофан. — Этих выгонишь, другие придут. Тогда мне со старухой несдобровать. И соседей спалят. Вы, видать, ребята неплохие. Вы к нам приезжайте, когда этих дрянней выгоним.

— Он прав, — сказал первый незнакомец. — Нам не напрасно даны строгие инструкции. Наше вмешательство может наделать бед. Люди двадцатого века без нашей помощи великолепно сделают свою историю. Все основы могущества и благополучия, которыми владеет человечество нашей эпохи, заложены ими... А нам необходимо торопиться. Канал направленного излучения поглощает сейчас всю энергию силовых установок Земли. Готовьтесь, Альбин: предстоит путь через века. Каково бы ни было окончательное решение Высшего Совета, — это ваше последнее путешествие сквозь время. В Академию управления временем вы больше не вернетесь. Путь туда вам закрыт навсегда.

Незнакомцы подняли юношу с постели. Один из них окутал его широким блестящим плащом.

— Прощай, Кузьмич, — шепнул Альбин, протягивая руку в сторону дяди Митрофана. — Спасибо тебе за все. А может, поедешь с нами?

Дядя Митрофан ошалело завертел головой. Он слышал топот тяжелых сапог наверху. Каждую минуту может подняться крышка погреба и сюда ввалятся эсэсовцы с автоматами. Как выберутся из погреба Альбин и его спутники? Сквозь землю? И куда они его приглашают?

— Так едем, Кузьмич?

Это слова Альбина. Но один из незнакомцев отрицательно трясет головой. Он что-то говорит о малой мощности обратной гравитации. Энергетический эквивалент их суммарной массы превышает допустимый исходный импульс направленного поля.

— Наши аппараты совершеннее того, с помощью которого путешествовал Альбин, — принялся быстро объяснять дяде Митрофану второй незнакомец. — И мы долетели быстрее, чем он. Альбин мог переступить порог времени только в одиночестве, а мы объединенной энер-

гией двух наших аппаратов увлечем с собой и его. Однако ученые нашей эпохи еще не умеют строить подобные аппараты любой мощности. Это дело будущего... Суть в том, что создается энергетический канал особого, направленного поля, достаточно мощного, чтобы обеспечить путь сквозь время. Боюсь, что вы не до конца уловите смысл физико-математического обоснования процесса, если попытаться привести его. Решение этой задачи потребовало сотен лет объединенных усилий математиков, физиков, кибернетиков и хронологов. Понимаете, отец, сама «машина» там, — он сделал неопределенный жест рукой, затянутой в блестящую чешуйчатую ткань. Там, в шестиста сорока годах от вашей сегодняшней ночи, в далекой от вас эпохе находится мощнейший генератор излучения. Он-то и создает канал направленного поля — своего рода лазейку в бесконечном и, казалось бы, необратимом времени. Однако пока эта лазейка очень узка. Мы не проникнем сквозь нее вчетвером. С нами, — он коснулся своей груди, — лишь небольшой источник энергии взаимодействующего поля — та «нить», которая увлечет нас по каналу времени. Эта нить тонка. Она может оборваться, если повиснем на ней все вчетвером. Тогда произойдет катастрофа, которая может повести за собой жертвы даже на энергетических станциях нашей эпохи. С временем шутить нельзя. Вы понимаете меня?..

Дядя Митрофан, растерянно озираясь, скреб лысину.

— Дело в том, — вмешался первый незнакомец, — что затраты энергии на такие путешествия слишком велики, даже для энергетических агрегатов нашей эпохи. Чтобы послать нас двоих на поиски Альбина, пришлось на несколько часов прекратить подачу энергии во все крупнейшие производящие центры планеты, выключить искусственные солнца полярных областей и задержать отправление космических кораблей дальнего следования. Это цена твоего спасения, Альбин.

— Никакая затрата энергии не может быть эквивалентна цене человеческой жизни, — пылко возразил второй незнакомец.

— Конечно, и потому скорее в путь.

— Не горюйте, отец, что не можете сопровождать нас, — тихо сказал второй незнакомец, пожимая руку дяди Митрофана. — В вашем почтенном возрасте и при

вашей комплекции путешествие было бы нелегким. Нам пришлось специально тренироваться. А отсутствие у вас индикатора направленного поля — такого какие надеты на нас, — незнакомец коснулся своей груди, — может вызвать смещение массы вашего тела в краевую зону канала излучения. В этом случае мы могли бы на пути, образно говоря, растерять вас по частям. Примите же мое сердечное уважение. Мне было очень приятно познакомиться с одним из достойных далеких предков... Прощайте.

Он отступил и стал рядом с Альбином. Альбин что-то шепнул ему на ухо. Незнакомец окинул дядю Митрофана внимательным взглядом и кивнул головой, потом быстро вынул из кармана своего чешуйчатого комбинезона плоскую блестящую коробку и открыл ее.

— К сожалению, только одна, — сказал он. — Правда, это не совсем то, что нужно. Мы ее захватили для вас, Альбин, на случай, если бы понадобилось нейтрализовать действие каких-либо наркотиков. Она не даст полного исцеления, но ее хватит на несколько лет. Впрочем, за это время Кузьмич может отвыкнуть от своего порока. Проглотите это, — обратился он к дяде Митрофану, протягивая ему маленький зеленоватый шарик.

Дядя Митрофан испуганно попятился.

— Проглотите, так надо, — не допускающим возражений тоном говорит первый незнакомец. — Вас просит Альбин, а он не желает вам зла. Никто из нас не желает вам зла.

Шум наверху усиливается. Слышен звон разбитого стекла.

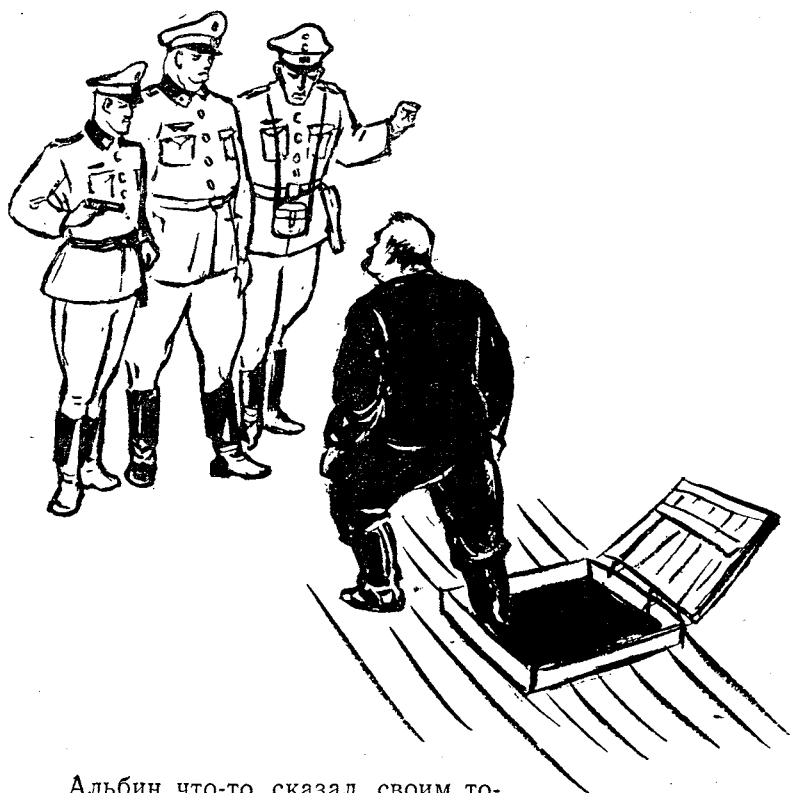
Спорить некогда. Дядя Митрофан берет таблетку и сует ее в рот, осторожно переворачивает языком. Таблетка не имеет ни вкуса ни запаха. Решившись, дядя Митрофан глотает таблетку и, страшно вытаращив глаза, ждет, что с ним произойдет.

Но с ним ничего не произошло.

— Где фотонный излучатель, Альбин? — Это спросил первый незнакомец. — При тебе? Хорошо... Он разряжен? Все равно. Эту штуку нельзя оставлять в двадцатом столетии. Она может попасть в руки врагов человечества, и тогда ее превратят в орудие убийства.

Наверху с грохотом отодвигают комод.

— Альбин, немцы! — шепнул дядя Митрофан.

Альбин что-то сказал своим товарищам.

Все трое подняли руки, словно прощаясь с дядей Митрофаном. Раздалось тихое шипение, свет прожекторов померк, и воцарился полнейший мрак.

Дядя Митрофан ощупью пробирается к тому месту, где он в последний раз видел Альбина и его спутников. Никого... Ощупывает кровать. Пусто. Только резкий запах озона щекочет ноздри.

* * *

Крышка погреба с грохотом откинулась. Луч карманного фонаря ударил в глаза дяди Митрофана.

— Выходи!

Старик, пошатываясь, поднялся наверх. В комнате эсэсовцы. Евдокия Макаровна с ужасом смотрит на мужа.

Двое солдат с фонарями и автоматами спускаются в подвал. Евдокия Макаровна закрывает лицо трясушимися руками. Через несколько минут солдаты вылезают наверх.

— Никого, — равнодушно докладывает один из них.

Евдокия Макаровна с недоумением переводит взгляд с солдата на дядю Митрофана.

Офицер зло щелкает тростью по блестящему голенищу сапога.

— А ты что в подвале делал? — спрашивает у дяди Митрофана, щуря белесые глаза.

— Спал, — говорит дядя Митрофан и, неожиданно для себя, громко икает.

— Дык, пьяный он был, — слезливо объясняет Евдокия Макаровна. — Пришел, шуметь начал; я его в подвал да комодом и задвинула, чтобы не вылез. Я всегда так: пока не протрезвится, не выпущу.

Когда солдаты, грохоча сапогами, вышли из комнаты, Евдокия Макаровна в упор глянула на мужа:

— Ты что с ним сделал? ..

* * *

Дядя Митрофан испытующе смотрит мне в глаза.

— Ну, что ей, неразумной бабе, на этакий вопрос скажешь? Как объяснишь? Ежели я сам толком не понял. Самому трудно поверить в такое... А ведь сколько раз я на нем этот самый пояс видел. Вот как ты сейчас меня видишь.

Дядя Митрофан встал, подтянул повыше трусы, надев пояс и поправив портупею, подошел к зеркалу.

— Как сейчас вижу, — со вздохом продолжал он, — стоит передо мной Альбин и вот эти колечки покручивает.

Послышалось тихое шипение. Я взглянул на дядю Митрофана и увидел, что глазок посреди металлического диска портупей вспыхнул ярким голубым светом. Страшная догадка мелькнула в моей голове.

— Стой, дядя Митрофан, — отчаянно закричал я, — не трогай колец...

Но было уже поздно. Прозрачная дымка появилась вокруг его тела. Я хотел схватить его за руку, но невидимая чудовищная сила отшвырнула меня в угол комнаты. Последнее, что я успел рассмотреть — была до крайности удивленная физиономия дяди Митрофана. Но я так никогда и не узнал, что он увидел в тот момент.

Когда я приподнялся, оглушенный падением, дяди Митрофана в комнате уже не было. Машина времени унесла его в Неизвестное...

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна Гремящей расщелины	5
Охотники за динозаврами	109
Призраки Белого континента	173
Беглец	247

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Шалимов Александр Иванович

«Тайна Гремящей расщелины»

Ответственный редактор Н. К. Неуймина.

Художник-редактор Ю. Н. Киселев. Технический редактор П. Л. Трусова.

Корректоры Л. К. Малявко и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 12/IV 1962 г. Подписано к печати 5/VII 1962 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 14,56. Тираж 30 000 экз. ТП-1962 № 737. М-08416. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 621.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 69 коп.

69k

А. ШАЛИМОВ

ТАЙНА
УРЕМЯЩЕЙ
РАСПЕЛИНЫ